

Двухнедѣльный журналъ
ЖИЗНИ СѢВЕРНАГО КРАЯ
„Извѣстія Архангельскаго
ОБЩЕСТВА
изученія Русскаго Сѣвера“.

1910 г.

№ 17-й.

1 Сентября.

Новые законы и распоряженія Правительства, представляющіе интересъ для Сѣвера.

(1 отдѣлъ Собр. узакон. и распоряж. Правит. 1910 года).

№№ Ст.	Предметы узаконеній:
131. 1369.	О дальнѣйшемъ оставленіи нѣкоторыхъ уѣздовъ Тобольской губ. на положеніе усиленной охраны, а также о предоставленіи Тобольскому Губернатору въ отношеніи прочихъ мѣстностей названной губернии особыхъ полномочій по охраненію общественнаго порядка.
131. 1370.	О дальнѣйшемъ оставленіи въ состояніи усиленной охраны Омскаго, Петропавловскаго и Кокчетавскаго уѣздовъ, Акмолинской области.
134. 1392.	Объ утвержденіи устава частнаго коммерческаго училища Колокольниковыхъ въ Тюмени.
134. 1402.	Объ учрежденіи въ с. Спасскомъ, Стуловской волости, Слободского уѣзда, должности урядника уѣздной полицейской стражи.
136. 1412.	О переименованіи Обскаго продовольственнаго интендатекаго заведенія въ Новониколаевское.
137. 1413.	О возложеніи на сенатора, гофмейстера Высочайшаго Двора графа Медена производства ревизіи матеріальной службы и хозяйства Сибирской желѣзной дороги въ связи съ данными, свидѣтельствующими о преступномъ нарушеніи на означенной желѣзной дорогѣ денежныхъ интересовъ казны.
138. 1417.	О расписаніи годового призыва новобранцевъ 1910 года по губерніямъ и областямъ.

Мертвое богатство.

(Пазръцкіе водопады).

Среди естественныхъ богатствъ той или иной страны не послѣднее мѣсто по значенію занимаютъ источники механической силы, дающіе возможность превращать ихъ въ двигатели и примѣнять для промышленныхъ цѣлей. Сила паденія воды съ незапамятныхъ временъ используется для мукомольныхъ мельницъ, позднѣе для другихъ производствъ: еще у греческихъ поэтовъ мы встрѣчаемъ упоминанія о сукновальной мельницѣ.

Однако, наибольшаго расцвѣта использование водяной силы достигло въ послѣдніи десятилѣтія, съ изобрѣтеніемъ и усовершенствованіемъ турбинъ, передающихъ механическую силу съ небольшою потерей ея количества. Такъ, лучшія европейскія турбины сохраняютъ 0,75 движущей силы, турбины же американской конструкции—даже 0,8.

И повсюду, гдѣ развитая промышленность могла заставить служить себѣ свободную стихію, на берегахъ рѣкъ, ручьевъ и водопадовъ ставились турбины. Особенно это явленіе распространено въ гористыхъ странахъ, гдѣ высота паденія воды велика, и поэтому велика и движущая сила ея. Въ Италіи, въ Швейцаріи, если вы слышите издали шумъ водопада, хотя бы маленькаго, то можете быть увѣрены, что, подойдя ближе, увидите большое зданіе—фабрику или заводъ, или же электрическую станцію, откуда по длиннымъ проволокамъ посылается энергія на отстоящіи иногда за нѣсколко верстъ производства.

У насъ въ Россіи использование водяной силы находится еще въ младенческомъ состояніи. Съ одной стороны, причиной этого является равнинный характеръ нашей родины, медленность теченія русскихъ рѣкъ; съ другой,—недостаточно развитая промышленность, недостатокъ того капитала, который жадно искалъ бы себѣ приложенія, нащупывалъ бы новые пути, стремился бы использовать всякую возможность для полученія прибылей. Но изъ году въ годъ промышленность Россіи все же растетъ, страна идетъ все же впередъ, а не назадъ. И если не сейчасъ, то позднѣе поставленъ будетъ на очередь вопросъ о болѣе усиленной эксплуатаціи имѣющейся въ странѣ водяной силы.

Изучая Сѣверъ и его богатства, мы наталкиваемся на такой неиспользованный еще и мощный источникъ энергіи, какъ водопады по рѣкѣ Пазѣ, на Кольскомъ полуостровѣ. Рѣка эта—пограничная съ Норвегіей, и предприимчивые норвежцы обратили вниманіе на богатые силой водопады. Владѣя однимъ лишь берегомъ рѣки, они обратились къ русскому правительству съ предложеніемъ объ арендованіи водопадовъ, излагая свои условія. Главное управленіе землѣдѣлія и землеустройства командировало тогда лѣтомъ 1907 г. для изслѣдованія назрѣвшихъ водопадовъ извѣстнаго специалиста по гидротехникѣ проф. харьк. технол. инст. В. И. Альбицкаго. Его подробный и обстоятельный отчетъ легъ въ основу договорныхъ нормъ, на которыя, однако, норвежскіе промышленники (общество „Эюдварангеръ“) не согласились. Сдѣлка не состоялась.

Разсмотримъ приводимые г. Альбицкимъ данныя. Проф. Альбицкій изслѣдовалъ Пазу въ августѣ мѣсяцѣ, и въ это время состояніе рѣки могло быть опредѣлено, какъ „среднія лѣтнія воды“. Проѣхавъ на лодкѣ и пройдя берегомъ около 50 верстъ, изслѣдователь пришелъ къ заключенію, что рѣка Пазы есть, въ сущности, рядъ озеръ, глубокихъ и большихъ по своей свободной поверхности, соединенныхъ протоками, вообще широкими (отъ 40 до 100 саж.) и глубокими (отъ 1—3 саж. средней глубины). На этихъ протокахъ и расположены пороги и водопады (по мѣстному „падуны“). Ложе и берегъ рѣки—почти сплошной камень, преимущественно гравитъ. Источниками многоводности служатъ, очевидно, главнымъ образомъ сильные ключи въ днѣ озеръ, т. к. притоковъ рѣки не имѣетъ.

Первый отъ моря—въ 3½ в.—водопадъ „Пазрѣцкій“, затѣмъ, черезъ 3½ в., „Заячій“, далѣе, верстъ черезъ 7—8, „Holmfossen“; нако-

нецъ, еще далѣе идутъ большіе пороги и два падуна, близко отстоящіе другъ отъ друга: „Melkefossen“ и „Mennekafossen“.

Данныя относительно всѣхъ этихъ водопадовъ, полученныя непосредственнымъ измѣреніемъ, слѣдующія:

	Ширина.	Высота паденія.	Достиж. раб. напоръ **).	Поперечн. сѣченіе *).	Скорость теченія *).	Механическ. сила.
Пазрѣцкій.	30 с.	8,51 м.	9 м.	} 596 к. м.	} 0,65 м/с.	} 46.490 л.с.
Заячій.	9 с.	6,97 м.	9—10 м.			
Melkefossen.	60 с.	5,39 м.	—	} 240 к. м.	} 1,08 м/с.	} 20.730 л.с.
Mennekofossen.	90 с.	6 м.	—			

Такъ какъ въ различное время года высота уровня воды мѣняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняется и количество воды, протекающей черезъ одно и то-же сѣченіе, то необходимо внести соотвѣтствующія поправки на эти колебанія.

Кстати приведемъ и тѣ цифры механической энергіи, которыя будутъ получаться на осяхъ турбинъ—какъ европейскихъ, съ коэффициентомъ 0,75, такъ и американскихъ—0,8. Всѣ числа выражены въ лошадиныхъ силахъ.

Пазрѣцкій и Заячій водопады.

При напорѣ 6 м.	Сила водопада. Отъ 23.250—42.780.	На европ. турбин. Отъ 17.438—32.052	На америк. турбин. Отъ 18.600—34.224.
„ „ 9 „ „	34.875 - 64.170.	„ 26.156—48.128	„ 27.900—51.336.

Эти громадныя запасы силъ имѣютъ большую стоимость. Проф. Альбицкій вычислилъ, что въ то время, какъ при паровомъ двигателѣ одна лошад. сила обойдется въ 38 рубъ въ годъ, при использованіи водопада она будетъ стоить всего 5 р. Эта разница выразится для каждаго изъ нашихъ водопадовъ въ цифрѣ до 1½ миллионъ руб. въ годъ!

Мы взяли только главные водопады, а вѣдь использованы могутъ быть и другіе три падуна; многочисленныя пороги также даютъ возможность легкой и дешевой утилизаціи.

Но, разумѣется, вся эта механическая энергія была бы бесполезна, если бы ее не къ чему было примѣнить. Однако, можно думать, что матеріалъ для обработки найдется. Мы не говоримъ уже о лѣсопиломъ дѣлѣ, для него такихъ большихъ запасовъ силы и не требуется. Но берега Пазы ждутъ еще своихъ изслѣдователей-геологовъ ***): ознакомившись съ размѣрами и положеніемъ площади, заарендованной норвежскимъ обществомъ „Зюдварангеръ“ для добычи желѣзной руды, и съ направленіемъ рудоносныхъ жилъ на этой площади, осмотрѣвъ лично одну изъ этихъ жилъ и разспросивъ знающихъ мѣстность людей, проф. Альбицкій пришелъ къ убѣжденію, что и русскій берегъ р. Пазы не

*) Измѣреніе производилось на каналѣ, соединяющемъ два водопада; цифра средняя изъ ряда измѣреній.

**) При помощи возведенія плотинъ и углубленія русла напоръ можетъ быть повышенъ.

***) Статья эта была уже набрана, когда на р. Пазу отправился для геологическихъ изысканій г-нъ инж. Р. Л. Самойловичъ.

лишенъ рудныхъ богатствъ, нуждающихся въ разработкѣ. „Русскій берегъ р. Пазы вообще нуждается въ опытныхъ научныхъ изслѣдованіяхъ богатствъ, хранящихся въ его пѣдрахъ, и гл. упр. землеустр. и земл. окажетъ рѣдинѣ большую услугу, взявши на себя инициативу организаціи специально-горной экспедиціи, изъ горнаго инженера и геолога, на берегъ Пазы и вообще на Мурманскій берегъ. По разсирсамъ многихъ лицъ, съ которыми я бесѣдовалъ, тамъ есть желѣзная руда, мѣдная руда, золото, въ рѣкахъ жемчугъ, и есть цѣлая гора бѣлаго мрамора“; такъ говоритъ проф. Альбицкій въ своемъ отчетѣ.

Все это даетъ матеріалъ для приложенія ума, энергіи и предпримчивости человѣка, для примѣненія механической силы многочисленныхъ и богатыхъ силою водопадовъ Мурманскаго берега.

Климатическія условія для будущей промышленной колонизаціи бассейна р. Пазы очень благопріятны. Отъ восточныхъ и западныхъ вѣтровъ этотъ бассейнъ защищенъ высокими береговыми горами, тянущимися съ сѣвера на югъ. Пазрѣцкій заливъ Ледовитаго океана сильно отклонился на западъ и окаймленъ также высокими горами, преграждающими путь холодному сѣверному вѣтру. Благодаря этому, бассейнъ Пазы обладаетъ прекраснымъ умѣреннымъ климатомъ, трудно вообразимымъ на 70° с. ш. Легкій теплый воздухъ, отличная охота и рыбная ловля, прекрасные виды—все это дѣлаетъ бассейнъ Пазы, по словамъ пр. Альбицкаго, райскимъ уголкомъ. А населеніе этого рая—всего десятковъ семействъ!

Несомнѣнно, въ будущемъ населеніе тамъ увеличится пришлымъ элементомъ. Тогда, между прочимъ, встанетъ практически вопросъ, не повредитъ ли прегражденіе водопадовъ плотинами рыболовству, необходимому для прибрежныхъ жителей. Рыба заходитъ въ Пазу съ моря и подымается вверхъ по водопадамъ, пользуясь для этого естественными лѣсенками ложа. Проекты договоровъ съ арендаторами водопадовъ, составленные В. И. Альбицкимъ, предусматриваютъ опасность плотинъ для рыболовства: въ проекты включенъ пунктъ объ обязанности арендатора улучшить естественную лѣсенку и поставить лѣсенки искусственныя; облегчающія рыбѣ (семгѣ) подъемъ вверхъ по рѣкѣ; также обязательнымъ является запрещеніе ловить рыбу въ этомъ каналѣ съ лѣсенкой.

Постройка лѣсенокъ должна еще болѣе улучшить условія жизни на р. Пазѣ, увеличивая количество заходящей рыбы.

Но для того, чтобы промышленная колонизація могла осуществиться, чтобы увеличивалось населеніе, заселялся бы „райскій уголокъ“ Мурмана, чтобы не лежали безплодно въ землѣ громадныя богатства, чтобы не оставались неиспользованными десятки тысячъ лошадиныхъ силъ, даваемые водопадами,—для всего этого нужно, чтобы на рѣку Пазу пришелъ капиталъ. Однако, онъ не приходитъ почему-то. Даже попытка использовать водопады съ норвежскаго берега не пошла дальше переговоровъ: общество „Зюдварангеръ“ нашло, очевидно, неприемлемыми условія русскаго правительства.

Надо сознаться, что эти условія, дѣйствительно, мало считаются съ отдаленностью мѣста, съ его безлюдіемъ и т. под. Проф. Альбицкій, какъ мы выше указывали, считалъ, что пользованіе одной лошадиной силой водопада стоитъ дешевле паровой силы на 33 руб. Маленькая скидка, и арендная плата въ нормальномъ договорѣ готова: 30 рублей за одну лошадиную силу. Но можно усомниться, найдутся ли предприниматели, которые ради этихъ 3-хъ рублей устремились бы на 70-ую параллель.

къ Ледовитому океану, куда надо везти рабочихъ и хлѣбъ и все, что нужно для жизни!

Намъ думается, что народное богатство измѣряется не только тѣми тысячами рублей, которыя поступаютъ въ казну въ видѣ арендной платы и т. под. Использование природныхъ богатствъ страны, повышение уровня жизни возможно большей части населенія, ростъ производительныхъ силъ—вотъ цѣль, къ которой должна стремиться разумная экономическая политика. Есть капиталы—если не русскіе, то иностранные,—ждущіе приложенія; есть тысячи и десятки тысячъ людей, ищущихъ работы, голодающихъ и въ отчаяніи хватающихся за уксусную эссенцію; есть громадныя залежи цѣнныхъ минераловъ и металловъ, есть могучіе двигатели—водопады. Дѣло разумной политики должно бы заключаться въ томъ, чтобы облегчать соединеніе всѣхъ этихъ элементовъ, а не затруднять его.

Общая мѣры колонизаціи края въ связи съ возможно болѣе льготными условіями пользованія механической силой водоналовъ рѣки—вотъ, по нашему мнѣнію, единственный путь, который приведетъ къ расцвѣту промышленной жизни на этой отдаленной жемчужинѣ нашего Сѣвера.

Б. Пер.

По Сѣверному Ледовитому океану.

Удаляясь отъ Зимнихъ горъ, съ темнѣющимъ хвойнымъ лѣсомъ на высокіхъ вершинахъ, поднявшихся надъ широкой желто-сѣрой полосой песковъ и глины, граничащихъ съ далекимъ просторомъ моря, пароходъ Мурманскаго товарищества „Императоръ Николай II-ой“ безостановочно уходитъ все впередъ и впередъ.

Мы проходимъ мимо высокаго берега, горы въ одномъ мѣстѣ точно раздвигаются, и далеко между ними показываются бѣлѣющія на солнцѣ церкви среди низенькихъ домиковъ приморскаго села Золотицы.

Намѣчается низина и на ней въ неясныхъ контурахъ русло рѣки, куда направляются два морскихъ карбаса, доставившіе на пароходъ почту и пассажировъ. Воздухъ чистъ и прозраченъ. Мы уже далеко въ морѣ, но видимъ, какъ подъ яркими лучами солнца ослѣпительно горитъ и переливаются расплавленнымъ золотомъ окна въ поморскихъ домикахъ.

Вечерѣтъ. Солнце на безоблачномъ, блѣдно-голубомъ небѣ приближается къ западу, но все еще ярко свѣтитъ надъ моремъ.

Кругомъ тихо. Впереди безконечная, темно-голубая гладь воды уходитъ куда-то въ неизмѣримую даль, гдѣ только вода и небо сходятся вмѣстѣ, да въ вышинѣ, точно снѣговья вершины горъ, застыли причудливо нагроможденныя облака.

Южный ласкающій вѣтерокъ, рѣдкій гость на дальнемъ Сѣверѣ, проносится надъ моремъ, чуть-чуть касаясь глади водъ и точно нѣжить и гладить ее.

Хорошо на морѣ. Просторомъ дышетъ оно. Вольный воздухъ несется навстрѣчу пароходу. Дышется полной грудью.

Купаясь въ лучахъ солнца, кричитъ бѣлая чайка и, широко распластавъ крылья, дрожитъ надъ моремъ, потомъ стремительно несется

внизъ, падаеть въ воду, разбрызгивая ее въ стороны и долго бѣлой точкой видѣется на глади водъ.

Никому не хочется сидѣть въ каютахъ, и пассажиры собрались на палубу и къ бортамъ. Пароходъ живетъ своей жизнью. На кормѣ, гдѣ столъ тщательно поддерживаютъ чистоту и часто спуютъ лакеи, заняла свое мѣсто „чистая“ публика. Любуются моремъ, заглядываютъ въ газеты и путеводители, среди молчанія перекидываются незначительными фразами и гуляютъ. Но всѣ, видимо, довольны. Въ открытыя двери салона, откуда пахнетъ краснымъ деревомъ, несутся звуки піанино. Какая-то пассажирка, усиливая удовольствіе отъ путешествія по морю, наигрываетъ вальсы...

По палубѣ быстро проходитъ расфранченный лакей съ полотенцемъ черезъ плечо и собираеть публику „кушать“.

На палубѣ парохода вездѣ одинаково свѣтло и тепло. Обитатели 3-го класса, который оказывается близкимъ сосѣдомъ пароходному трюму, пахнущему сыростью, покинули свое душное помѣщеніе, куда вестъ внизъ крутая лѣстница, которую скрываетъ темнота.

Среди боченковъ, бочекъ, нѣсколькихъ поморскихъ лодокъ и большихъ свертковъ багажа размѣстились подъ открытымъ небомъ, около пароходнаго люка, поморы и поморки. Здѣсь тѣсно отъ многолюдства и перевозимой клади, шумно отъ разговоровъ и суеты. Наблюдая очередь, поморы пьютъ чай изъ большихъ чайниковъ, надавливая пальцами ломтики парѣзаннаго лимона, которымъ запаслись въ Архангельскѣ.

Тутъ-же расположилась семья самоѣдовъ въ своихъ малицахъ, ѣдущая въ Ловозеро къ оленеводамъ—ижемцамъ пасти стада.

Заспанный, съ большой шапкой взлохмаченныхъ черныхъ волосъ, лежитъ на животѣ самоѣдъ, въ измятой, засаленой малицѣ и, повернувъ къ поморамъ загорѣвшее, мѣдно-красное лицо, какъ у краснокожаго, прислушивается къ разказу молодой поморки, показываетъ рядъ бѣлыхъ крѣпкихъ зубовъ и, видимо, недоумѣваетъ.

На опрокинутой бочкѣ комѣстилась скуластая, краснощекая самоѣдка, и разбирается въ волосахъ своей дочурки, маленькой круглолицей самоѣдки, которая положила голову на колѣни матери.

Разказчица-поморка все больше овладѣваетъ общимъ вниманіемъ. Подходятъ откуда-то матросы, выглянувшій на свѣтъ Божій кочегаръ, съ вымазаннымъ сажей лицомъ и въ лоснящейся курткѣ, останавливаются и прислушиваются.

...И вотъ, значить, мать благословила меня образомъ, и я вышла за него,—продолжаетъ молодая женка, въ питомѣ золотыми нитками по-войникѣ, распустивъ широкій ситцевый сарафанъ, и растягивая слова по-поморски. Присталъ онъ, мой-то, къ хорошему хозяину, и жили первоначалу хорошо: платили ему 40, потомъ 50 рублей жалованья, и жила я,—красовалась,—думала, въ Архангельскомъ лучше нашего Поморья. Только вдругъ по вечерамъ мужъ поздно сталъ домой приходить. Думаю на работѣ задержался, и сама, голубушки вы мои, конечно не опасуюсь. Онъ то-же мнѣ ничего не говоритъ...

— Да ужъ станутъ-ли нынѣшніе мужики тебѣ всю правду сказывать, коли по своей волѣ жить захотятъ,—вставляетъ баба-сосѣдка.

...И вотъ такъ и пошло,—продолжаетъ разказчица. Мужъ часто хмѣльной сталъ приходить. Ждала, ждала я его однажды, да таково тоскливо стало мнѣ одной, да наипаче у незнакомыхъ людей, что пошла я срѣтать его. Иду это вечеромъ по главному пришепкту, Троицкимъ зо-

вется онъ, идутъ все пары во срѣтеніе мнѣ, господа разные со супругами, и музыка гдѣ то въ городѣ играетъ... Вдругъ смотрю — мужъ идетъ съ какой-то женщиной. Поняла тутъ я. Скрѣпила духъ въ себѣ, да и говорю: не знаю, какъ васъ назвать, дѣвица вы или женщина, а только нехорошо чужихъ мужей завлекать... Что ты—говорю, Валя, совсѣмъ отъ дому отбился? Молчать, точно застыдился, а она и скажетъ: не имѣешь права на улицѣ останавливать при людяхъ, здѣсь городъ, а не деревня ваша... такая, ты, сякая.. Не вытерпѣла я... Ахъ, ты,—говорю,—обезьяна ты городская!.. Она, какъ возрится на меня, да и молвитъ: ладно, будешь ты меня помнить!.. И вѣдь сколько я натерпѣлась. Мужъ домой сталъ приходить рѣдко, придетъ—черетса, а потомъ и совсѣмъ покинулъ... Сиротой теперь осталась... Буду на Мурманъ промышленникамъ хлѣбъ печь, заработаю на зиму, и проживу...

У несчастной бабы появились слезы. Она низко склоняла голову, закрыла лицо краемъ сарафана и, сдерживая плачь, глухо зарыдала.

— Не плачь... ребить-то вѣдь не осталось... Одна, какъ персть на свѣтѣ, не пропадешь, только живи съ умомъ,—говоритъ пожилой поморъ, опуская на колѣни чайное блюдечко.

— Охъ ты, Степанъ Никифоровичъ,—тяжело вздыхая, перебиваетъ сосѣда-поморка,—всяко нашъ братъ на свѣтѣ наживется... У меня вотъ всѣ косточки болятъ отъ работы...

— Одно слово—сирота!.. слышится чье то восклицаніе.

Всѣ замолчали. Долго думаютъ про себя. Почти безшумно работаетъ машина парохода, и только едва замѣтно дрожаніе пароходнаго корпуса напоминаетъ о нашемъ движеніи. Изрѣдка подойдетъ къ борту кто-либо изъ команды и, остановившись, смѣтрить на море, въ даль, гдѣ всюду, свободная, могучая ширь.

Пароходъ рѣжетъ и разбиваетъ гладь водъ, поднимая волны. Онѣ расплываются въ стороны, струятся и переливаются, создавая своимъ движеніемъ какую-то тихую, убаюкивающую мелодію.

День прошелъ, но солнце стоитъ надъ моремъ. Ночи нѣтъ. Свѣтло. И только небо и море стали темно-голубыми.

Понемногу налуба пустѣетъ. Укрываясь парусиной, укладываются на почлегъ поморы. Никто не думаетъ, чѣмъ встрѣтитъ море на другой день. Всѣ спятъ, кромѣ вахтеннаго, который похаживаетъ на капитанскомъ мостикѣ и время отъ времени останавливается и смотритъ въ бинокль, давая указанія рулевому.

Иду во 2-ой классъ. Здѣсь тоже тихо и только какая-то компанія, захмѣлѣвшая отъ выпитаго пива и табаку, сидитъ еще передъ пустыми бутылками и тянетъ давно начатый разговоръ, видимо уже наскучившій самимъ собутыльникамъ.

— Значить, завтра, коли все благополучно, будемъ дома... И то дѣло... говорить рослый дѣтина, поправляя съѣхавшій на затылокъ картузь и грузно выдвѣвая изъ за стола.

— О... да оно... какъ будто покачивать начинаетъ,—протягиваетъ пассажиръ, скупщикъ рыбы, ѣдущій въ Поной и беретса за толстую массивную ручку каютной двери, чтобы сохранить равновѣсіе.

— Здѣсь всегда такъ, потому встрѣча двухъ теченій... Вода яро*) ходитъ взадъ и впередъ,—говоритъ здоровякъ, растягиваясь во весь свой ростъ на скамьѣ у стола, передъ батареей лустыхъ бутылокъ.

*) Оч. быстро и сильно.

Онъ лѣниво поднимаетъ голову, окидываетъ усталымъ взглядомъ пустую посуду и добавляетъ:

— Оно лучше было-бы, кабы убрали бутылки... Не разбились бы... А ты, Митя, ложись тоже. Что зря-то время манить: теперь буфетъ закрытъ, и намъ все равно ничего не дадутъ.

Великанъ засыпаетъ. Митя долго стоитъ, держась за ручку каютной двери, не спитъ и мучится отъ усиливающейся качки, наконецъ не выдерживаетъ и уходитъ заплатить дань морю. Отъ слабости онъ забываетъ притворить за собою дверь, которая отъ качки хлопаётъ и наполняетъ общій классъ холоднымъ воздухомъ.

Пароходъ закачалось сильнѣе. Слышно, какъ крупная волна съ шумомъ разбивается о носъ парохода и, пробѣгая мимо него, стучитъ о желѣзный корпусъ крупными, тяжелыми каплями воды.

Корпусъ парохода вздрагиваетъ, раскачиваясь въ стороны и въ тактъ этому покачиванію, подобно маятникамъ, качаются подвѣшенные надъ столомъ лампы, съ длинными, тяжелыми ножками и круглыми абажурами.

Гдѣ-то съ силой распахнуло каютную дверь. Она скрипитъ и хлопаётъ среди почной тишины. Слышно, какъ въ одной изъ каютъ кто-то изъ пассажировъ, проснувшись, страдаетъ отъ качки и по временамъ тяжело вздыхаетъ.

Какъ тревожный крикъ застигнутого неожиданной опасностью, вдругъ прорѣзаль почную тишину свистокъ парохода. И черезъ короткіе, правильные промежутки времени, полные какой-то неожиданности, онъ сталъ повторяться,—предостерегающій, тревожный, настойчиво жлущій отзвука. Но отвѣта нѣтъ и пароходъ идетъ, и почной крикъ его несется надъ моремъ и, кажется, это—не свистокъ парового судна, не ревъ морской сирены, а получившій необычайную мощь и выразительность тревожный голосъ какого-то живого существа, напрягающаго въ опасности всю силу гигантскихъ легкихъ. И точно переводя тяжелые вздохи, набираясь новыхъ силъ для борьбы съ моремъ, пароходъ, удерживаясь на волнахъ, съ шумомъ и шипѣньемъ выпускаетъ изъ огромнаго паровика клубы теплаго пара. И слышно, какъ неровно работаетъ машина и стучають ея металлическія части.

Случилось то худшее, чего не желаютъ моряки. Густой туманъ несется навстрѣчу пароходу, стѣной встаетъ ему на пути, создавая какой-то заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. И что таитъ море, окруживъ себя непроницаемой мглой,—никому неизвѣстно.

Было уже около 9—10 часовъ утра, когда пароходъ, раскачиваясь на волнахъ, бросилъ якорь передъ устьемъ рѣки Поноя. Наступалъ холодный, осенній день. Небо было сплошь обложено густымъ слоемъ лохматыхъ тучъ и частая сѣтка мелкаго дождя, который шелъ безостановочно, скрывала даль, накладывая на все окружающее мрачные тоны угрюмой осени. Уныло смотрѣли темно-бурые тундры Поноя, лишённые растительности, съ лежащимъ въ расщелинахъ снѣгомъ, котораго не могло растопить и лѣтнее солнце. Сѣрымъ пятномъ, точно подчеркивая суровую нелюдимость окружающаго, торчала на оголенной лудѣ одинокая изба, около которой копошились понояне, ожидавшіе пароходъ. Они столкнули нѣсколько карбасовъ и, боясь съ вѣтромъ и волнами, причалили къ пароходному трапу. Въ карбаса сошло нѣсколько пассажировъ, потомъ сдали почту. Понояне снова отправились къ лудѣ, а на пароходѣ загромычала лебедка, выкатывая якорь.

Съ однообразнымъ шумомъ неслись волны, бились о пароходъ и медленно раскачивали его. Повойскій берегъ казался длинной узкой полосой. Темнѣя въ дали, она становилась все тоньше и тоньше и, наконецъ, какъ бы погрузившись въ волны, исчезла.

Дуетъ крѣпкій, холодный вѣтеръ. Пароходъ идетъ, держа курсъ къ становищу Восточной Лицѣ. Опять всюду безграничный просторъ моря, покрытаго бѣлой пѣной. Непрерывный шумъ стоитъ надъ темно-стальной поверхностью океана, и воды его, поднимаясь высоко вверхъ, падаютъ глубоко внизъ и на гребняхъ волнъ кипятъ бѣлой розсыпью брызгъ. Небо покрыто сплошной пеленой тучъ, и солнца не видно. Пустынно на океанѣ. Рѣдко пролетитъ одинокая чайка. Все живое куда то попряталось. И только подъемъ и паденіе воды въ пучину выражаютъ теперь жизнь сѣвернаго моря. Нѣтъ солнца, и все блѣдно, однообразно, сѣро. Ни китовъ съ фонтами брызгъ, ни полудночнаго солнца. Такъ было на океанѣ въ непогоду.

Пассажиры пріютились въ каютахъ. На пароходѣ безлюдье. Изрѣдка пройдетъ по палубѣ кто-либо изъ команды, да капитанъ, его помощникъ и рулевой стоятъ все время на мостикѣ, пронызываемые холоднымъ вѣтромъ.

Въ общемъ классѣ, надъ которымъ плотно закрыто верхнее окно, полусвѣтъ. Въ каютахъ становится душно. Отъ спертаго воздуха, которому мало выхода, начинается болѣть голова.

Качка. Ритмически скрипятъ каютныя двери и деревянная обшивка. Слышенъ звонъ и грохотъ цѣпи на палубѣ. Вдругъ начинается стукъ и хлопанье каютныхъ дверей. Пароходъ сильно накренило. Это подошла девятка. Въ открытыя двери выглядываютъ корзины, смятыя койки и свертки багажа. Недостатокъ свѣта скрываетъ пассажировъ, которыхъ море „убило“ **) и только слышно, какъ они, точно надрываясь, мучатся въ койкахъ, да плачутъ напряженно маленькія дѣти, которыхъ тошнить. Немногіе, кто еще имѣютъ силы, помогаютъ больнымъ. Но ходить трудно: пароходъ кренить, и ухаживающія балансируютъ, спотыкаются и расплескиваютъ изъ стакановъ воду, которую несутъ больнымъ.

Въ рубкѣ 1-го класса только двое пассажировъ.

— Худая намъ выпала погода, да и дальше, пожалуй, не будетъ легче. Барометръ, замѣчаю я, все падаетъ и падаетъ... Едва-ли только попадемъ въ Лицу, — говоритъ колянникъ, бывший морякъ, стараясь усидѣть на диванѣ, чтобы не упасть.

— Охъ... что вы говорите!.. Это ужасно!.. Что же будетъ дальше?.. И такъ ужъ тяжело... замѣчаетъ какая-то пассажирка.

Я вышелъ на палубу. Вѣтеръ неся сильными порывами, рвалъ снасти и валилъ съ ногъ. Начиная штормъ. Небо, безъ всякихъ просвѣтовъ, сгущало мракъ. Темно-свинцовыя, безобразныя тучи двигались плотнымъ слоемъ, крупными холодными каплями хлесталъ дождь. Вѣтеръ взвылъ, и безконечными рядами, тяжело вздымаясь, стремительно ринулись на пароходъ цѣлыя горы волнъ съ бѣлыми, остро-конечными вершинами, засыпавшими дождемъ соленыхъ брызгъ. Далеко неслись надъ бездной вздутыя горы воды, тяжело валились, создавая обширныя равнины, но ураганъ поднималъ ихъ вновь, онѣ гремѣли, наполняя своимъ шумомъ все и сталкивались въ кипящемъ воловоротѣ. Пароходъ бросаетъ, отъ ударовъ волнъ онъ вздрагиваетъ и на мгновеніе точно

**) Укачалю.

останавливается въ какомъ-то трепетѣ. Стало темно. Повалилъ липкій снѣгъ, закружился, покрылъ палубу и окна. Океанъ задержало мракомъ. Стало страшно прислушиваться къ завываніямъ бури.

Пароходная прислуга съѣшнть закрѣпнть двери въ рубкѣ и крѣпко привязываетъ ихъ полотенцемъ къ периламъ надъ дѣстницей.

Расчитывая каждый шагъ, пробираемся въ каюту и ложимся въ койки. Приходится долго приспособляться, чтобы найти устойчивое положеніе и не вылетѣть на полъ.

Подъ нами, въ трюмѣ, тяжело перекачивается какой-то грузъ и колотитъ въ бока парохода. Со звономъ рухнула гдѣ-то на полъ посуда, и разбилась. Нѣсколько часовъ лежанія при постоянныхъ усиліяхъ удержаться на мѣстѣ, а рядомъ завываніе бури, которому нѣтъ конца.

Когда вой бури достигаетъ своего maximum'a, мой визави, бывшій морякъ, говоритъ:

— О, Господи!.. Нисколько легче!.. Бѣла, кого застало на шнякахъ... Опружить ***) , какъ святъ Богъ, если не успѣли убѣжать... Вы сходили-бы посмотрѣть, — у меня, видите-ли, ноги слабы, — какъ барометръ, — добавляетъ онъ.

Я пробираюсь въ рубку, которая трещитъ подъ напоромъ бури такъ сильно, что, кажется, вотъ-вотъ ураганъ свалитъ ее и волны смочутъ въ море. Замѣчаю стрѣлку, которая попрежнему стоитъ низко и вижу, какъ плачетъ испуганная пассажирка, которую успокаиваетъ мужъ.

— Ну, дѣлать нечего. Нужно терпѣть. Здѣсь воля не своя... говоритъ морякъ въ отвѣтъ на мое сообщеніе о барометрѣ.

Послѣ 16-ти часовъ шторма, утромъ заходимъ въ становище Шельпино. Наступаетъ пора относительнаго покоя для пассажировъ, ради которыхъ и дѣлается болѣе продолжительная остановка.

Подъ высокой, почти оголенной скалой, тѣсно размѣстились низкіе станы, жилища промышленниковъ, чей-то обширный амбаръ на сваяхъ и большой домъ съ торговлей, который называли факторіей.

Въ заливѣ качалось нѣсколько судовъ. Ближе къ берегу, точно передъ смотромъ, вытянулись въ линію поморскіи шняки, знакъ, что никто изъ-за погоды не рѣшался выѣхать на промыселъ.

На берегу вѣтеръ трепалъ развѣшанныя для просушки сѣти. Приходъ парохода не вызвалъ на берегу движенія. Нечего было поморамъ везти для погрузки.

Только отъ одного изъ судовъ отдѣлилась шлюпка и двое матросовъ, работая изо всѣхъ силъ противъ вѣтра и волнъ, направилась къ пароходу, который бросалъ якорь. Прошло нѣсколько минутъ. Налетѣлъ шквалъ, рванулъ пароходъ и съ удивительной легкостью сломалъ якорь. Насъ понесло. Заработала машина. Выбрали мѣсто стоянки, и вновь бросили якорь.

Обмѣнъ почты и сдача какого то незначительнаго груза не заняли много времени, но капитанъ для благополучія пассажировъ, изъ которыхъ многіе были изнурены штормомъ и нуждались въ нѣкоторомъ отдыхѣ, продлилъ остановку.

Измученные, съ блѣдными лицами, — принимались пассажиры за чаепитіе.

— Тридцатый годъ хожу здѣсь на пароходахъ, а такого шторма не видалъ, да особенно съ туманомъ и снѣгомъ, — говорилъ пожилой поморъ.

***) Опрокинетъ.

— Мы все время не могли спать... Думали: погибнемъ, такъ насъ напугала погода,—замѣчаютъ туристы, впервые ѣдущіе по океану.
— Нашу каюту пролило водой. Даже тюфяки на койкахъ промокли... Все время творили молитвы, чтобы Господь помиловалъ... Особенно жалко было малыхъ дѣтей,—разсказывали поморки, и у нихъ на вертывались на глазахъ слезы.

Разговоры велись все въ такомъ родѣ.

Недалеко отъ насъ, у ближнихъ скаль, защищавшихъ становище со стороны океана, стоялъ глухой шумъ. Бѣлой стѣной разбивались валы, встрѣчая каменную преграду, и сплошнымъ облакомъ брызгъ взлетали къ угрюмымъ вершинамъ, подернутымъ туманомъ. Океанъ все еще не могъ успокоиться и грозилъ холодомъ и бурей.

Надъ приборомъ со стономъ кружились чайки, чуя добычу. Онѣ часто и тяжело махали крыльями, чтобы удержаться противъ вѣтра и, перевернувшись въ воздухѣ, спускались къ водѣ, схватывали добычу и медленно поднимались вверхъ.

На океанѣ все еще шла крупная волна, хотя штормъ уже кончился. Изрѣдка парохоль встрѣчалъ полосу тумана, впрочемъ, довольно скоро проходилъ ее. Близость берега тоже помогала движенію. Но волненіе все-таки не позволяло зайти въ крупное становище Гаврилово и, минуя его, парохоль вечеромъ бросилъ якорь въ губѣ передъ Териберкой. Здѣсь стоянка доставляла полный покой: губа со всѣхъ сторонъ защищена отъ океанской волны высокими утесами.

По небу неслись разорванныя вѣтромъ лохматые тучи, и отъ нихъ на все ложились густыя тѣни. Падали крупныя капли дождя. Скучное освѣщеніе затусовывало окружающее, и съ парохода мы могли разсмотрѣть лишь нѣсколько судовъ, стоявшихъ недалеко отъ берега, гдѣ подъ скалистой горой размѣстилось нѣсколько домиковъ на сваяхъ, составлявшихъ такъ называемую факторію, которую кто-то изъ туристовъ называлъ „свайными постройками“, да бѣлую церковь въ глубинѣ залива. Домики колонистовъ и временныя жилища промышленниковъ тянулись около церкви темной, неясной полосой.

Послѣ непродолжительной остановки, во время которой сдали и приняли почту и нѣсколько груза, парохоль отправился.

Теперь онъ везъ новыхъ пассажировъ: священника и нѣсколькихъ чиповниковъ изъ Александровска, едва не погибшихъ въ океанѣ. Почти передъ самымъ штормомъ всѣ они по дѣламъ службы плыли на парохоль „Мурманъ“. Въ одномъ мѣстѣ случилась бѣда: парохоль потерялъ единственный винтъ. Выѣздъ на шлюпкахъ былъ невозможенъ, такъ какъ предстояло приставать къ отвѣсно возвышавшейся изъ воды скаль, подняться на которую нельзя. Волненіемъ парохоль могло разбить. При такихъ безвыходныхъ обстоятельствахъ иловцы замѣтили иностранный грузовикъ. Стрѣльбой изъ пушки и сигналами обратились за помощью. „Мурманъ“ былъ доставленъ на буксирѣ не въ Александровскъ, о чемъ просили иностранца, а только до о. Кильдина. За спасеніе взяли 1200 рублией.

— Ну, вотъ, видите-ли,—говорилъ одинъ поморъ,—иностранецъ сначала выторговалъ, вилить, что выхода нѣтъ, а ужъ потомъ помогъ... У нихъ на одинъ добрый чувства не скоро пойдуть... Вотъ мы—такъ все со своей добротой, а у нихъ нѣтъ, братъ, не такъ...

Кто-то возразилъ помору.

— Да что вы? Не вѣрите? Я правду говорю. За примѣрами не далеко ходить,—продолжалъ онъ. Вотъ въ Александровскѣ противъ нашей Никольской церкви они свою кирку поставили-же прежде, когда все обстраивалось, а когда наши промышленники стали хлопотать о постройкѣ православной церкви на Вардѣ, такъ они не разрѣшили. Мы къ нимъ съ почтеніемъ, а они къ намъ спиной... Вотъ вамъ—наша доброта. Еще большое спасибо всѣмъ мы должны сказать нынѣшнему губернатору П. В. Сосновскому: онъ все самъ видитъ, ѣздитъ и смотритъ, воли-то и не стало, какъ прежде, селиться финляндцамъ, да норвежцамъ, а раньше тѣ же иностранцы забирались на лучшія мѣста Мурмана.

— Да мѣста-то здѣсь довольно, всѣмъ хватить,—снова замѣтилъ какой-то пассажиръ.

— Цѣтъ, ужъ вы извините, вы человекъ пришлый, а мы всю жизнь здѣсь провели, такъ больше сулить можемъ. Финляндецъ и норвежецъ, скажемъ, раньше къ вамъ могли приходиться и землю нашу занимать, теперь то ужъ нельзя имъ, наша власть не позволитъ, а они насъ къ себѣ не пускали и не пустятъ. У частнаго человека арендовать землю они еще разрѣшаютъ, а государственной вамъ аршина не дадутъ. Были ужъ у насъ примѣры. Дай Богъ здоровья нашему начальнику губерніи Иванъ Васильевичу, онъ много заботится о здѣшнихъ мѣстахъ и промышленникахъ, а то бы финны и норвежцы какъ разъ заполнили нашихъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Мелетіевъ.

Отъ членовъ-корреспондентовъ А. Д. И. Р. С.

У поморъ Сумскаго посада.

Среди поморскихъ селеній Сумскій посадъ служитъ центромъ, къ которому имѣютъ тяготѣніе всѣ сосѣднія поморскія деревни. Въ немъ есть очень древняя церковь, три училища (изъ коихъ одно—мореходное), почтово-телеграфное отдѣленіе, квартира пристава, камера мирового судьи, таможенный пунктъ, отдѣлъ пограничной стражи, отдѣлъ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера, и въ довершеніе всего, нѣсколько лавокъ, въ которыхъ можно найти все необходимое. Посадъ имѣетъ свою исторію, которою онъ очень гордится. Среди безчисленныхъ крестовъ, красующихся здѣсь на всѣхъ уличныхъ перекресткахъ, особеннымъ почитаніемъ у здѣшнихъ поморовъ пользуются три креста, стоящіе рядомъ въ центрѣ посада на берегу р. Сумы, и обозначающіе мѣсто, гдѣ, по преданію, были замучены трое раскольниковъ, не желавшихъ принять отъ патріарха Никона его новыхъ догматовъ. Посадъ расположенъ при р. Сумѣ, отъ которой, какъ надо полагать, и получилъ свое названіе. Окрестности посада представляютъ довольно живописную, холмистую мѣстность, состоящую изъ обширныхъ луговыхъ пространствъ, свидѣтельствующихъ о далеко не зачаточномъ состояніи мѣстнаго луговодства; далѣе она рѣзко измѣняется въ унылую, однообразную тундру, поросшую чахламъ соснякомъ. Населеніе посада, какъ и вообще все коренное населеніе поморья, изстари занимается рыбными и звѣриными промыслами. Это—народъ энергичный, настойчивый, жизнеспособный. Суровыя сѣверныя условія рано приучаютъ

здѣшняго помора къ борьбѣ съ капризной морской стихіей. Въ мѣстныхъ водахъ ловится навага, камбала, корюхъ, сельдь и семга. Особеннаго вниманія въ отношеніи доходности заслуживаетъ зимній ловъ наваги, который привлекаетъ сюда скупщиковъ изъ сосѣднихъ губерній: Олонецкой и Вологодской. Зимой, во время наважьяго промысла, по тракту отъ Сумы къ Обозерску постоянно движутся обозы, нагруженные мерзлой рыбой. Остальная рыба идетъ болѣе для мѣстнаго потребленія, за исключеніемъ развѣ семги, которая сбывается въ Соловецкій монастырь... Однако, эти „мѣстные“ промыслы имѣютъ для бюджета населенія лишь второстепенное значеніе... Главнѣйшей-же промыселъ, который стягиваетъ все трудоспособное населеніе поморья,—суть тресковый, или, какъ его называютъ здѣсь,—„морской“. Воды, омывающія угрюмые, скалистые берега Мурманскаго побережья Ледовитаго океана, изстари служатъ источникомъ обогащенія поморскихъ промышленниковъ, которые извлекаютъ изъ нихъ десятки и сотни тысячъ пудовъ разной океанской рыбы: трески, зубатки, палтуса и т. п. Этой рыбой поморскіе промышленники ведутъ торговлю съ Архангельскомъ, куда въ теченіе лѣта она доставляется на парусныхъ судахъ, какъ собственныхъ, такъ и фрахтуемыхъ. Кромѣ своего губернскаго города, крупными судовладельцами ведется торговля и съ Петербургомъ, хотя эта торговля, какъ сопряженная съ опасностями длиннаго перехода, требующаго усовершенствованнаго типа судовъ, находится пока лишь въ незначительныхъ размѣрахъ. На Мурманѣ промышленники уѣзжаютъ съ открытіемъ навигаціи (въ первой половинѣ мая). Съ этого времени на угрюмыхъ, скалистыхъ берегахъ Мурмана закипаетъ трудовая жизнь... При успѣшномъ промыслѣ поморъ мало имѣетъ времени для отдыха, проводя большую часть дня въ морѣ и выѣзжая на берегъ только для отивки „тюковъ“ (спутанныхъ удъ), каковымъ дѣломъ здѣсь заняты подростки и женщины, прибѣгающія на Мурманъ вмѣстѣ съ промышленниками. Жизнь промышленниковъ въ ихъ промысловомъ становищѣ, пропитанномъ тяжелою атмосферою разлагающихся рыбныхъ отбросовъ, далеко не заманчива, а потому надо удивляться тому равнодушію къ окружающей обстановкѣ и тому желѣзному здоровью, какими обладаетъ поморскій рыбакъ... Теперь, съ введеніемъ регулярнаго пароходнаго сообщенія, поѣздка на Мурманъ значительно упростилась; но, въ старое „доброе“ время, когда существовалъ еще первобытный способъ передвиженія, поморскіе промышленники тянулись сухимъ путемъ черезъ Колу, каковое путешествіе, большинствомъ совершаемое до Колы пѣшкомъ, было сопряжено съ громадными затрудненіями. Поморы обычно покидали свои родные Бѣломорскіе берега еще съ Пмч. Евдокія (1-го марта) и почти цѣлый мѣсяцъ путешествовали до Колы, откуда, уже на шнякахъ, добирались до Мурмана. Первые вѣсти отъ нихъ съ промысла получались ихъ семьями не раньше, какъ „на вешнюю Николу“ (9-го мая). Это „милое“ сообщеніе съ Мурманомъ помнятъ лишь одни старожилы, которые до сихъ поръ не безъ сожалѣнія вспоминаютъ эти „былые годы“, когда, по ихъ словамъ, поморскому промышленнику жилось „вольготнѣе“, чѣмъ нынѣ, каковое преимущество этихъ „былыхъ временъ“ противъ настоящихъ вполне понятно, ибо, при первобытномъ способѣ передвиженія, мурманскія воды не кишѣли такою массою промысловыхъ судовъ, какъ нынѣ, а, слѣдовательно, не было и конкуренціи. Какъ передаютъ старожилы—этотъ промыселъ производился сообща, артельнымъ порядкомъ.

Торговля рыбою была по преимуществу мѣновая, и, при дешевизнѣ въ то время товаровъ, она являлась краеугольнымъ камнемъ матеріальнаго обезпеченія поморскаго населенія. Съ введеніемъ же пароходнаго сообщенія, Мурманъ превратился въ арену для разныхъ „дѣльцовъ“, паплывъ которыхъ ежегодно сталъ расти въ большой прогрессіи. Развившаяся на Мурманѣ конкуренція дала сильный толчекъ какъ рыботорговлѣ, такъ и рыбопромышленности, выдвинувъ на первый планъ соревнованіе въ промысловомъ судостроительствѣ. Подъ вліяніемъ такого измѣненія первобытнаго состоянія мурманскаго промысла въ сторону капитализма, образовался особый классъ судовладѣльцевъ, которые явились монополистами мурманскаго промысла. Эти судовладѣльцы, захвативъ торговлю рыбой въ однѣ свои руки, скупаютъ у рядовыхъ промышленниковъ всю ихъ добычу. Дѣло со скупкою рыбы поставлено такъ умѣло, что промышленникъ и не замѣчаетъ даже, какъ его безсовѣстно эксплоатируютъ, такъ какъ судовладѣльцы-скупщики въ то же время состоятъ и фактористами-лавочниками, имѣя таковыя и на мѣстахъ промысла и въ поморьѣ. Скупщики расплачиваются вмѣсто наличныхъ денегъ т. е. „фитками“ (контромарками), по которымъ промышленникамъ волей неволей приходится получать товаромъ, такъ какъ скупщики при расчетахъ всегда отказываютъ въ выplatѣ наличными деньгами, отзываясь яко-бы ихъ неимѣніемъ. Такимъ образомъ выходитъ, что бѣднымъ промышленникамъ не приходится даже полюбоваться тѣмъ презрѣннымъ металломъ, ради котораго они почти ежедневно рисковали своею жизнію, такъ какъ сумма прихода отъ реализаціи ихъ добычи съ трудомъ покрываетъ сумму задолженности, которая при расчетѣ представляется скупщиками. Чтобы не преувеличить, долженъ оговориться, что не всѣмъ промышленникамъ причитаются при расчетѣ одни „шиши“, но все-же на долю изряднаго количества ихъ выпадаетъ именно такая судьба. Счастливы тѣ изъ промышленниковъ, которымъ удастся послать за лѣто своимъ семьямъ по сотнѣ денегъ. Кстати будетъ упомянуть и о другомъ, не менѣе закабаленномъ элементѣ—батракахъ, число которыхъ растетъ ежегодно въ большой прогрессіи. Морскіе промыслы требуютъ надлежащаго обзаведенія и чтобы стать самостоятельнымъ промышленникомъ-хозяиномъ нужно самое меньшее 300-500 руб., каковыя средства и притомъ сразу не каждый можетъ достать. Безъ обзаведенія-же не начнешь своего дѣла, а между тѣмъ, у богатаго сосѣда уже снаряжены не одно, а часто нѣсколько промысловыхъ судовъ въ видѣ ель и шнякъ. Остается только предложить свои свободныя руки. Нанимаются обыкновенно на 5 лѣтнихъ мѣсяцевъ, въ сущности за гроши, только-только спасающіе рабочаго съ его семействомъ отъ голодной смерти. Хорошо еще, если онъ имѣетъ „волю“ располагать собою, и можетъ выбирать хозяина, но чаще всего онъ этой воли не имѣетъ, такъ какъ уже находится въ многолѣтней, безконечной кабалѣ у одного какого-вибудь такого „хозяина“. Выхода изъ этого кабальнаго положенія промышленники, въ силу своей некультурности, не видятъ. А, между тѣмъ, жизнь все чувствительнѣе и чувствительнѣе давитъ своею дороговизною здѣшняго помора, по мѣрѣ того, какъ развивается въ поморской деревнѣ новый бытъ ея благосостоянія—изнанка городской цивилизаціи,—явленіе, сдѣлавшееся за послѣдніе годы общою эпидемическою болѣзнію нашей русской деревни, ибо здѣшний поморъ, по его-же собственному выраженію, „избаловался“... Сталъ пить чай по три раза въ день, курить дорогой табакъ,

пить дорогія вина, носить „заграничныя“ воротнички и т. п. предметы „чужеземной“ роскоши... Слѣды городской „культуры“ сказались и на здѣшнемъ флегмѣ-поморѣ, который не хочетъ отстать отъ „образованныхъ людей“—горожанъ, съ коими ему приходится общаться во время дѣлныхъ посѣщеній губернскаго города. Къ сожалѣнію, это „подражаніе“, при малокультурности населенія, носитъ здѣсь характеръ обезьяничанья. На подобнаго рода „культуру“ пожилые поморы смотрятъ косо, считая это „бѣсовскимъ угожденіемъ“, но молодое поколѣніе мало считается со взглядами своихъ отцовъ.

Въ такія ненормальная формы выливается современная жизнь нашего поморья. Поморская деревня деморализуется отъ тлетворнаго вліянія городской „культуры“, прививаются и укореняются въ ней несродныя ей населенію беззавратвенныя начала, развивается пьянство, и, со всѣмъ тѣмъ, въ ней растетъ бѣдность, усугубляемая еще болѣе культурнымъ убожествомъ населенія.

Населеніе поморья и въ частности Сумы въ духовномъ отношеніи находится въ состояніи крайней отсталости, что объясняется отчасти неудовлетворительною постановкою въ краѣ народнаго просвѣщенія, главнымъ-же образомъ вслѣдствіе сохранившихся въ населеніи патриархальныхъ традицій, проглядывающихъ во всѣхъ сторонахъ народной жизни. Поморѣ, въ силу историческихъ условій своей жизни, остался до нашего времени крайнимъ рутинеромъ. Онъ врагъ всякаго прогресса, который противорѣчитъ его узкимъ религіознымъ возрѣніямъ. И на морѣ, во время промысла, и у себя дома, онъ держится наслѣдованныхъ имъ обычаевъ и традицій своихъ дѣдовъ. Какъ онъ крѣпко держится за прадѣдовскіе приемы веденія промысла, предпочитая устарѣвшія елы и шняки болѣе усовершенствованнымъ судамъ, точно также онъ ведетъ себя и дома по отношенію къ своей семьѣ, подавляя въ своихъ дѣтахъ всякое чувство самодѣтельности. Естественно, что при своеобразномъ взглядѣ помора на науку и искусство, здѣшніе молодые люди не идутъ далѣе узкой шкиперской школы, откуда выходятъ шкиперами или штурманами на парусныя суда... Отсюда—отсутствіе въ населеніи необходимыхъ познаній по разностороннимъ спеціальностямъ. Во всѣмъ поморѣ, а въ томъ числѣ и Сумѣ, вы не встрѣтите ни учителя-помора, ни фельдшера-помора... Между тѣмъ, такіе люди въ глухомъ поморѣ, отброшенномъ отъ центра цивилизаціи на цѣлыя сотни верстъ, были-бы очень желательны, такъ какъ ихъ знакомство съ краемъ, знаніе мѣстнаго языка, обычаевъ населенія и сродность съ климатическими условіями гарантировало-бы дѣло народнаго просвѣщенія или здравія отъ такихъ нежелательныхъ потрясеній, какъ бѣгство прѣзжихъ учителей и фельдшеровъ, не могущихъ переносить суровыхъ климатическихъ условій и окружающей глуши... Особенно забытое существо представляетъ поморская женщина, положеніе коей въ поморской семьѣ самое жалкое. Для нея являются недоступнымъ даже тѣ элементарныя познанія, какія пріобрѣтаются въ приходской школѣ ихъ сверстниками-мужчинами, ибо, въ семьѣ помора, на нее смотрятъ, какъ на созданіе низшаго порядка, предназначенное сперва нянчиться съ меньшими братьями и сестрами, а потомъ ухаживать за пьянымъ мужемъ... Въ ней подавляется всякое стремленіе къ эмансипаціи... До замужества—она раба своего отца, который игнорируетъ въ ней всякое чувство,—такъ какъ, по возрѣнію помора, бракъ не есть союзъ любовный, а коммерческая сдѣлка, въ которой женихъ и невѣста играютъ

совершенно пассивную роль,—а съ выходомъ замужъ-она становится уже въ полнѣйшую зависимость отъ „воли“ мужа. Жена въ семьѣ помор- ва занимаетъ низкое положеніе и разсматривается какъ даро- вая работница, ибо всѣ домашнія работы въ лѣтнее время въ по- морьѣ лежатъ всецѣло на женщинѣ: она управляетъ съ сѣнокосомъ, собираетъ ягоды, запасаетъ къ зимѣ оленій кормъ (мохъ) и т. п. Вооб- ще женщина, какъ даровая рабочая сила, утилизируется во всѣхъ ма- лозажиточныхъ поморскихъ семьяхъ. Не имѣя въ личныхъ отношеніяхъ семьи никакого вѣса, она точно также ограничена и въ отношеніяхъ имущественныхъ, не имѣя права помимо мужа пріобрѣтать и отчуж- дать никакого имущества. Выходя въ большинствѣ случаевъ безъ вся- каго сердечнаго влеченія, а лишь по „волѣ“ родителей, руководствую- щихся „расчетомъ“, за какого нибудь кутилу, несчастная женщина по- корно влечитъ свой вѣкъ, перенося отъ своего сожителя разнаго рода притѣсненія и побои, не смѣя въ то-же время „пожалобиться“ своимъ родителямъ, ибо, по существующимъ традиціямъ, вмѣшательство роди- телей жены въ ея отношенія съ мужемъ не допускаются... Естествен- но, что благодаря такому ненормальному положенію поморской женщи- ны, здѣсь широко распространены браки „безъ вѣнца“, съ каковымъ явленіемъ приходится серьезно считаться православному духовенству.

Заканчивая свой очеркъ, я долженъ замѣтить, что все сказанное выше мною о жизни поморья свидѣтельствуетъ о томъ недостаточномъ вниманіи правительства и общества, какое удѣляли они этому издрев- ле славившемуся своими природными ресурсами краю, отданному все- цѣло въ руки разныхъ авантюристовъ и искателей наживы, какъ оте- чественныхъ, такъ и иностранцевъ... Поднятіе культурнаго уровня на- селенія не можетъ быть достигнуто полумѣрами... Нуженъ широкій до- ступъ въ нашъ заброшенный край просвѣщенія, нужно развитіе и на- сажденіе специальныхъ знаній, отвѣчающихъ требованіямъ реальной жиз- ни, нужны, наконецъ, и другія мѣры, направленные къ поднятію эконо- мическаго благосостоянія населенія, въ видѣ учрежденія кассъ долго- срочнаго кредита, гдѣ можно было-бы получить ссуды на промышлен- ное обзаведеніе подъ обезпеченіе имуществомъ или промыслами, и объединеніе промышленниковъ въ артели на паевыхъ или иныхъ па- чалахъ.

А. А. Каменевъ.

Родина Ломоносова.

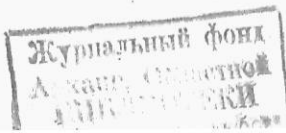
(Въ отношеніяхъ къ самому Михаилу Васильевичу Ломоносову).

Предьдущій отдѣлъ, имѣвшій цѣлью—дать краткій очеркъ тѣхъ бытовыхъ условий, среди которыхъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ началъ свою сознательную жизнь послѣ раннихъ годовъ дѣтства, ка- сался исключительно домашняго очага его родителей. Но болѣе широ- кая сфера, гдѣ умственному развитію Ломоносова открывался наиболѣе благоприятный просторъ, заключалась въ прогрессивно разрастающейся тогда трудовой жизни Холмогорскаго края. Городъ Холмогоры начала

XVII вѣка переживалъ золотые годы процвѣтанія и былъ для нашего Сѣвера тѣмъ-же, что теперь Архангельскъ.

Прежде всего основной тонъ общему теченію мѣстной жизни общало въ тѣ времена торгово-мореходное судостроеніе. Центръ его сосредоточивался на Вавчужскихъ верфяхъ, стоявшихъ на правомъ берегу Двины въ какихъ либо восьми верстахъ къ востоку отъ Денисовки. Здѣсь гениальными любимцами Петра Великаго Бажениными, обезсмертившими свое имя, по мановенію Царя созидались начатки и первенцы русскаго торгово-мореходнаго флота. Работа шла съ лихорадочнымъ возбужденіемъ и притомъ въ широчайшихъ размѣрахъ. Тысячи трудовыхъ рукъ находили тутъ неисчерпаемое дѣло, и мѣстный край обогащался въ этомъ пунктѣ своей самой напряженной дѣятельности. Сюда могли поступать всѣ основные продукты и произведенія громаднѣйшей придвинской области:—хлѣбъ, мясо, сало, рыба, кожа, ленъ, пряжа, ткацкія издѣлія, готовая одежда, смола, деготь, пенька, шерсть и т. д. Сюда и Василій Дорошеевичъ прежде всякихъ иныхъ мѣстъ сбывалъ свои промысловыя выгоды, особенно звѣриное сало и ворвань, крайне нужныя при спускѣ кораблей. Часто могъ бывать здѣсь также Михаилъ Васильевичъ и видѣть лично всю кипучую жизнь, доки, судостроеніе, лѣсопильные заводы, мукомольныя мельницы, канатныя прядильни, гигантскія парусныя, ткацкія сооруженія, прекрасныя кузницы, слесарни, литейныя приспособленія, такелажные склады и т. д. Все это благоустройство Вавчуги находилось подъ внимательнымъ руководствомъ наилучшихъ мастеровъ и специалистовъ, частію иностранныхъ, частію своихъ, и представляло собою послѣднее слово совершенной высшей техники. Здѣсь Ломоносовъ не только мимоходомъ видѣлъ дѣло, но могъ и самъ кое-гдѣ поработать, особенно зимою, приходя на поденныя занятія со своими сверстниками; и такимъ образомъ картина образцоваго труда, вполнѣдствіи много ему послужившая, когда онъ самъ пытался создавать свои техническія предпріятія,—была ему готова въ совершеннѣйшемъ видѣ.

Затѣмъ, нельзя опускать безъ вниманія, что и Куростровъ, современный Ломоносову, будучи вблизи центральнаго города и возлѣ цѣлаго трудового мірка, созданнаго Императоромъ Петромъ I-мъ чрезъ участіе Бажениныхъ, тоже не отставалъ отъ жизни и процвѣталъ по своей благосостоятельности. Еще за сотню лѣтъ до Ломоносова въ немъ были на виду морское дѣло, рѣчное судоходство въ цѣляхъ торга и провоза грузовъ, семужій промыселъ, мѣстное рыболовство, смолокуреніе, лѣсная рубка, охота всякихъ видовъ на звѣрей и птицъ, о чемъ писалъ Миронъ Вельяминовъ въ 1623 году, а вполнѣдствіи къ тому прибавилось—плотничество, породившее профессиональную строительскую деревню, гончарное производство, создавшее анекдотически извѣстныя *холмогорскіе горшки*, отхожіи промыселъ, какое-то забытое преданіемъ еще одно проявленіе въ общественной жизни, давшее цѣлую колонію *„кrechtыхъ помытчиковъ“* и наконецъ разнообразнѣйшее множество всякихъ мелкихъ и одиночныхъ ремесленниковъ. Этими видами труда мѣстная жизнь достаточно наполнялась и разнобразилась, такъ что въ ней не было празднаго прозябанія, а Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ отсюда получалъ, конечно, очень широкую практическую и наглядную освѣдомленность, никогда никому не лишнюю, всегда полезную къ развитію умственныхъ способностей.

69018

Какъ можно уже видѣть изъ изложеннаго, Денисовка при Ломоносовѣ совсѣмъ не представляла ту картину жалкой нищеты, которую усиленно раскрашиваютъ въ книжныхъ повѣстяхъ. Она располагала довольно состоятельнымъ населеніемъ. Въ Куростровѣ были даже и солидные богачи, до сихъ поръ оставившіе по себѣ имя отъ самаго начала XVIII вѣка. Это—Христофоровы, Дудины, Шубные, Тряпицыны, кои, сверхъ внушительнаго капитала и имущества, обладали и бібліотеками для чтенія, очевидно, будучи во всѣхъ отношеніяхъ передовыми людьми. Преданіе говоритъ, что видѣнный магнатъ своего времени по Курострову—Христофору Игнатъевичъ Дудинъ имѣлъ особенно богатую бібліотеку и Ломоносову предоставлялъ свободный доступъ къ ней. Онъ же подарилъ ему извѣстныя грамматику и ариметику, съ которыми Михаилъ Васильевичъ впоследствии бѣжалъ въ Москву. Фамилія Дудиныхъ имѣла связи родственныя и вообще близкія къ знаменитѣйшимъ любимцамъ Петра Великаго Баженинымъ, Вавчужскимъ кораблестроителямъ; отъ нихъ даже до сихъ дней сбереглась часть нѣкогда громаднѣйшей бібліотеки. Могъ и отсюда, пользуясь покровительствомъ Дудиныхъ, черпать Михаилъ Васильевичъ всякіе матеріалы для чтенія и изученія, о чемъ достаточно говоритъ фактъ, будто бы Ломоносову попадали тогда въ руки даже латинскія печатныя изданія, о которыхъ Сидоръ Панкратъевичъ вель со своимъ питомцемъ довольно оригинальными бесѣды (Фурманъ). Подобно Дудинымъ принимали участіе въ Ломоносовѣ и Христофоровы, тоже княжныя и начитанныя люди.

Затѣмъ, подрастая и созрѣвая для жизни, Ломоносовъ имѣлъ полную возможность слышать образцы живого слова и ораторской рѣчи у Холмогорскихъ архіепископовъ, каедральный соборъ которыхъ отстоялъ отъ Денисовки только въ трехъ съ половиною верстахъ; могъ видѣть чины архіерейскаго служенія и разныя дѣйства, полныя самаго интереснаго разнообразія и смысла. Часто бывали епископы для богослуженія и въ подгороднихъ селахъ, откуда не исключался Куростровъ, который, можетъ быть, былъ наиболее посѣщаемъ, какъ ближайшій, потому что въ его церкви сбереглась старинная архіерейская абсида. Несомнѣнно, путешествовалъ Ломоносовъ на разныя мѣстныя богомолья, особенно въ монастыри Холмогорскій городской, Спасоприлуцкій и Чухчепемскій, прилегавшіе къ подгороднему району, а далѣе—въ Сійскій, Красногорскій, куда и теперь паломничаютъ лѣтомъ на разстояніи около сотни верстъ.

Далеко не послѣднимъ матеріаломъ для ума и чувства служили разныя преданія, былины, пѣсни, историческія повѣсти и сказки, составлявшія богатство прежней памяти народа. Особенно Холмогоры изобиловали цѣнными преданіями изъ области доисторической эпохи Заволоцкой Чуди, воспоминаніями о новгородской вольницѣ и полными суевѣрія легендами о древнихъ колдунахъ, шаманахъ и чудскихъ богатыряхъ. На это богатство указываютъ даже современные старежилы, увъ! не удержавшіе ничего послѣдовательнаго и серьезнаго, кромѣ какихъ то отдаленныхъ и туманныхъ указаній, не объясняемыхъ, не подтверждаемыхъ.

Изъ пройденнаго обзора той половины отроческихъ лѣтъ Ломоносова, которую онъ посвятилъ книжному труду по смерти матери, видно, что они прошли для него въ подготовительной работѣ къ болѣе зрѣлымъ и рѣшительнымъ мѣтропріятіямъ на почвѣ самообразованія, и очень возможно,—уже съ выяснившимся намѣреніемъ поискать счастья въ

Москвѣ, которую Сидоръ Панкратьевичъ несомнѣнно указывалъ. Начало юношескаго возраста Михаила Васильевича было очевиднымъ временемъ послѣдняго и окончательнаго созрѣванія его идеи получить ту мудрость, о какой туманно и восторженно намекалъ ему воспитатель-дьячекъ.

Преданіе не указываетъ никакихъ особыхъ перемѣнъ въ обыкновенной домашней жизни Михаила Васильевича Ломоносова за послѣдніе годы его пребыванія на родинѣ. Только близъ пятнадцатаго года его возраста, отецъ выдалъ дочь свою Марію въ Матигоры въ крестьянина Евсевія Головина, и Михайлу Васильевичу Ломоносову его сиротство стало еще тяжелѣе, такъ какъ онъ оказался теперь весь въ рукахъ своей дикой и безчеловѣчной мачехи, чему прежде могла значительно мѣшкать взрослая сестра. Но, кажется, характеръ мачехи едва-ли не благопріятствовалъ усердію Ломоносова въ занятіяхъ его любимѣйшими книгами, потому что эти препятствія лишь разжигали въ немъ рвеніе, которому не было границъ и среди всѣхъ деревенскихъ недосуговъ, уйти отъ которыхъ Михайлу Васильевичъ никакъ не могъ. Въ то время укладъ сельской жизни дѣлалъ вопіющимъ преступленіемъ даже и ничтожное противленіе дѣтей волѣ родителей, поэтому никакъ нельзя допустить даже мысль о какомъ-нибудь отказѣ Михаила Васильевича исполнить порученія отца или мачехи, хотя бы ради науки и иныхъ побочныхъ дѣлъ. Да и ему личнымъ опытомъ можно было знать, что покорность всего болѣе обезпечивала ему довѣріе отца, коимъ пользовался постоянно, а мачеха не имѣла лишнихъ основаній къ придиранію. Такъ побуждаетъ думать самый характеръ преданія о Ломоносовѣ, какъ личности выдержанной даже съ отрочества.

Конечно, тяжелую и мучительную жизнь несъ юный Ломоносовъ въ родной ему деревнѣ, когда отецъ сталъ направлять его къ своей профессіи, а мачеха—къ покорному батрачеству при домѣ, самъ же онъ сильнѣе и сильнѣе тяготѣлъ къ Москвѣ. Долго онъ терпѣлъ, страдалъ, молчалъ, наконецъ, во всемъ сознаніи сыновьяго долга, по обычаю того времени, и донинѣ хранимому, палъ въ ноги родителямъ съ просьбою принять его великую мольбу. Этимъ онъ показывалъ, что его мысли и намѣренія составляли крайне важный и серьезный жизненный шагъ. Минута священнаго обряда лала и Василию Доросеевичу соотвѣтственное настроеніе:—сынъ искалъ себѣ отпуска въ столицу для научнаго образованія. Само собою разумѣется, что отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный, ибо равно безграмотные отецъ и мачеха тутъ положительно ничего не разумѣли. Они видѣли въ книжной наукѣ только праздно времяпровожденіе и узкій свой взглядъ на жизнь продолжали внушать и сыну. Преданіе говоритъ, что подобная картина повторялась не одинъ разъ; Михайлу Васильевичъ пытался настаивать на своей рѣшимости, и можно думать, что его чуткая душа вѣроятно видѣла затаенную любовь и даже уступчивость отца, которую тотъ явно не обнаруживалъ, во-первыхъ, изъ за мачехи, во-вторыхъ,—изъ за отзывавшихся родныхъ и знакомыхъ, коимъ мысли Михаила Васильевича тоже могли казаться сумасбродными, наконецъ, изъ за естественнаго опасенія потерять своего сотрудника и преемника въ образцовомъ хозяйствѣ и предпріятіи. Словомъ, это дѣло представляло собою довольно сложную и въ высшей степени изъ ряда вонъ выходящую исторію. Однако Михайлу Васильевичъ и въ рѣшительный моментъ не потерялъ равновѣсія. Онъ и здѣсь сохранилъ почтеніе къ родительской власти, чѣмъ быть можетъ расположилъ отца по крайней мѣрѣ къ тайному соглашенію; ибо невозможно

представить, чтобы глубоко религіозный и благовоспитанный Ломоносовъ осмѣлился игнорировать отеческимъ благословіемъ. Будущее покажетъ, что Василій Дорошеевичъ не устроилъ погони за бѣглецомъ, хотя пасть его рѣшительно ничего не стоило. Дорога въ Москву была тогда изъ Курострова только одна въ видѣ прямого тракта по мало заселеннымъ мѣстамъ до Сійскаго монастыря, а далѣе — по безковчнымъ пустыннымъ дебрямъ. Нѣтъ вичего дивнаго, что наружнымъ отказомъ отецъ симулировалъ дѣло; иначе бы ему пришлось самому вытерпѣть массу насмѣшекъ за безсиліе удержать сына въ должныхъ границахъ повиновенія, а между тѣмъ, тогда онъ былъ однимъ изъ влиятѣйшихъ и почтеннѣйшихъ представителей Курострова. Сынъ могъ знать о негласной уступкѣ родителя и видомъ бѣгства тоже закрывать ее, однако борьба велась жестокая и долгое время терзала она молодую душу то надеждами, то безнадежностью. Нужно было той и другой сторопѣ пережить самыя жгучія чувства не день, не два, но цѣлые годы. Развязка готовилась въ высшей степени медленно, по въ эту пору Михаилъ Васильевичъ еще болѣе крѣпкъ въ своихъ душевныхъ силахъ.

Счастливымъ и почетнымъ бракъ родной сестры Михаила Васильевича Ломоносова подыалъ имя отца его на особую высоту среди мѣстныхъ крестьянъ. Затѣмъ, преданіе указываетъ, что Ломоносовъ имѣлъ будто бы и еще сестру по имени Марю, выданную неизвѣстно когда въ замужество крестьянину Ивану Егоровичу Лопаткину, одного съ ними сельскаго общества. Семейные списки фамиліи Ломоносовыхъ по женской линіи совсѣмъ не упоминаютъ ея. Это была, очевидно, дочь второй жены Василія Дорошеевича, когда она вдовою выходила за него, и поэтому относилась къ посторонней фамиліи. Мужъ ея Иванъ Лопаткинъ вѣроятно былъ тогда въ годахъ солидныхъ, сверхъ того въ особенномъ почетѣ, такъ какъ получилъ по тому времени довольно видный выборъ въ строителя новой проектировавшейся каменной церкви и старостою существующей Екатеринбургской. Иванъ Егоровичъ своимъ положеніемъ и характеромъ вполне соотвѣтствовалъ нареченному тестю Василію Дорошеевичу. Оба они, — энергичные, дѣловые, честные, сообразительные и почтенные, — горячо припялись за святое дѣло и такъ углубились въ него, что Михаилъ Васильевичъ со своею мыслию о Москвѣ остался на полной свободѣ. Отецъ его собиралъ благотворительные обѣды и на нихъ дѣлалъ сборы въ пользу храма по подписному листу. Здѣсь Михаилъ Васильевичъ видѣлъ лучшихъ людей своей родины, могъ еще разъ поближе войти въ интересы мѣстной жизни, особенно въ отношеніи къ церкви, и все эти картины общественаго оживленія уже вскорѣ сдѣлались ему лишь какъ предметы прощальныхъ воспоминаній. Подъ этотъ шумокъ сердце юнаго Ломоносова окончательно укрѣпилось въ мысли покинуть для науки родное село, хотя самъ Сидоръ Панкратьевичъ противорѣчилъ ему, многозначительно говоря: — *далеко кулику до Петрова дня* (Фурманъ). Такъ по крайней мѣрѣ обрисовывалась внѣшняя сторона въ дѣлахъ Михаила Васильевича, а внутренняя, конечно, только въ немъ составляла картину торжествующей увѣренности.

Насталъ 1728 годъ, послѣдній для Ломоносова на его родинѣ. Весною весь Куростровъ былъ радостно вдохновленъ вѣстью о назначенномъ торжествѣ закладки каменнаго Димитріевскаго храма. На красивомъ пригоркѣ въ смежности со старымъ церковнымъ погостомъ,

только подалѣе отъ берега рѣки, виднѣлись первыя начала каменнаго основанія; здѣсь совершалось моленіе о будущемъ храмѣ, молились оба Ломоносовы, служеніе совершали нѣсколько священниковъ, и что тогда тайлось въ душѣ Михаила Васильевича, послѣдній разъ участвовавшего въ такой исключительной обстановкѣ, пусть подумаетъ самъ читатель. За сямъ отецъ его обычнымъ порядкомъ отправился въ Бѣлое море, сыну же пришлось быть дома, такъ какъ и здѣсь были нужны крѣпкія рабочія руки. Все лѣто и осень прошли для Михаила Васильевича въ понятномъ каждому возбужденіи и волненіи духа при рѣшительности на крайне смѣлый жизненный шагъ съ неизвѣстнымъ будущимъ. Приблизилась зима жестокая и суровая. Василиій Дорощеевичъ давно возвратился, нѣколыскіе морозы въ началѣ декабря приготовили всѣ тракты и дороги. Около самаго праздника, т. е. дня Николая Чудотворца, какъ гласить мѣстное предаіе, Михаилъ Васильевичъ покинулъ родительскій домъ. Одѣвшись въ легкой нагольный тулупъ, безъ денегъ и провизіи на дорогу, только съ двумя книжками, увязанными въ платочекъ, онъ направился по московскому тракту, который вель первоначально къ Сійскому монастырю. Никто не гнался за бѣглецомъ, хотя это было и доступно, и вотъ пришелъ Ломоносовъ въ Сійскую обитель. Здѣсь онъ сдѣлалъ остановку для молитвы и отдохновенія, потому что отшагалъ почти 90 верстъ; сверхъ того, на этомъ первомъ путешествіи средоточіи ему легче всего было найти себѣ попутчиковъ—ѣздоковъ въ Москву, а въ нихъ тогда не бывало недостатка, и онъ, выждавъ обозъ, пошелъ за нимъ въ столицу. Погонщики безвозмездно кормили его и везли, согрѣвали и ютили въ постоялыхъ дворахъ, пока не доставили къ мѣсту всѣхъ его завѣтныхъ стремленій.

Такъ оставилъ родину свою будущій отецъ русской литературы, унеся отсюда съ собою живую готовность отдать себя на служеніе наукъ. Не лихою мачехою оказалась для него его родина, она матерински воспитывала, заботливо доставивъ и открывъ все ея содержимое богатство, и онъ нашель къ нему свободный доступъ, и взялъ сокровища, всѣмъ остальнымъ со внѣ доступныя, внутри же непонятныя, чтобы впослѣдствіи запечатлѣть въ своихъ безсмертныхъ произведеніяхъ. Михаилъ Васильевичъ любилъ свою родину, часто вспоминалъ о ней, при чемъ, разрабатывая формы родного языка, вносилъ въ его литературныя отличія и тѣ особенности, какими до сихъ поръ отличается мѣстный говоръ холмогорскихъ крестьянъ. (См. Изд. Импер. Акад. Наукъ 1907 г. „Родина Ломоносова“. А. Грандильевскій).

Что же самъ оставилъ въ память о себѣ своей любимой родинѣ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ? Со внѣ, тамъ нѣтъ ничего о немъ неотразимо говорящаго, реликвій никакихъ, родственниковъ тоже не сбереглось, существуютъ лишь фамиліи, связанныя отдаленнѣйшимъ родствомъ съ потомками родной сестры Михаила Васильевича, именно, — въ Куростровѣ Дьяконовы и Лопаткины, въ Матигорахъ, часть семьи Лопаткиныхъ, переселившаяся изъ Курострова, въ городѣ Холмогорахъ Третьяковы, Авксентьевы, въ Архангельскѣ Ершовы и еще десятокъ фамилій (Тарховы, Титовы, Галовы, Головины въ Матигорскомъ селеніи, Паньяковы, Засухины, Шубные, Ивановскіе въ Архангельскѣ, Шубные, Дорощеевы — въ Куростровѣ, Шубные въ Ровдинѣ), о которыхъ надобно сдѣлать особыя справки, такъ какъ лично мнѣ ничего болѣе того неизвѣстно, какъ одно предположеніе народной молвы, буд-

то всё они имѣютъ что-то общее съ потомками Ломоносовыхъ и, разумеется, тоже въ отдаленнѣйшемъ видѣ.

Василій Дорошеевичъ Ломоносовъ жилъ только десять лѣтъ послѣ бѣгства сына своего въ Москву и трагически погибъ въ Бѣломъ морѣ, о чемъ существуетъ трогательная повѣсть, пѣкогда переданная самимъ Михаиломъ Васильевичемъ, и затѣмъ вошедшая въ біографическіе очерки о немъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Василій Дорошеевичъ получалъ вѣсти о сынѣ своемъ черезъ ѣдущихъ изъ Москвы и самъ туда отпращивалъ случайные наказы, такъ что обмѣнъ отношеній поддерживался включительно по 1739 годъ, когда Михаилъ Васильевичъ послалъ на родину свое уже послѣднее письмо съ распоряженіями относительно розыска тѣла его отца, годъ тому назадъ утонувшаго, и о похоронахъ его. О возможности переписки между Василіемъ Ломоносовымъ и Михаиломъ Васильевичемъ долженъ свидѣтельствовать сверхъ даннаго и тотъ фактъ, что, воспитанный въ строгихъ пачалахъ современнаго ему деревенскаго этикета, юный Ломоносовъ долженствовалъ первѣйшимъ порядкомъ послать къ родителямъ письмо или словесный наказъ изъ Москвы съ просьбою о заочномъ родительскомъ благословеніи, безъ коего онъ не имѣлъ бы права разсчитывать на законность своего начинаемаго поваго образа жизни, а равно и въ душѣ своей не находилъ бы драгоценнаго покоя. На такія письма, или устно, черезъ другихъ передаваемые наказы, обыкновенно и теперь слѣдуютъ со стороны родителей и старшихъ обязательные отвѣты въ томъ или иномъ характерѣ, т. е. въ томъ благопожеланія, а если нѣтъ, то въ видѣ запрещенія или увѣщанія. По общей обстановкѣ дѣла, обрисованной преданіемъ, а потомъ и документально, есть полная возможность думать, что Василій Дорошеевичъ зналъ о школьныхъ успѣхахъ своего сына и уже предчувствовалъ зарождавшуюся въ нихъ зарю свѣтлой будущности своего бѣглеца, поэтому не возражалъ ему и не тянулъ къ себѣ на родину. Могъ въ ту же сторону клонить Василя Дорошеевича и Сидоръ Панкратьевичъ, душевно преданный своему бывшему воспитаннику.

Въ дальнѣйшемъ кончили свою жизнь и мачеха Михаила Васильевича, ея зять Иванъ Егоровичъ Лопаткинъ и дочь Марса, не оставивъ по себѣ никакого преемства. Осталась только Марья Васильевна Головина въ Матигорскомъ селеніи, въ деревнѣ Водниковской-Ивановской. О всемъ ея ближайшемъ и послѣдующемъ потомствѣ свидѣлствуютъ три документа, хранящіеся въ архивѣ Архангельскаго губернскаго правленія, значущіеся подъ 1798-мъ годомъ за различными номерами дѣлъ Архангельскаго губернатора. Эти документа представляютъ собою фамильные реестры подъ общимъ заглавіемъ:—*Списокъ о родѣ сочинителя Михаила Васильевича Ломоносова*. По нимъ звачится, что его родная замужняя сестра Марья Васильевна имѣла четверехъ дѣтей: Петра, Михаила, Матрону, Анну отъ Евсевія Головина. Михаилъ умеръ холостымъ, прочіе же имѣли преемство. Петръ Евсеевичъ обладалъ многочисленною семьею отъ жены своей Евдокіи. Были у него три сына: Василій, Иванъ, Григорій, отъ коихъ не уцѣлѣло преемства и пять дочерей: *Матрона, Анна, Анастасія, Дарья, Параскева*; послѣдняя неизвѣстно какъ кончила жизнь въ Петербургѣ. *Матрона* вышла замужъ въ Куростровѣ за крестьянина *Дьяконова*, поколѣніе которыхъ, безнадежно доживающее дни свои въ Палишинской деревнѣ, прежде было крѣпостнымъ на вотчинѣ холмогорскихъ архіепископовъ.

Анна Петровна Головина вышла замужъ въ городъ Архангельскъ за купца Пальянова и дѣтей не имѣла. Анастасія была въ бракѣ съ Матигорскимъ крестьяниномъ Галовымъ, и о фамилии ихъ свѣдѣній не имѣю. Дарья состояла въ супружествѣ за холмогорскимъ мѣщаниномъ Третьяковымъ, потомство коего и теперь пользуется извѣстностью.

Осталась въ родномъ Ломоносову Куростровѣ лишь одна женская линія послѣ Марьи Васильевны, сестры его, отъ старшей дочери ея Матроны Евсеевны. Ея мужемъ былъ Куростровский крестьянинъ Оедоръ Яковлевичъ Лопаткинъ, его семейный списокъ ведется со всею полнотою въ духовной росписи мѣстной церкви, начиная съ экземпляра 1770-го года (листъ 9-й). Въ этомъ году они оба значились двадцатшести-лѣтними, дѣтьми ихъ были Иванъ, Егоръ, Припа. Иванъ Оедоровичъ Лопаткинъ оставилъ въ Куростровѣ глубокую память, какъ рѣдкостный и образцовый землепашецъ-скотоводъ, сверхъ того, какъ даровитѣйшій токарь изящныхъ издѣлій изъ кости, каковому искусству онъ обучалъ и всѣхъ желающихъ. Въ цѣляхъ развитія и поддержанія этого дѣла онъ имѣлъ мастеровыхъ, при чемъ его собственныя работы были удостоены высочайшаго вниманія, награждены премією отъ имени его величества, именно-золотыми карманными часами съ цѣпочкою. Нѣкоторыя его костяныя вещицы будто-бы удостоены помѣщенія въ Эрмитажъ, какъ рѣдкостные виды мастерства и художества. Среди своихъ крестьянъ онъ пользовался глубочайшимъ уваженіемъ; въ волостномъ правленіи подавали ему почетное кресло, и о немъ до сихъ поръ хранится живѣйшая память. Онъ былъ первымъ насадителемъ въ Холмогорахъ извѣстной донынѣ рѣзьбы вещей по кости, пользовавшейся въ свое время милостивымъ покровительствомъ въ Бозѣ почившаго великаго князя Владиміра Александровича. Иванъ Оедоровичъ имѣлъ трехъ сыновей и дочь, которую выдалъ замужъ въ Холмогоры за мѣщанина Авксентьева, оставившаго поколѣніе и до сихъ поръ. Самъ онъ жилъ недолго, и умеръ въ 1827 году, а Матрена Евсеевна, его супруга, пережила только до 1828-го года. Прямымъ и единственнымъ наслѣдникомъ ихъ остался въ Куростровѣ только Илья Ивановичъ Лопаткинъ. Родной братъ его Егоръ, имѣвшій семью, умеръ рано, и вся эта семья въ 1862-мъ году переписалась на всегдашнее жительство въ Матигорское сельское общество, гдѣ и теперь пребываетъ. Дальнѣйшую линію, послѣдовавшую отъ Ильи Лопаткина, можно видѣть въ подлинникахъ духовныхъ росписей Куростровской церкви съ 1832 года, въ которомъ онъ женился на какой-то Ульянѣ Михайловнѣ. Отъ него было два сына и двѣ дочери, кои въ 1848-мъ году за смертью отца осиротѣли. Черезъ годъ мать вышла замужъ за сосѣдняго крестьянина Михаила Доросеева, и чуть-ли не здѣсь кроется фактъ, почему это семейство признается родственнымъ Ломоносову, помимо извѣстнаго уже иного опыта выяснить туманно сознаваемое народомъ отношеніе Доросеевыхъ къ Ломоносовымъ. Впрочемъ, и тутъ сознательно толкующіе дѣло старожилы едва-ли поддавались промаху, такъ какъ извѣстный портной Матвѣй Михайловичъ Доросеевъ считается ими какъ сынъ покойнаго Михаила Доросеева, только соприкасающагося съ Лопаткинымъ, а больше ничего. Преемникомъ Ильи Ивановича Лопаткина явился сынъ его Михаилъ, женившійся на Иринѣ Михайловнѣ, которую въ 1881-мъ году онъ оставилъ вдовою при двухъ сыновьяхъ Петрѣ и Дмитріи. Нынѣ Ирина Михайловна Лопаткина имѣетъ холостого сына Дмитрія, и содержитъ при себѣ семью старшаго сына своего Петра, убитаго на желѣзной

дорогѣ: жену его, вдову Параскову Оедоровну и дѣтей ея—Аоима, Елисавету, Аину, здравствующихъ и сейчасъ, съ престарѣлою бабкою во главѣ.

Что-же произошло съ остальными дѣтьми Матрены Евсевіевны Лопаткиной?—Другой сынъ ея, Егоръ Оедоровичъ Лопаткинъ, хотя имѣлъ и значительную семью, но ея преемство почему-то очень скоро пресѣклось. Одна изъ его дочерей была замужемъ въ Матигорахъ за крестьяниномъ Тарховымъ. Старшая дочь Матрены Евсевіевны—*Прина* была отлана замужъ въ городъ Архангельскъ за мѣщанина Ершова, а потомъ этотъ Ершовъ породнился съ купеческою фамиліею Засухинныхъ, тоже выдавши въ замужество дочь. Послѣдняя дочь Марьи Васильевны Головиной *Анна* Евсевіевна осталась въ родныхъ ей Матигорахъ замужемъ за крестьяниномъ Николаемъ Павловымъ Титовымъ, занимавшимся мѣдничествомъ. Опъ имѣлъ дѣтей, и оставилъ ли потомство, въ настоящее время, къ сожалѣнію, я не освѣдомленъ.

Рожденный отъ сестры Михаила Васильевича Ломоносова, сынъ Петръ Евсевіевъ Головинъ съ дѣтьми и всѣмъ своимъ потомствомъ по высочайшему указу, состоявшемуся 21 августа 1798 года, былъ всемилостивѣйше освобожденъ отъ рекрутскаго набора и подушнаго оклада. Неизвѣстно, съ какой поры, всѣ ли потомки Марьи Васильевны Головиной или часть ихъ, стали проживать въ Архангельскѣ, и въ 1865-мъ году послѣдняя представительница ихъ, тоже Марья Васильевна Головина, участвовала въ юбилейномъ торжествѣ столѣтія отъ дня кончины Ломоносова и затѣмъ умерла въ 1872 году. Ея могила, съ соотвѣтствующею надписью о родствѣ съ Ломоносовымъ, находится на городскомъ кладбищѣ въ Архангельскѣ.

Изъ общаго обзора этого перечня только издали соприкосновенныхъ Ломоносову фамилій видно, что родная деревня оставила Михаилу Васильевичу лишь драгоценнѣйшій прахъ его матери, а въ живыхъ только какую-то далекую и уже расплывающуюся тѣнь родства цѣлой плеяды всевозможныхъ искателей чести этого вида.

Но ужели можно упустить изъ мысли и еще одно лицо, очень дорогое для памяти о Ломоносовѣ на его родинѣ,—это *дьякъ воспитателя*? Народное преданіе не сохранило о немъ ничего болѣе, что уже было сообщено, однако, находятся кое-какія даты, дозволяющія нѣсколько проникнуть и въ фамильныя подробности. Пусть имя его и отчество будетъ тѣмъ-же, какъ и по Фурману, т. е. уже разъ обусловленное—*Сидоръ Панкратьевичъ*, ибо ни преданіе, ни иное что-либо и отрицать и утверждать это не берется. Касательно же фамиліи его хранятся особые намеки въ архивѣ Куростровской церкви; пользоваться ими не безынтересно. Вѣроятно въ XVII-мъ вѣкѣ и XVIII-мъ часто бывалъ переходъ церковно-служительскихъ фамилій въ крестьянскія и крестьянскихъ—въ списки дьячковъ и пономарей, потому что перѣдко можно найти среди крестьянскихъ именъ тѣ, которые исключительно держатся среди духовенства. Также и въ Куростровѣ нѣкоторые дьячковскія фамиліи сдѣлались крестьянскими, напримѣръ, Коротаевы, Колчины, Петровскіе, Катаевы, и списки ихъ значились то среди церковно-служителей, то среди крестьянъ, и, съ преемствомъ послѣдняго рода, исчезали изъ состава Куростровскаго сельскаго общества. Наболѣе давнее въ этомъ подборѣ является фамилія *Колчиныхъ*. Она повсюду въ Архангельской епархіи признается духовною, но въ Куростровѣ приходо-расходная книга 1751 года упоминаетъ ее безъ этого обозна-

ченія, уже какъ бы крестьянскаго. Далѣе этого года о ней ничего неизвѣстно, и духовныя росписи съ 1770 года совсѣмъ не упоминають. Должно быть, такая фамилія пресѣклась вскорѣ послѣ 1757 года или выбыла изъ Курострова. Если-же Колчины въ то время уже не состояли въ церковномъ штатѣ, то очевидно ихъ ближайшій родоначалникъ умеръ когда-то многимъ раньше, а прочіе переписались въ ряды землепашцевъ. Далѣе, затѣмъ другой документъ, именуемый церковнымъ синодикомъ, и еще къ тому-же духовныя росписи довольно ясно показываютъ, что при Куростровской церкви съ 1743 года по 1753-й годъ служилъ дьячкомъ Оеофилактъ Карасовскій, а его сотоварищами были пономарь Алексѣй Катаевъ, до него дьячекъ Семень Яковлевичъ Сабельниковъ. Такимъ образомъ на долю Колчина падаетъ все время до 1743-го года; съ 1717-го года онъ, при увеличеніи штата священнослужителей, имѣлъ сотоварищемъ молодого Сабельникова; а въ дѣтскіе и отроческіе годы Михаила Васильевича Ломоносова могъ быть и одинъ и съ пономаремъ, послѣднее всего вѣрнѣе. Итакъ, воспитателемъ юности сего гениальнѣйшаго русскаго ученаго теперь вполне возможно признать Куростровскаго дьячка *Сидора Панкратьевича Колчина*, на долю коего выпало счастье обосновать въ этой научной звѣздѣ первая начала лучшихъ знаній и готовность открыть душу къ безконечному совершенствованію. Да будетъ легка ему земля родная, пусть онъ мирно пользуется въ ней покоемъ за свою высокую, хотя и простую, трудовую жизнь. Это вторая драгоценнѣйшая могила, какую хранить и беречь въ родина Ломоносова для лучшей памяти о немъ!

Остается перейти къ памятникамъ болѣе живымъ, пригоднымъ послужить нагляднѣйшими пособіями къ выясненію того, что можетъ принести въ знакъ памяти о Ломоносовѣ родная ему Денисовка и Куростровъ. 1) Отъ знаменитой Ломоносовской усадьбы, нѣкогда имѣвшей прудъ, осталась только безформенная грязная болотная трясина, заваленная мусоромъ, какъ бы въ печальное доказательство, что до иного земляки Михаила Васильевича не додумались, а реставрировать прудъ между тѣмъ очень легко и ничего особеннаго не стоитъ; тогда и школьная усадьба выглядѣла бы солиднѣе, да и о Ломоносовѣ имѣлось бы особое живое, осязательное напоминаніе... Впрочемъ, вопросъ подобнаго рода не первый, существуютъ и еще ему подобныя. 2) Мѣсто дома Ломоносова, уже довольно достаточно опредѣляемое преданіемъ, до сего дня ничѣмъ особеннымъ не обозначено, и ждетъ, повидимому, скоро ли окажутъ ему вниманіе. 3) Каменная церковь, на закладкѣ которой молился Михаилъ Васильевичъ съ отцомъ своимъ, и нынѣ существуетъ въ своемъ современномъ Ломоносову планѣ и первичномъ видѣ. Ея внутренность обставлена иконами, знакомыми Михаилу Васильевичу, и постоянно бывшими предметомъ заботъ его о чистотѣ и порядкѣ. 4) Въ алтарѣ Дмитріевскаго храма сохранился на престолѣ антиминсъ 1706 года, опередившій на 5 лѣтъ день рожденія Ломоносова. Сбереглись оловянные сосуды, наиримѣръ, чаша, изъ которой причащался Ломоносовъ Святыхъ Таинъ. 5) На колокольнѣ виситъ семипудовый всеневный колоколь, отлитый въ 1638 году, и онъ часто въ свое время оглашалъ окрестности рукою Михаила Васильевича. 6) На вершинѣ холма, набросаннаго надъ тремя Чудскими князьями, — и донынѣ съ 1678-го года стоитъ большой деревянный крестъ, передъ которымъ Ломоносовъ молился въ крестохожденіяхъ 9 мая и въ Петровъ постъ, при чемъ древнѣйшій финифтяный ковшъ, уже хранимый въ церкви, бывалъ

въ рукахъ Михаила Васильевича, когда онъ подавалъ священнику для кропленія святую воду, наливая изъ большой чаши въ блюдо. 7) Уцѣлѣлъ еще старый церковный погостъ съ могилами современниковъ Ломоносова, его родныхъ и знакомыхъ; на пемь четыре года тому назадъ въ рѣчномъ обрывѣ видѣлись остатки деревяннаго фундамента прежней церкви, неизвѣстно какой изъ двухъ, но несомнѣнно той, въ которой молился Михаилъ Васильевичъ. Если-бы этимъ памятникамъ дать приличный порядокъ, то незначительное лишь оживленіе сдѣлало бы нынѣшнюю Ломоносовку далеко не тою картиною пустоты, какую теперь она представляетъ въ отношеніи памяти о Ломоносовѣ. 8) Не излишне пожалѣть о томъ, что сравнительно еще недавно варварски истребленъ остатокъ Палимпинской оловой рощи въ Куростровѣ, которая по близости своей къ Денисовкѣ служила всегдашнимъ мѣстомъ веселыхъ игръ и прогулокъ Михаила Васильевича въ его дѣтствѣ и отрочествѣ. 9) Той же участи подвергся и знаменитый Куростровскій ельникъ противъ Холмогоръ, о которомъ упоминалъ Ломоносовъ въ своихъ сочиненіяхъ, и гдѣ самъ бывалъ то при дѣтнемъ ионьскомъ крестохожденіи на озеро при ельникѣ, то при народныхъ гуляньяхъ, тамъ издавна водившихся, и, наконецъ, вообще восхищаясь особенною дикою красотой этого мѣста, поражающею въ свое время даже ко всему апатичныхъ мужиковъ.

Теперь присоединимъ нѣсколько словъ о родинѣ Ломоносова въ ближайшее время за бѣгствомъ въ Москву. Сначала здѣсь трудовая жизнь была ключемъ, особенно судостроеніе поглощало все вниманіе и всѣ запасы силъ. Оно приняло съ теченіемъ времени такой широкой объемъ, что Вавчуга не могла вмѣщать общую массу дѣла, хотя и вела колоссальнѣйшее предпріятіе. Поэтому стали появляться дополнительныя корабельныя верфи, папримѣръ, Негодяевыхъ въ Ровдинѣ, верстахъ въ шести—семи отъ Курострова на одномъ съ нимъ берегу Курополки, и Жидиловыхъ въ самомъ Куростровѣ, на окатѣ Затѣскаго озера. Разросшійся выгодный трудъ, свободнѣйшій сбытъ всѣхъ произведеній края и его выгодъ достаточно обогащали мѣстное населеніе, пока не взялъ перевѣсъ городъ Архангельскъ съ основаннымъ въ пемь морскимъ портомъ. Тогда постепенно началось во всемъ торгово-промышленномъ положеніи Холмогорскаго края наблюдаться сокращеніе энергій; центры наиболѣе широкаго труда передвинулись къ портовому городу, а за этимъ убавились заказы въ Вавчугу и другія верфи Холмогорскаго округа. Кончина Ломоносова приходилась какъ разъ на первые признаки бытового кризиса его родины, который въ концѣ XVIII-го вѣка разрѣшился быстрымъ упадкомъ жизнедѣятельности края, а въ началѣ XIX столѣтія уже и полнымъ прекращеніемъ всѣхъ наиболѣе важныхъ функций. Тогда Холмогоры приняли видъ деревни, а ихъ цвѣтуція предмѣстья превратились въ очень типичныя захолустья, особенно же Куростровъ, обѣднѣніе котораго зашло еще дальше, чѣмъ въ большинствѣ сосѣднихъ селъ. Это послѣднее, зависѣвшее отъ безпечности привыкшихъ къ легкому заработку, отъ пьянства, съ симъ неизбежно связаннаго, вѣроятно и дало представленіе многимъ, да и самимъ куростровцамъ, о ихъ будто бы вѣчной нуждѣ, заброшенности и принижѣнности, тогда какъ живая дѣйствительность говоритъ совершенно другое.

Вотъ съ чѣмъ остались Холмогоры, Куростровъ и Денисовка послѣ Ломоносова, и дивно-ли, что окупившійся въ нужду, пьянство и

другіе пороки мѣстный людъ могъ забыть о Ломоносовѣ, такъ какъ включительно до пятидесятихъ годовъ прошлаго вѣка въ Куростровѣ не тольکو было школы, но даже и не заводилась рѣчь о ней. Гдѣ же послѣ этого сберечься памяти о Ломоносовѣ, какъ не растратиться всякимъ повѣствованіямъ о немъ на его родина?!

Свящ. Арк. Грандильевскій.

Изъ сказокъ Лапландскаго Сѣвера.

(Листки изъ записной книжки туриста *).

Шумять пороги, прыгаютъ бѣшеные водопады,—вся природа словно только пробуждается, словно торопится скинуть съ себя послѣднюю дремоту, и солнце, солнце, не зная покоя, день и ночь свѣтитъ на эту усердную работу, день и ночь не сходитъ со свѣтлой дороги, какъ будто не можетъ оторваться отъ забытаго имъ зимою края.

Стоять угрюмые лѣса, тянутся къ тучамъ вараки—горы, разсыпались груды камня, не хотятъ сравниться скалы съ землей,—недавно, кажется, выбросившей ихъ въ родовыхъ мукахъ...

Стоять горы, раскинулись первобытные лѣса, лѣса безъ краю, безъ начала... Въ нихъ звѣри и люди живутъ.

Люди—такіе же первозданные, не отошедшіе еще отъ родившей ихъ природы—матери, такіе же простые, какъ она—сѣверная природа; не коверкаютъ они ея и живутъ тѣмъ, что не жалѣютъ пота для добыванія куска хлѣба...

Имъ, впрочемъ, чаще приходится зябнуть полярной почью на разбушевавшейся вьюгѣ, мокнуть въ разъядающей холодной водѣ, но они готовы всегда на это—ибо знаютъ отъ матери своей, что сладокъ хлѣбъ, добытый трудомъ своимъ...

Развѣ не видятъ они каждый день, что дѣлаетъ эта глупая рыба—семга, прыгая упорно часъ за часомъ, день за днемъ на отвѣсную стѣну водопада, чтобы попасть—добраться до тихой воды, гдѣ можно посеять новое поколѣніе?...

Развѣ не на глазахъ ихъ одень разбиваетъ себѣ въ кровь копыто, чтобы достать изъ подъ льда маленькій кусочекъ ягеля,—утолить этой окровавленной щепоткой мха свой голодь; и развѣ можно не видѣть, какъ полярная березка извивается, прячась за малѣйшій уступъ сѣраго камня, чтобы только укрыться отъ мертвящаго, студенаго полунощника?

Да, живутъ тамъ люди, питаются, чѣмъ Богъ послалъ, не гоняясь за многимъ.—Какъ полярная березка за надежнымъ прикрытіемъ выпускается неожиданно прекраснымъ вычурнымъ кустомъ, пока снова не прибѣтеть высунувшіеся побѣги суровой вѣтеръ, такъ можно найти и у полярныхъ людей цвѣты фантазіи и прекраснаго, такъ же неожиданно, впрочемъ, гаснущіе, какъ и появившіеся среди мелкихъ обыденныхъ фактовъ прозаической жизни.

*) Сказки, встрѣчающіяся въ настоящемъ очеркѣ, все записаны мною со словъ переводчиковъ въ разное время путешествія по Лапландіи въ 1909 году дословно, сдѣланы лишь кое-гдѣ исправленія невозможныхъ, непонятныхъ оборотовъ рѣчи переводчиковъ, плохо владѣющихъ русскимъ языкомъ, кромѣ того вставлены необходимыя объясненія названій.

И сколько сказочнаго и въ этой обыденной были... обыденной жизни!..

На горѣ у падуна стоятъ три туны *): въ одной живутъ ямщики, другая для рыбаковъ у семужьяго забора, а третья отведена подъ „земскую станцію“.

Въ ямѣ подъ горой пара зеленыхъ отъ вѣчной водяной пыли амбаровъ для семги, да поодаль, надъ самымъ падуномъ—древняя чашовенька, Богъ вѣсть, когда и кѣмъ поставленная, в тутъ же неизмѣнные сѣверные кресты. Вотъ все жилье у падуна.

Выйти на волю изъ избушки, оглянуться,—тамъ внизу грохочетъ, пылитъ водопадъ, и взмыленные воды, какъ нахлестающія, несутся все мимо и мимо съ переливающимся шумомъ на порогѣ...

Кругомъ стоятъ невысокія горы, ровныя, спокойныя, равнодушныя къ тому, какъ грызетъ ихъ бѣшеный падуноу; тамъ, гдѣ загородили онѣ дорогу Нотозеру, и онѣ выкопалъ ямину подъ горкой, гдѣ стоятъ избушки.

Угрюмый лѣсъ пасунился со всѣхъ сторонъ, а ближнія деревья—сосны у обрыва наклонились и какъ бы съ любопытствомъ заглядываютъ внизъ, туда, гдѣ взлетаютъ горы бѣлой пѣны и несется водяная пыль.

Нахмурился лѣсъ: только тамъ кругомъ на далекихъ варакахъ улыбулся онъ серебристой тундрой. Смотришь и не знаешь, остался ли зеленоватый снѣгъ, или солнышко бросило свой лучъ на верхушки сосенъ и такъ посеребрило ихъ...

Въ станціонной тунѣ, гдѣ одинъ короталъ я недѣлю, сейчасъ много народу—гостей; нотозерскіе лопари, двѣ семьи, идущія на „осеннія“ мѣста, и сонильскій лопарь Михайло: „маленько колдунъ“, какъ аттестуютъ его другіе. Въ чемъ заключается колдовство Михайла—трудно добиться, но его предки, и отецъ и дѣдъ считались колдунами, потому и онъ носитъ это почетное званіе и держитъ себя соответственно тому...

Мы съ Григоріемъ—однимъ изъ ямщиковъ, только что вернулись съ Нотозера, отъ избушекъ на курьихъ ножкахъ, до Туломы на карбасѣ и далѣе тайболой.

Онъ—маленькій Григорій, представляетъ изъ себя что-то въ родѣ станціоннаго зрителя, ибо онъ колетъ дрова для камелька и онъ же заботливо затыкаетъ тряпками разбитыя, отливающія всѣми красками радуги, стекла въ квадратномъ окошечкѣ.

„Ничего, что темно, тепло, однако, будетъ“!... Въ избушкѣ темно, тепло и уютно, интимно потрескиваетъ камелекъ, облизывая огнемъ прокопченный чайникъ на одномъ крюкѣ и уху изъ кумжи на другомъ.

Гости, какъ и всѣ новые люди, здороваются за руку и производятъ подробный осмотръ моихъ диковинныхъ принадлежностей—этюднаго зонта, ящиковъ и учипаютъ допросъ.

Михайло особенно радъ моему приходу. Дѣло въ томъ, что вчера пріѣхали изъ Колы ямщики, привезли водки, а такъ какъ Михайло, какъ и обыкновенный смертный, лопарь любитъ водку больше себя, а съ другой—какъ человекъ православный, предпочитаетъ пить только стаканомъ, чтобы было передъ чѣмъ перекреститься, то въ результатѣ, по совокупности всѣхъ этихъ причинъ, сегодня жестоко страдаетъ

„Поднеси ты мнѣ, дай поправиться! проситъ онъ.

*) Зимняя избушка лопарей.

„Сказки всякія расскажу, пѣсни спою, сниматься дамся“, старается попасть мнѣ въ чувствительную жилку.

Но я знаю его: при всѣхъ обѣщаніяхъ и при всемъ стараніи онъ въ прошлый разъ, хотя и знаетъ всѣ старыя пѣсни и сказки, только и смогъ спѣть: „вотъ, вотъ, вотъ вы, дѣвушки, дѣвушки молодья есть, а я старичекъ, старичекъ... старый....“ конецъ потерялся въ храпѣніи подъ нарами....

Ушица поспѣла, садятся гости со мной, и идетъ кругомъ бутылка. Долго наслаждается съ чашечкой благодарный Михайло; подымается говоръ...

Солнышко проглянуло передъ заходомъ сквозь тучи, обдало золотомъ все, поиграло верхушками деревьевъ, бросило и намъ сквозь радужное оконце улыбку, отбронзировавъ прокопченныя стѣны и разлившись сіяніемъ по удивительнѣйшей лысинѣ дѣда-старосты.

Раззолотилась и пыль-пѣна надъ Падупомъ, и золотыми серпами кажутся чайки-воструньи, косящія своими крыльями, какъ серпами, густой смолистый воздухъ...

За дальними горами багровыя тучи, не то крѣпости съ зубцами или развалины храмовъ, опоясанныя свѣтлымъ поясомъ радуги, рассыпались обломками и камнями...

Скажи мнѣ, обращаюсь къ Григорію—какъ назвать тотъ камень по русски на поль-тайболѣ къ Потозеру?

„Кладъ зовемъ“, отвѣчаетъ онъ.

„Постой, скажу, скажу про него“, вмѣшивается Михайло.

„Вотъ, въ старые годы, давно было, къ лопарямъ шиши *) ѣздили, порато грабили, всѣхъ зарѣжутъ: мужиковъ, женокъ и дѣтокъ; какъ найдутъ—все возьмутъ: постели, **) мѣха, жемчугъ, деньги—все равно! Обижали, однако! Только рѣкой они ѣздили больше: боялись въ тундру идти,—забьютъ тамъ лопаришки. И жили въ тѣ года подъ землей: яму выроютъ, камнями заложать. Весь погостъ такъ. И какъ прознаютъ, что опять шиши идутъ, завалять ямы совсѣмъ, тяжелое тамъ оставляютъ: можетъ не найдутъ, другое на „ташкахъ“ ***) въ варьки унесутъ съ собой, куда дикари ****) только ходятъ. Потозерскіе лопари порато жить боялись: все ихъ рѣзали.

Былъ колдунъ тогда у нихъ большой, долго, долго—три жизни жилъ; онъ и дѣлалъ такъ: принесутъ все съ собой мужики къ камню тому на поль-тайболѣ, скажетъ онъ слово чудесное и невидно все станетъ; какъ придутъ шиши,—ничего не найдутъ, однако... А уйдутъ, колдунъ придетъ: скажетъ слово чудное, и опять видно станетъ, унесутъ добро мужики.

Только разъ спрятали добро колдунъ, а самъ померъ, такъ и не нашли лопари добра; потомъ долго искали—слова не знали... Потомъ долго все хотѣли кладъ тотъ взять; не дается, слова настоящаго не знаютъ, раньше колдуны хорошіе были, а потомъ совсѣмъ плохіе стали: слова не знали. Дѣдъ мой хорошій колдунъ былъ, а тоже не могъ достать!..

*) Шведскіе выходцы-разбойники.

**) Оленьи шкуры.

***) *Ташка*—И образно изогнутый пруть съ ремнями черезъ плечи, переплетенный веревками, къ которымъ привязывается предназначенная къ переноскѣ на спинѣ кладъ.

****) *Дижари*—дикие олени.

Пошелъ дѣдъ одинъ разъ къ кладу доставать, лапка *) съ нимъ была; сказалъ слово, а изъ камня трое людей вышли, платяя пѣтъ, большіе, большіе и бѣлые. Увидѣли его и за нимъ побѣжали. Бѣжалъ, бѣжалъ—догоняютъ; остановился тогда, коль сдѣлалъ, кругъ очертилъ и люди тутъ же добѣжали; добѣжали, а въ кругъ не могутъ—дѣдъ-то колдунъ былъ, ходять кругомъ, а не уходятъ; когда лапку заколеть, ушли“...

Тянется сказка-бывальщина Михайла, какъ клубокъ разматывается, изъ одной въ другую переходить.

Потухло солнышко, сквозь открытую дверь льется непрерывнымъ аккордомъ шумъ водопада, смѣшивается съ монотоннымъ голосомъ Михайла. Онъ ужъ не для меня рассказываетъ, точно льется изъ него одна за другой сказки и были, и такъ много въ быляхъ сказочнаго, а въ сказкахъ вѣроятнаго, что не знаешь, гдѣ конецъ того и другого; начинаешь, такъ же какъ окружившіе его лопари, переживать каждое слово... Тѣсно сомкнуть полукругъ лохматыхъ головъ у камелька подъ догорающимъ пламенемъ; то освѣтятся, напряженныя вниманіемъ, прокопченныя, искусаанныя, не доступныя никакимъ атмосфернымъ вліаніемъ лица, то снова потонуть въ полумракѣ избы... Льется, переливается безъ конца, сказка тяжелой жизни...

„А въ тѣ годы много пришло желѣзныхъ шведовъ **) съ захода солнца. Сонгельскій погостъ нашили—вырѣзали,—пошли послѣ того потозерскихъ искать и русскихъ у моря грабить. Потозерскій погостъ у Падуна былъ въ землянкахъ. Пригнали сонгельскіе —„всѣхъ“—говорять рѣжутъ—заплакали всѣ!—Зарыли землянки, сѣли въ карбаса, поѣхали на Пѣмецкій большой островъ ***) и оленей туда же перегнали. На верхнемъ концѣ острова поставили двоихъ сторожить, сами въ кустахъ схоронились. А сторожа раньше другихъ уснули—никого пѣтъ—обманули сонгельскіе“!

Бдутъ шведы—никого не нашли, и мимо Пѣмецкаго проѣхали бы, да замѣтили одинъ карбасъ ****), плохо спрятанъ былъ, остановились и всѣхъ сонныхъ порѣзали: ни одинъ человекъ, ни ребенокъ не остался, оленей закололи; только двое уснувшихъ караульчиковъ уцѣлѣли, они и рассказали“...

Они и рассказали... И представляется, какъ могли рассказывать эти два лопаря какимъ-нибудь кильдинскимъ—такимъ же прячущимся человекомъ: „Пришли мы, проснулись, а всѣ до одного зарѣзаны“.

Слушатели замерли; пронесся вздохъ: „худо, въ вараки уходитъ надо“...

Дикій крикъ раздался въ воздухѣ.

Что это?

„А не знаю, много по ночамъ голосу разнаго бываетъ по тундрамъ“, отвѣчаетъ староста —„кричать“!

Такъ кто-же—птица, звѣрь?—добиваюсь у флегматичнаго старика.

„Пѣтъ, а можетъ и птица, только, безъ ихъ много въ варакахъ живутъ“.

Кто же еще тамъ?

*) Собака.

**) Финляндцевъ.

***) 7 верстъ ниже Падуна.

****) Лодка.

„Разны есть. Много у насъ мѣстовъ есть гдѣ, родясь, никто не ходилъ, пахты *) разны“.

Ну?

— „Такъ тамъ и живутъ. Тоже вродѣ, какъ люди. Разны есть — въ камняхъ такъ бѣлые большіе, безъ всего ходятъ, нѣмые.“

А гдѣ лѣсъ пахты, въ такомъ мѣстѣ маленькіе люди: на землѣ водятся. Голые ходятъ, деньги есть у нихъ. „Чакли“ зовутъ наши... Одинъ колдунъ (у него сынъ сейчасъ живъ, лѣтъ 20-ти Елисей) много денегъ досталъ отъ нихъ. Одинъ разъ пошелъ въ пахту дикаря **) промышлять — убилъ одного, срубъ поставилъ ***), пошелъ дальше, увидѣлъ человѣкъ маленькій-маленькій идетъ за нимъ и все такъ же, какъ онъ дѣлаетъ. Потомъ спрятался. Пришелъ Елисей къ срубѣ, а тамъ изъ прутьевъ тоже срубъ сдѣланъ маленькой и мышъ въ немъ лежитъ... Все такъ же дѣлалъ чакли...

Пошелъ колдунъ другой разъ на пахту, взялъ онъ каши съ собой, ложку взялъ и „пори“ ****). Сѣлъ на тундру — кашу ѣсть, ложкой хлѣбаеъ и каньги завязываетъ, обѣ ноги одной веревкой обертываетъ. Потомъ пошелъ, кашу оставилъ, ложку оставилъ и одну каньгу съ ноори тоже оставилъ. Сидѣлъ день за камнями и пришелъ черезъ день чакли. Сталъ кашу ѣсть, ноги въ одну каньгу поставилъ и завязываетъ. Какъ завязалъ, колдунъ и подбѣжалъ, а чакли бѣжать не можетъ: обѣ ноги въ одну каньгу поставилъ и завязалъ пори!

Такъ его и поймалъ колдунъ. Завязалъ руки веревкой и говорить: „Не пушу, пока деньги не дашъ!“ — Пошелъ чакли въ гору; долго, день, больше ходилъ, принесъ деньги.

„Мало!“ говоритъ колдунъ.

Ходилъ, ходилъ чакли — еще принесъ.

„Мало — еще!“ говоритъ колдунъ.

Чакли головой качаетъ: нѣтъ, значить, больше.

„Поди еще принеси, тогда отпущу.“ — Заплакалъ чакли. — Ходилъ маленькій человѣкъ, порато *****) долго ходилъ, — денегъ не нашелъ; и принесъ кусокъ краснаго сукна.

Колдунъ деньги на три части дѣлилъ: одну ему, двѣ себѣ взялъ; кабы всѣ взялъ — ничего бы не было: въ камень деньги разсыпались-бы.

Въ тундрѣ порато такихъ мѣстовъ есть, гдѣ чакли водятся: варака, пахта придетъ такая — пройти тамъ нельзя — тамъ и живутъ; въ сторонѣ у Имандры чудъ еще подъ землей живетъ“...

Выйти на волю, посмотреть на загадочный лѣсъ, гдѣ такіа чудеса въ наши дни творятся... Тихо стоитъ онъ — и не слышно больше страннаго крика какой-то ночной птицы, не видно ни чакли, ни какихъ „живущихъ однако“ другихъ существъ. Сквозь пестрящую чащу несется одинъ царящій шумъ водопада, и тонетъ въ немъ бульканье, вблизи токующаго глухаря. Налетитъ предутреннимъ дыханьемъ ночи вѣтерокъ, колыхнетъ вѣтвями — прошепчетъ что то лѣсъ, громче загрохочетъ подогнанный водопадъ, скрипнетъ старая сосна... А кругомъ бѣ-

*) Каменистыя горы.

**) Дикій олень.

***) Лопари, убивъ дикаго оленя, обычно дѣлаютъ маленькій срубъ, въ который и кладутъ добычу, — въ защиту отъ звѣрей. По окончаніи охоты ѣдутъ на оленяхъ по срубамъ и забираютъ убитое.

****) Веревка завязывать „каньги“ — лопарскіе остроконечные сапоги изъ одного куска кожи.

*****) Очень.

лая ночь заволокла все, закутала волшебнымъ флеромъ и спустила туманы у алаго заката...

Шумить, скачуть, бѣснуется водопадъ.

На скалѣ, посреднѣ его, старый крестъ... Не валится. Древнія надписи испещряютъ его диковиннымъ узоромъ, а не разобрать ничего изъ вязи, смѣшавшейся съ зеленою мохою въ одно загадочное... Ни понять, ни прочесть, кѣмъ, когда поставленъ.

А подъ нимъ, говорятъ, лежитъ колдунъ — большой, самый большой колдунъ и все хотѣлъ встать, пока лицомъ внизъ не положили и крестъ не поставили...

— „Быль колдунъ, говорятъ, — самый большой, — много дѣлалъ дѣловъ, много колдовалъ... Такія дѣла дѣлалъ, что нельзя говорить про иные — умереть можно отъ страху... И всѣ его боялись, царь боялся дѣловъ его. Какъ луда *) въ падунѣ крѣпкій быль, а померъ. Какъ помирать захотѣлъ — говоритъ: „Похоровайте меня въ камнѣ по серединѣ падуна, только до полночи доведите туда, — а то встану“. Умеръ. Наняли мужики лопаря. Запрягъ онъ оленей, повезъ — везеть, гонитъ оленей, а боится — не довести до полночи! Звѣзды на полночь пошли, а далеко еще до падуна... Птицы полночныя закричали, звѣзды на полночь стали — падуна ибѣть еще, — олени бросились. Оглянулся парень — колдунъ встаетъ изъ кережки **). Испугался парень, закричалъ отъ страху и полѣзъ на дерево. Влѣзъ на вершину, а колдунъ внизу дерево грызеть. Трещитъ дерево, щепки летятъ — скоро упадетъ. Закричалъ лопарь: „Зачѣмъ грызешь — свѣтъ уже!“ Скрылся колдунъ. Слѣзъ съ дерева парень, подошелъ къ кережкѣ, а колдунъ лежитъ, какъ не вставалъ и кережка завязана... Похоронили. Долго колдунъ кричалъ, пока землю валили и все встать хотѣлъ. Похоронили колдуна лицомъ внизъ...

Нашептываетъ, напоминаетъ ворчливый падуноу сказки о томъ, какихъ чудныхъ дѣлъ свидѣтелемъ пришлось стать ему, а слушать некому, кромѣ меня — лишь нерпа внизу въ пучинѣ пѣны выстанетъ, подниметъ голову съ умными человѣчьими глазами и опять скроется, чтобы черезъ нѣсколько минутъ спустя послушать у другого каскада.

Сыро. Тепло.

Тянетъ взглядъ къ недвижимой прозрачной пеленѣ струй воды, перевитой искрящимися золотыми нитями, къ кружеву пѣны надъ пею и къ чернымъ доснающимся головамъ полированныхъ скалъ внизу, какъ нерпа ныряющихъ и выставляющихъ свои мокрые лбы. Какая мощь, какая сила!

А колдунъ лежитъ себѣ спокойно, тамъ, гдѣ чернѣетъ мшистый крестъ. Лежи, великій колдунъ — лежи спокойно! Сейчасъ о тебѣ хоть сказки остались. И вѣрится этимъ сказкамъ, такъ вяжущимся и съ крестомъ твоимъ, и лѣсомъ, и мшистыми бѣлыми камнями въ немъ и всѣмъ мирнымъ, милымъ, не лгушимъ народомъ твоимъ...

Спи пока спокойно, колдунъ! О тебѣ еще рассказываютъ сказки, — но пройдетъ десятокъ другой лѣтъ навѣрное поставятъ надъ тобой динамо и заставятъ пару бѣлыхъ могучихъ водяныхъ коней, что такъ бурно сейчасъ прыгаютъ вокругъ тебя, вертѣтъ ее и посылать электрической токъ куда-нибудь, гдѣ „чакли“ берегутъ золото, серебро

*) Камень.

**) Родъ саней со сплошнымъ дномъ.

и свинець въ непреступныхъ теперь пахтахъ... Что останется тогда отъ твоего креста, великій колдунъ, и отъ всѣхъ „дѣловъ“ твоихъ?

Кто вспомнить о тебѣ въ полночный часъ у шипящей машины. Кто расскажетъ сказку?...

Н. Пинегинъ.

Критика и библиографія.

„ГРЕЗЫ СѢВЕРА“

(К. О. Жаковъ. „На Сѣверъ въ поискахъ за Памомъ Буръ-Мортомъ“ „Въ хвойныхъ лѣсахъ“, „Изъ жизни и фантазій“, „Очерки изъ жизни рабочихъ и крестьянъ на Сѣверѣ“).

Есть среди социологовъ и теоретиковъ искусства довольно распространенное мнѣніе, что характеръ народа или извѣстной социальной группы всего лучше и ярче раскрывается въ художественныхъ произведеніяхъ поэтовъ данной группы. Если бы не было Илиады и Одиссеи, —мы не уловили бы внутреннюю сущность, душу грековъ; безъ Гайаваты — намъ мало понятны были бы простыя племена индѣйцевъ; безъ Калевалы мы бы не знали финновъ; безъ Пѣсни о Нибелунгахъ и пѣсни о Роландѣ намъ была бы непонятна душа древнихъ романцевъ. Это положеніе поддерживалось и поддерживается въ области теории искусства такими крупными учеными, какъ И. Тэнъ и Ренанъ; въ настоящее время у насъ въ Россіи его раздѣляетъ Овсянико-Куликовскій. Мало того, нѣкоторые лица утверждаютъ даже, что самъ народъ, его характерныя черты, его типъ создается этими художниками. Такъ, Овс.-Куликовскій думаетъ, что Пушкинъ создалъ русскій національный типъ.

Точно также въ социологіи были и есть широкія теченія, утверждающія, что благодаря различнымъ географическимъ и климатическимъ условіямъ создаются отличныя другъ отъ друга расы и социальныя группы. Достаточно указать на Бокля, Лапужа, Гумпловича, Летурно, Маттеуцци, такъ или иначе утверждающихъ это.

Хотя мы лично не раздѣляемъ всѣхъ воззрѣній данной школы, но какъ въ приведенномъ выше мнѣніи теоретиковъ искусства, такъ и въ данномъ пунктѣ антропо-географической школы въ социологіи не можемъ не видѣть извѣстной истины.

Недаромъ историки культуры однимъ изъ главныхъ матеріаловъ для своей науки считаютъ литературныя произведенія различныхъ народовъ, напр., книги Веды, ту же Илиаду и Одиссею, Библию и т. д. Всѣ они, являясь продуктами художественнаго творчества народа, помогаютъ этнографу и историку культуры въ его изслѣдованіяхъ. Поэтому въ дѣлѣ изученія какойнибудь народности, никоимъ образомъ не приходится игнорировать его литературными произведеніями или произведеніями его художниковъ, особенно въ тѣхъ, случаяхъ, когда народное творчество служить фундаментомъ для художественнаго творчества отдѣльныхъ лицъ.

Всякій, хотя не много знакомый съ зырянами, читая произведенія К. О. Жакова, сразу замѣтитъ что-то зырянское, свойственное этому народу. Переплетаясь съ личными мотивами и настроеніями, эти осо-

бенности народной души составляютъ одно гармоничное цѣлое и вводятъ васъ въ тайники жизни маленькаго народа.

Шарль Летурно въ своей книгѣ „Литерат. эволюціи различныхъ народовъ“ считаетъ одной изъ особенностей финскаго художественнаго творчества обиліе фантазій и грезъ, богатство образовъ, красокъ и аккордовъ. Типичнымъ примѣромъ можетъ служить Калевала. То же самое видно и въ художественныхъ произведеніяхъ Жакова. Сказки, грезы, мечты—вотъ главная форма его творчества. Даже тамъ, гдѣ онъ является реалистомъ, какъ, напр., въ „Очеркахъ изъ жизни рабочихъ и крестьянъ на сѣверѣ“ и тамъ его герои утѣшаютъ себя сказками.

Вечеръ. Крестьяне, путешествующіе на Богословскій заводъ, утомленные, легли спать. Стихли шутки и разговоры и прекрасный сказочникъ Марко началъ: „Жилъ король вдовецъ... Скучно стало ему безъ жены. Кличъ велѣлъ кликнуть по всѣмъ царствамъ: ницетъ де невѣсты король всесильный Гого-Магого и т. д. (стр. 40)“. Плавно течетъ рѣчь, образъ встаетъ за образомъ, и уносится дума зырянна въ міръ королевъ и красавицъ, забывая тягости и однообразіе своей бѣдной жизни. Затерянные въ необозримыхъ лѣсахъ, оторванные отъ жизни, живущіе въ маленькихъ банькахъ, дровосѣки восполняютъ недостатокъ разнообразія жизни и ея богатства сказками и грезами. Что же за лица, фигурирующія въ этихъ сказкахъ? Каковъ ихъ душевный обликъ? Чѣмъ онѣ живутъ и къ чему стремятся? Передъ вами встаютъ Майбырь, Памъ-Буръ, Мортъ Венулитто, Неве-Хеге, Мили-Кили, Тушпырь Якъ и Дарукъ-Пашъ, Шпиича и др.

Изъ нихъ Памъ-Буръ-Мортъ, Майбырь, Венулитто и Мили-Кили образуютъ первую группу, которой мы теперь и займемся.

Во всѣхъ ихъ сразу же чувствуется что-то общее, родственное... Просты и наивны ихъ души, какъ души маленькаго ребенка; чисты, какъ распускающіеся лепестки лиліи, и благоуханны, какъ розы... Нѣтъ въ нихъ ничего чопорнаго и дѣланно-искусственнаго; нѣтъ никакой маски, и они не ходятъ на ходуляхъ. Это не герои, дерзновенно разрушающіе границы добра и зла, съ презрѣніемъ глядящіе на міръ, а кроткія овцы; никакія страсти не бороздятъ ихъ душу и не толкаютъ на великія преступленія; лобъ ихъ не покрытъ морщинами; сипіе, какъ лазурь, глаза безмятежно смотрятъ на міръ, очарованные его красотой и величіемъ, душа ихъ полна чистотой запаха лѣсовъ, предохраняющей отъ всѣхъ пороковъ и паденій и, будучи кротки какъ голуби, они мудры, какъ змиі. Это люди не отъ міра сего, ибо слишкомъ чисты они, и поэтому люди ихъ не примутъ сразу, будутъ смѣяться надъ ними и назовутъ ихъ глупыми, какъ назвали дурачкомъ Мили-Кили и Венулитто. Но, несмотря на это, они, благодаря своей чистотѣ и постоянному стремленію въ міръ идеаловъ, являются тѣми пружинами, которыя толкаютъ людей въ царство добра. Они путеводные огоньки среди темной ночи.

Умеръ старый Шахманутро. Похоронили его Венулитто и Лилианджаро, и темный лѣсъ сталъ сторожемъ на его могилѣ. Полетѣлъ Венулитто къ людямъ. Онъ спрашивалъ ихъ о безсмертіи души, о творцѣ міра, о началѣ всѣхъ началъ. Люди сочили его помѣшаннымъ. Но онъ умѣлъ летать, умѣлъ и говорить. Показалъ онъ ученымъ, что они забыли главное, а занимаются и изучаютъ пепужное. Проста была его душа и мудра. И люди должны были согласиться съ нимъ. Но онъ не возгордился, а ушелъ обратно въ лѣса, гдѣ онъ родился и гдѣ жила душа его отца.

Бурь-мортъ, сынъ знаменитаго Пама, не сталъ мстить за своего отца; онъ удалился въ лѣса, гдѣ бесѣдовалъ съ звѣрями и птицами, изучая тайны міра. Много онъ ходилъ по землѣ, стараясь найти отвѣты на свои великіе вопросы, ища смысла жизни.

Ни стоицизмъ, ни эпикуреизмъ его не удовлетворили. Только потомъ уже окончательно выработалъ онъ себѣ отвѣтъ, своеобразное сочетаніе буддизма съ христіанствомъ.

То же видно и въ Мили-Кили—великомъ музыкантѣ, пробуждающемъ цѣлое заснувшее царство своими дивными звуками, и въ Майбырѣ. Всѣ они ходятъ по землѣ, а головы ихъ вѣчно смотрятъ въ небо, желая разгадать тайны міра. Всѣ они живутъ въ гармоніи съ міромъ, съ звѣрями и животными. Всѣ они вѣрятъ, что живетъ *одно*, а множественное это Майи—кажущееся, и поэтому никому не приписываютъ зла и страданій. Они чисты и невинны, и пѣтъ въ нихъ душу съѣдающаго сладострастія. Невинными приходятъ въ міръ и такими же изъ него уходятъ, оставивъ людямъ примѣръ чистоты и великую правду, глашатаями которой они были.

Второй категоріей героевъ являются великіе колдуны.

Шыпича, Туннырь-Якъ, Дарукъ-Памъ. Они всѣ напоминаютъ Пама—соперника св. Стефана... Гордые, сильные, непобѣдимые, благодаря своимъ чарамъ, они представляютъ совершенно иной психологической типъ, типъ демонической... Они индивидуалисты... Все дозволено для нихъ... Они проводятъ свою жизнь въ буйныхъ схваткахъ, и шагаютъ по трунамъ,—великія страсти терзаютъ ихъ „нутро“ и часто благодаря этой страсти они гибнутъ, какъ погибъ Шыпича и погибъ Туннырь-Якъ.

Подъ одинокой вѣтвистой елью жилъ великій „тунъ“ Туннырь-Якъ... Онъ былъ хозяинъ лѣсовъ и Вычегды. Не давалъ проходу ни караванамъ, ни судамъ... Свою страсть утолялъ онъ у полногрудой, прекрасной Ирины. Много враговъ нажилъ онъ. Искали случая его погубить, но не могли... Поджигали его домъ, били его мечами. Но все было напрасно... Наконецъ подкупили его подругу. Въ жару любовной нѣги вывѣдала она секретъ его жизни и передала его врагамъ. Не испугался колдунъ смерти, спокойно сказалъ: „пождите, чѣмъ мучить меня, лучше убейте—разсѣките меня накрестъ и наотмашъ мечами, и я умру“. Эти люди умѣютъ жить, умѣютъ и умирать. Словно вихрь ворвутся они въ жизнь, свалятъ и вырвутъ съ корнемъ дерева жизни, поднимаютъ бурю и уйдутъ, оставивъ послѣ себя множество легендъ и сказаній.

Мнѣ, какъ этнографу, лично пришлось записать много аналогичныхъ сказаній у зырянъ и даже видѣть среди нихъ реальные типы, сходные съ этими „тунами“. Примѣромъ ихъ можетъ служить и великій Памъ, насколько можно судить о немъ по историческимъ памятникамъ. Гордый, непокорный, готовый скорѣе умереть, чѣмъ подчиниться, онъ борется всю жизнь. Онъ не прощаетъ никому. Ведетъ свирѣпыхъ вогуловъ на своихъ же зырянъ, когда они перешли въ христіанство и такъ среди этихъ волненій и кончаетъ свою жизнь.

Вотъ два основныхъ типа, фигурирующие въ сказкахъ. Перейдемъ теперь къ реальнымъ личностямъ и тамъ мы встрѣтимъ тѣ же образы...

Привыкшіе къ городу, живущіе въ постоянной сутолоцкѣ, вѣчно изучающіе что нибудь, волнуемые спорами и теоріями, когда мы попадаемъ мелькомъ въ глушь, то какъ-то поражаемся тишиной, спокой-

ствіемъ; совершенно безсознательно создается убѣжденіе, что тутъ идетъ только растительная жизнь, что люди прозябаютъ, а не живутъ. Имъ не свойственны запросы ума, и ихъ любопытство и мысль спятъ подъ толстой корой растительной жизни.

Но взгляните на „Мысль“ знаменитаго Родэна и вы сразу почувствуете, что неправы. Окруженный суровой природой, лишенный орудій и способовъ борьбы, которыми силенъ человѣкъ, простой человѣкъ постоянно долженъ думать надъ каждой мелочью жизни. Раскрываете „Пильванъ“ и видите то-же. Гдѣ-то на Сѣверѣ, среди безконечныхъ лѣсовъ, вдали отъ проѣзжей столбовой дороги затерялось село Платодоръ. Тамъ жилъ Пильванъ—лучшій охотникъ, изловившій не мало медвѣдей и не разъ помятый ими... И шагъ за шагомъ постепенно раскрывается жизнь, примитивная, но имѣющая свои радости и горести... Строго реалистичными штрихами рисуется картина, подернутая дымкой грусти... Охота, свадьба, драка, предчувствія и суевѣрія, свое народное искусство, баня, новости, чередуются другъ за другомъ. Достаточно прочесть рассказъ, какъ сразу же составляется ясное и опредѣленное представленіе объ этой примитивной жизни, несравненно болѣе яркое, чѣмъ представленіе, созданное путемъ изученія матеріаловъ этнографіи. То же приходится сказать и о рассказахъ „На Богословскій заводъ“ и „Холуницкій заводъ“, рисующихъ эпоху перелома, эпоху Sturm und Drang въ миниатюрѣ.. Авторъ, само зырянинъ, много занимавшійся этнографіей зырянъ, до мелочей изучилъ ихъ жизнь, обычаи, пѣсни и душу и все это красиво набросалъ въ этихъ очеркахъ, проникнутыхъ единствомъ настроенія и легкой грустью.

Среди этихъ реальныхъ фигуръ мы встрѣчаемъ тѣ же два основныхъ типа. Вотъ Пильванъ, Олалей, сказочникъ Марко, силачъ Максимъ и др. Въ нихъ видно то же непротивленіе злу, добродушіе, спокойное сознаніе своей правоты и силы.

Рядомъ съ ними мы видимъ мятущихся и волнующихся сыновей Пильвана, Оплесина—сѣвернаго Робертъ-Дьявола, Ёлькина и т. д.

Несомнѣнно, что эти типы не стали бы фигурировать въ рядѣ рассказовъ, рисующихъ народъ, и въ рядѣ сказокъ, имѣющихъ своей основой народное творчество, если бы на это не было соответствующихъ причинъ, т. е. если бы подобнаго рода психологическіе типы не встрѣчались въ средѣ самихъ зырянъ. Каждый народъ творитъ героевъ аналогичныхъ себѣ. И поэтому, несомнѣнно, что оба эти типа, по крайней мѣрѣ, были въ средѣ даннаго народа. Типъ „не противленца“, спокойно любующагося міромъ и спокойно выполняющаго то, что онъ считаетъ своимъ долгомъ, именно, проповѣдь любви и состраданія, и типъ хищника, буйнаго, исполненнаго отваги и силы и достигающаго своей цѣли черезъ трусы другихъ. Что такой типъ есть, этому доказательствомъ служитъ предприимчивость и своеобразная жестокость отдѣльныхъ лицъ даннаго народа. Намъ извѣстно, наиримѣръ, что громадные богатства самоѣдовъ (оленья стада) постепенно путемъ хитрости и спайванія перешли въ руки зырянъ.

Но такъ же несомнѣнно есть и второй типъ непротивленца, особенно въ глухихъ, затерянныхъ мѣстахъ, мало тронутыхъ еще „культурой“. „Какой день опять Небесный Отецъ намъ далъ, и весело людямъ“, думалъ Пильванъ, и такъ-же думали и другіе лѣсные жители. Это „непротивленство“, разбросанное и несорганизованное, въ послѣднее время какъ будто начинаетъ укрѣпляться и принимать характеръ

религіозной доктрины. Признакомъ этого служитъ образованіе секты „дяди Степана“ въ Устьнемѣ, Устьсис. у. Не отклоняясь пока отъ религіозныхъ догматовъ церкви, они создали особые гимны и пѣсни, выражающіе эту тенденцію, и свою жизнь пытаются сдѣлать болѣе или менѣе нравственной, направленной на служеніе другимъ.

Но мы до сихъ поръ разматривали творчество Жакова почти только подъ угломъ зрѣнія этнографіи...

Конечно, въ рамкахъ библіографической статьи нельзя говорить обо всемъ, но все-таки мы находимъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ и вообще о художественномъ творествѣ Жакова.

Въ послѣднее время у насъ въ Россіи особенно увлекаются Уайльдомъ, Гамсуномъ и вообще вещами, рисующими сказочный міръ, богатый красками, аккордами и образами.

Въ творествѣ Жакова раскрывается тоже своеобразный міръ, міръ, богатый образами, таинственными звуками, окутанный дымкой мистицизма. „Жизнь-сказка“. „Жизнь-сонъ“. Все живетъ здѣсь: лѣса шепчуть о какихъ-то тайнахъ міра, звѣзды тихо глядятъ на волненія людей, рѣка прислушивается къ горю и радости ихъ, вороны, звѣри и птицы живутъ и мыслятъ. Нити жизни переплетаются въ странномъ причудливомъ кружевѣ, охватываютъ весь міръ и поютъ великій гимнъ: „Все живетъ, все одно, множественность—Майи—кажущееся“. Мистицизмъ, близкій къ пантеизму, брызжетъ въ каждомъ рассказѣ и вводитъ вась въ какой-то иной міръ, отличный отъ міра трехъ измѣреній. Въ этомъ пунктѣ творчество Жакова близко къ творчеству Гамсуна, у котораго также живетъ каждая вѣтка и каждый листъ травы... Да и вообще мистицизмъ свойствененъ большинству сѣверныхъ художниковъ (Ибсенъ, Гамсунъ, Уайльдъ Лонгфелло и другіе). Безконечные лѣса, вѣчно шепчущіе что-то, длинныя темныя ночи, крылатыя сумерки, яростно-бьющаяся вьюга и т. д., все это настраиваетъ душу человѣка на особый мистическій ладъ.

Кто ищетъ въ искусствѣ новые міры, отличные отъ дѣйствительности (а эту роль и выполняетъ по нашему мнѣнію искусство), тотъ получить извѣстное эстетическое наслажденіе отъ пропитаннаго запахомъ смолистыхъ сосенъ міра, рисуемаго Жаковымъ. Конечно, есть рядъ рассказовъ неудачныхъ, какъ напр. Дорогое счастье, Неблагонадежный, Дарья Родіонова и почти цѣликомъ всѣ стихи, но мы говоримъ не о нихъ.

Знакомый съ Гомеромъ и Лонгфелло несомнѣнно найдетъ здѣсь много гомеровскихъ и лонгфелловскихъ чертъ, но пережитые и пережитые мотивы, гармонично слитые съ своимъ „внутромъ“, не только не представляютъ чего-нибудь плохого и дѣланнаго, но, наоборотъ, усиливаютъ ароматъ рисуемаго сгустка жизни.

Кромѣ этихъ мотивовъ, выдѣляется еще мотивъ Руссо,—сожалѣніе о прошломъ, идеализація этого прошлаго. Не внося дисгармонію въ пѣлое, этотъ мотивъ въ нѣкоторыхъ рассказахъ, какъ, напр., Урилла, гдѣ онъ уже слишкомъ рѣзко звучитъ, неприятно поражаетъ читателя. Да и вообще можно замѣтить тотъ фактъ, что наиболѣе неудачными являются тѣ рассказы, гдѣ слишкомъ ясно слышны личныя нотки. Рассказы же, имѣющіе основой народное творчество, могутъ много дать этнографу, но еще больше эстету, ищущему новыхъ сочетаній элементовъ дѣйствительности. Они напоминаютъ весеннюю, полную жизни и игры рѣку, образованную тысячами ручейковъ и рѣчекъ народнаго творчества.

Архангельское Общество изученія Русскаго Сѣвера.

Выставка „Русскій Сѣверъ“.

I.

Выставка общества, благодаря увеличивающейся среди мѣстнаго общества популярности, начинаетъ за послѣднее время привлекать къ себѣ довольно значительное число посѣтителей, которыхъ съ 12-го и по 26 августа насчитывается уже свыше 1200 человекъ.

Успѣху выставки благоприятствуетъ, между прочимъ, то обстоятельство, что почти ежедневно она обновляется и обогащается матеріаломъ, поступающимъ или въ качествѣ пожертвованій, или на время ея открытія.

За послѣдніе дни изъ нѣсколькихъ уѣздовъ губерніи присланы масса фотографій, образцы минераловъ, старинный костюмъ поморки, клыкъ мамонта (изъ Мезенскаго у.) и много друг.

Кромѣ этого поступило значительное число новыхъ художественныхъ произведеній отъ гг. Писахова, Калашникова, Петрова, Щекотова и г-жи Витоль.

Приходится констатировать довольно печальное явленіе: почти совершенно отсутствуютъ на выставкѣ ученики мѣстныхъ среднихъ учебныхъ заведеній. На выставкѣ были только ученики городского ремесленнаго училища, женскаго духовнаго и Благовѣщенской церковно-приходской школы.

II.

Помѣщаемъ о выставкѣ дальнѣйшій отзывъ нашего сотрудника.

Въ первой моей замѣткѣ о выставкѣ „Русскій Сѣверъ“ (№ 16 „Изв.“) я ничего не говорилъ о фотографическихъ снимкахъ. А, между тѣмъ, среди нихъ есть много интереснаго, какъ со стороны художественной, такъ и этнографической.

Начнемъ обзоръ съ маленькой комнаты, палѣво отъ входа. Въ ней, кстати упомянуть, повѣшены новыя картины г.г. Писахова и Калашникова, изъ которыхъ двѣ бросаются въ глаза хорошо написанной водой (№№ 217, 229). Въ этой комнатѣ очень хорошъ снимокъ г. Лейцингера „Поморское судно на С. Двишѣ“, интересны снимки г. Соберга со статуи Ломоносова. При выходѣ изъ комнаты мы наталкиваемся на большую фотографію, слегка раскрашенную—„Островъ Колгуйевъ“, г. Лейцингера.

Далѣе идетъ пить „Архангельскій уѣздъ“. Здѣсь по изяществу и точности исполненія выдѣляются работы г. Невѣрова—„Старая церковь“, „Вѣлыя почи“, виды Лахты, Архангельска, Уймы и т. д.

Бытовой интересъ представляютъ снимки г. Лейцингера: „Распиловка дровъ въ Лодьмѣ“, „Промышленники, отправляющіеся на охоту“, „подбирающіеся къ добычѣ“ и др.

Его же работы-художественно выполненная фотографія „Большеземельская тундра“ и множество интересныхъ снимковъ по Печорскому уѣзду, изображающихъ виды, типы.

На „Печорскомъ“ пить много также снимковъ гг. Руднева и Керцелли.

Далѣе, въ Мезенскомъ уѣздѣ обращаютъ на себя вниманія снимки, воспроизводящіе костюмы крестьянокъ—эти питья золотомъ парчевыя одежды, остатокъ исчезающей старины. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ инте-

ресны историческіе снимки: портреты семьи правительницы Анны Леопольдовны, ея келья въ Холмогорскомъ женскомъ монастырѣ.

Интересны виды Мурмана и Новой Земли, преимущественно работы гг. Дуброва, Быкова и Виноградова. Снимки Виноградова особенно хороши, но и въ другихъ чувствуется художественный вкусъ и хорошая техника. Очень красивы снимки съ водопадовъ р. Пазы, луночное солнце, птичьи базары и др. Здѣсь же различные типы поморовъ, лопарей...

О картахъ говорить не буду, т. к. въ № 16 перечислялись наиболѣе интересныя изъ нихъ. Отмѣчу только двѣ, которыя, по моему, слѣдовало упомянуть: старую карту острова Груманта (Шпицбергена) со становищами русскихъ промышленниковъ и любопытную карту, характеризующую средневѣковыя географическія представленія: „книга, глаголемая Козмоградія, переведено бысть съ римскаго языка“.

Изъ доставленныхъ въ послѣдніе дни на выставку экспонатовъ слѣдуетъ отмѣтить аквалери художника—самоучки (слесаря) г. Калашникова. Во многихъ изъ нихъ очень чувствуется недостаточная техника, но нѣкоторыя обнаруживаютъ много вкуса и несомнѣнную способность, даже талантъ. Таковы, напр., „Церковь въ Лѣтней Золотицѣ“ (№ 2), „По лѣтнему берегу Золотицы“ (№ 23), „Дорога въ Дураково“ (№ 17), „Дорога въ Ребонду“ (№ 4), „Архангельскъ по Левковкѣ“ (№ 18) и др. Въ нѣсколькихъ видахъ Соловецкаго монастыря (№ 25 и др.) сказывается пониманіе духа старинной архитектуры и умѣніе воспроизвести его.

Четко и добросовѣстно исполнены акворели г. Писахова, изображающія цвѣты, грибы, листья, бабочекъ и пр.

Очень интересенъ полный костюмъ (парчевой) поморки Кемскаго у. и двѣ кички, шитыя золотомъ.

Тонкая и художественная работа—издѣлія холмогорскихъ кустарей изъ мамонтовой и моржовой кости.

Обращаютъ на себя вниманіе кости, зубы и клыки мамонта, найденные въ различныхъ уѣздахъ Вологодской и Архангельской губ.

Публика съ интересомъ останавливается около пучка колосьевъ (высотой болѣе 2-хъ арш.), надъ которымъ прибита такая надпись: „Овесъ, полученный послѣ осушки болота и удаленія мохового покрова на Соловецкихъ островахъ въ Муксалмѣ; посѣянъ на почвѣ безъ навознаго удобренія, посыпанной известью, 28—29 мая 1910 г.; скошенъ на кормъ въ началѣ второй половины августа. (Привезенъ А. О. Шидловскимъ)“.

Изъ с. Керети Кем. у. привезена модель плота и орудій для лова жемчужныхъ раковинъ, сдѣланныя мѣстнымъ урядникомъ, который составилъ описаніе ловли жемчуга *).

Б. Пер.

Землеустройство.

Переселенческой вопросъ, несмотря на свою давность, не перестаетъ останавливать на себѣ общественное вниманіе и вниманіе печати. Не раздѣляя пессимистическихъ взглядовъ на колонизаціонную политику прави-

*) Это описаніе помѣщено въ хроникѣ „разныхъ вѣстей“ текущаго помера.

тельства, мы тѣмъ не менѣе считаемъ возможнымъ привести здѣсь для всесторонняго освѣщенія мнѣнія, отрицательно относящихся къ этому вопросу, газетъ. Въ двухъ большихъ статьяхъ отъ 25 и 26 іюля екатеринославская газета „Юж.-Рус. Вѣст.“ очень подробно останавливается на этомъ вопросѣ и рассматриваетъ его съ точки зрѣнія интересовъ сибирской окраины и ея метрополи.

„Въ исторіи развитія переселенческаго движенія у насъ въ Россіи, говоритъ газета, тѣсно связаны другъ съ другомъ два фактора: правительственныя колонизаціонныя задачи и земельная собственность крестьянства, толкающая его искать новыхъ мѣстъ. Въ этой плоскости мы и будемъ рассматривать переселенческое движеніе.

Сибирь, куда правительствомъ главнымъ образомъ и направляется переселенческій элементъ, несомнѣнно требуетъ того, чтобы ее заселять земледѣльческимъ населеніемъ. По свѣдѣніямъ главнаго переселенческаго управленія, въ Сибири—огромныя пространства земли, никѣмъ не заселенныя до сихъ поръ.

Затѣмъ, указывая, что задача ея—выяснить, что культурно-экономическіе интересы Сибири настоятельно требуютъ всяческихъ заботъ, газета говоритъ, что „условія, въ которыя попадаетъ переселенецъ изъ Европейской Россіи, въ Сибири для него крайне тяжелы. Естественно, что передъ переселенцемъ возникаетъ необходимость проявить массу энергіи въ борьбѣ съ окружающей природой, вложить въ дѣло обработки земли гигантскій трудъ, принести, наконецъ, съ собой солидныя не только общія знанія въ области сельскаго хозяйства, но и спеціальныя, вызываемыя климатическими и почвенными обстоятельствами Сибири“.

Газета отмѣчаетъ, что ждать отъ земельно неустойчивыхъ переселенцевъ ничего не приходится.

„Вотъ эти-то переселенцы, говоритъ газета, привыкшіе на мѣстѣ выселенія хронически голодать, измученные и не обладающіе никакими знаніями въ дѣлѣ сельско-хозяйственной культуры, и являются нашими „культуртрегерами на Дальнемъ Востока“.

Далѣе газета говоритъ, что переселенцы, попадая въ Сибирь, натаиваются еще на крайне ненормальную постановку дѣла на мѣстѣ агентами переселенческаго управленія. Поселки сплошь и рядомъ отстоятъ отъ жел. дороги на десятки верстъ. Ни шоссежныхъ, ни проселочныхъ дорогъ почти нѣтъ; на десятки и даже сотни верстъ вокругъ нѣтъ культурнаго заселеннаго пункта. По пріѣздѣ на мѣсто переселенцу приходится жить долгое время въ землѣ, прежде чѣмъ онъ устроитъ себѣ какое-либо жильѣ изъ дерева. Словомъ, переселенческое управленіе, кромѣ спеціальнаго агента, отмежевывающаго переселенцу предназначенный для него участокъ земли, ссуды въ 200—300 рублей и обязательной полицейской прописки по прибытіи на мѣсто,—не даетъ ничего.

Въ результатѣ такой постановки переселенческаго дѣла газета отмѣчаетъ массу обратныхъ переселенцевъ. Для подкрѣпленія своихъ положеній газета приводитъ слѣдующую диаграмму движенія переселенцевъ изъ Екатеринославской губ. и обратнаго ихъ отлива изъ Сибири:

а) въ прямомъ направленіи:

1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
5570	4930	4870	4550	4060	2730	7640	9710	25290	43540

в) въ обратномъ:

1900 г.	1901 г.	1902 г.	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.
730	840	890	510	650	660	1140	1250	2480	4340

Этотъ громадный процентъ обратныхъ переселенцевъ краснорѣчиво говоритъ, по мнѣнію газеты, что переселенческое дѣло въ Сибири поставлено далеко не на высоту своей задачи. Въ виду этого Сибирь въ культурномъ отношеніи не только не развивается, а все болѣе заполняется такимъ элементомъ, который только тормозитъ развитіе окраины. По мнѣнію цитируемой газеты, „главной причиною является ненормальная постановка дѣла въ переселенческой операціи главнаго переселенческаго управленія. Если бы правительственныя переселенческія операціи являли собой примѣръ рациональной и оборудованной во всѣхъ своихъ деталяхъ организаціи, то и неприспособленность и отсутствіе знаній у крестьянъ-переселенцевъ не дали бы такихъ слишкомъ осязательныхъ въ отрицательномъ смыслѣ слова результатовъ, какіе мы наблюдаемъ въ діаграмахъ екатеринославскаго и полтавскаго земствъ. Газета увѣрена, что переселенецъ можетъ очень быстро ориентироваться въ окружающихъ его новыхъ условіяхъ, но только въ томъ случаѣ, если онъ чувствуетъ подъ собою прочную почву. Переселенецъ на новомъ мѣстѣ долженъ себя чувствовать такъ, какъ будто онъ переселился на вполне оборудованное, хотя и новое хозяйство, онъ долженъ сознавать, что все то, что ему необходимо для приведенія въ движеніе новаго хозяйства, какъ то: жилище, вся домашняя утварь, сараи, скотъ, сельско-хозяйственныя орудія и машины и т. д.,—все это у него есть.

Ему остается всю энергію и знанія тратить не на обзаведеніе и оборудованіе будущаго источника его благосостоянія, а сразу же приниматься за обработку земли.

Такъ обстоитъ дѣло въ Германіи по отношенію къ заселенію Познани нѣмцами. Въ Пруссіи на этотъ предметъ существуютъ колонизаціонныя банки съ огромнымъ оборотнымъ капиталомъ, причемъ всякій пруссакъ, переселяющійся въ Познань, получаетъ необходимыя для веденія хозяйства средства, и колонизаціонная коммиссія представляетъ въ его распоряженіе подробный планъ мѣстности съ детальнымъ описаніемъ свойства и качествъ почвы, климатическихъ и др. особенностей даннаго района. И прибывъ на мѣсто новаго хозяйства, переселенецъ Германіи не заботится абсолютно ни о чемъ. Вся задача его сводится къ немедленному приведенію въ движеніе своего хозяйства. У насъ-же переселенческое дѣло поставлено такъ ненормально, что положительно приходится удивляться долготерпѣнію русскаго мужика—переселенца, который послѣ систематическихъ голодовокъ у себя на родинѣ вынужденъ съ пустыми кошельками, безъ всякаго разумнаго руководства, передвигаться по громаднымъ и перѣдко первобытнымъ пространствомъ Сибири и искать въ ней сытость и довольство. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ Сибирь находится въ самыхъ первобытныхъ условіяхъ своего существованія, не подающихъ надеждъ на быстрый экономическій подъемъ и широкое развитіе производительныхъ силъ сибирской окраины“.

Рѣзко отрицательно относятся къ переселенческой политикѣ и „Русск. Вѣд.“

„Предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ, отложивъ въ сторону всѣ очередныя дѣла, совершенно, повидимому, неожиданно выѣхалъ въ переселенческіе районы Сибири и Степного края. Съ нимъ вмѣстѣ вы-

ѣ аль вѣдомственный министр А. В. Кривошеинъ. Уже этотъ фактъ самъ по себѣ достаточно необыченъ. Но если принять во вниманіе, что А. В. Кривошеинъ только-что вернулся изъ Сибири, что обоихъ министровъ сопровождаетъ начальникъ переселенческаго управленія Г. В. Глинка, слухи объ отставкѣ котораго только-что опровергались газетамъ, что всего недѣли двѣ назадъ удаленъ на покой одинъ изъ наиболѣе непреклонныхъ дѣятелей современной переселенческой политики, иркутскій генераль-губернаторъ Селивановъ,—то за фактомъ этимъ придется признать большое значеніе. Мы стоимъ, очевидно, передъ крахомъ всей той современной переселенческой политики, начало которой было положено рѣчами гг. Горемыкина и Стишинскаго въ 1-й Государственной Думѣ, которая была выдвинута въ качествѣ противовѣса аграрнымъ начинаніямъ прогрессивныхъ элементовъ страны и въ основѣ которой лежала слѣдная вѣра въ неограниченныя колонизаціонныя возможности послѣдней. Для читателей „Русскихъ Вѣдомостей“ неизбѣжность такого краха должна была быть давно ясна. А приводившіяся нами время отъ времени цифровыя данныя, свидѣтельствовавшія о рѣзкомъ сокращеніи переселенія въ Азіатскую Россію и о не менѣе рѣзкомъ усиленіи обратнаго движенія, въ связи съ извѣстіями о многихъ сотняхъ тысячъ бродящихъ по Сибири неустроенныхъ переселенцевъ, о свирѣпствующихъ среди переселенцевъ эпидеміяхъ, о переселенческихъ поселкахъ, устраиваемыхъ на заливныхъ болотахъ Нарымскаго края, и т. п.,—все это свидѣтельствовало о томъ, что неизбѣжность, къ несчастью, уже начала переходить въ дѣйствительность. Можно полагать, что гг. Столыпинъ и Кривошеинъ ѣдутъ ликвидировать создавшееся положеніе дѣлъ. Трудно сказать, конечно, съ чѣмъ они вернуться. Можно только пожелать, чтобы у нихъ, наконецъ, хватило мужества вложить персты въ раны и поставить точки надъ і, — чтобы они признали принципиальную негодность всей переселенческой политики послѣдняго четырехлѣтія. Можно только пожелать, чтобы они бросили игру въ картонныя домики и потемкинскіе дворцы,—будетъ ли это въ видѣ насажденія хуторовъ и иныхъ формъ единоспасающей личной собственности, въ формѣ восторговскихъ монастырей или же въ болѣе реальныхъ, но и болѣе зловредныхъ формахъ усиленнаго нажиманія землеобрѣзнаго пресса, при помощи котораго не достигнута ничего, кромѣ все новыхъ и новыхъ обостреній аграрнаго вопроса на окраинахъ и все новыхъ и новыхъ переселенческихъ неудачъ“.

Близъ станціи Апарина—Чермъ—Котласской желѣзной дороги, поселилось до 1.000 семей переселенцевъ. Обществомъ переселенцевъ открыта съ поддержкой переселенческаго управленія лавка. Переселенцы строятъ двѣ мельницы, два кирпичныхъ завода и двѣ школы. Переселенческой администраціей улучшаются пути сообщенія.

Прекращеніе работъ переселенческой партіи по отграниченію переселенческихъ участковъ въ Никольскомъ уѣздѣ Вологодской губ. ожидается въ концѣ сентября.

Работы происходятъ въ трехъ районахъ: кичуго-кузюкскомъ, моломскомъ и шадурскомъ.

Совѣтъ министровъ, рассмотрѣвъ предположенія министерства внутреннихъ дѣлъ и торговли и промышленности по вопросу о надѣленіи земель мастеровыхъ частновладельческихъ заводовъ на Уралѣ, постановилъ приступить къ осуществленію этихъ предположеній.

Сельское хозяйство.

Отдѣломъ земельныхъ улучшеній, въ дѣлахъ использованія болотъ подъ разработку торфа, усиливается съ текущаго года торфмейстерская часть отдѣла и учреждается особая казенная торфяная испытательная станція, на которой будутъ производиться испытанія машинъ и изслѣдованіе способовъ добыванія, переработки и примѣненія торфа. При означенной станціи учреждаются курсы для подготовки торфяныхъ мастеровъ и надсмотрщиковъ за торфяными работами.

Насколько всеобъемлюща и детальна полезная роль земствъ въ сельскомъ хозяйствѣ, видно на ближайшемъ примѣрѣ вологодскаго земства, экономическимъ совѣтомъ котораго приняты рѣшенія по ряду вопросовъ.

По вопросу объ агрономическомъ персоналѣ экономическій совѣтъ постановилъ просить уѣздное собраніе пригласить еще двухъ участковыхъ агрономовъ.

По вопросу о полеводствѣ экономическій совѣтъ призналъ необходимымъ развитіе показательныхъ участковъ по полеводству, какъ на земляхъ общинныхъ, такъ и на земляхъ единоличнаго хозяйства. Для оказанія помощи единоличнымъ хозяевамъ путемъ постановки на ихъ земляхъ опытно-показательныхъ участковъ постановлено просить уѣздную землеустроительную комиссію исходатайствовать на таковой предметъ для уѣзднаго земства 500 р. Къ уѣздному земству экономическій совѣтъ обратился съ просьбой для постановки показательныхъ участковъ на общинныхъ земляхъ ассигновать 500 р.

По вопросамъ луговодства рѣшено просить губернскую земскую управу открыть, согласно плану, намѣченному губернскимъ собраніемъ, выдачу изъ меліоративнаго кредита ссудъ на очистку земель и на осушеніе луговъ.

По вопросамъ о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній приняты положенія доклада уѣзднаго агронома объ организаціи передвижныхъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ—бесѣдъ для взрослого населенія уѣзда. Признано желательнымъ существованіе зимнихъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ для взрослыхъ при опытно-показательной сельско-хозяйственной станціи.

По вопросамъ о снабженіи населенія сельско-хозяйственными машинами и орудіями рѣшено просить уѣздное земское собраніе ходатайствовать передъ губернскимъ земствомъ о привлеченіи кредито-способныхъ кооперативовъ уѣзда къ продажѣ сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій путемъ отдачи имъ таковыхъ на комиссіонныхъ началахъ и путемъ выдачи ссудъ.

Вологодское земство повышаетъ уровень сельскаго хозяйства въ губерніи. Такъ, недавно агрономы вологодскаго земства устроили цѣлый рядъ опытовъ съ минеральными удобрениями на крестьянскихъ земляхъ. Совѣщаніемъ агрономовъ постановлено просить управу приобрести въ каждый

агрономическій участокъ нѣкоторыя сельско-хозяйственныя орудія для отдачи ихъ крестьянамъ на-прокатъ.

Проживающимъ въ Сумскомъ посадѣ Арх. губ. корреспондентомъ отдѣла сельской экономіи и сельско хоз. статистики г. у з. и з. А. А. Каменевымъ, при поддержкѣ департамента земледѣлія, выславшаго коллекцію огородныхъ сѣмянъ, былъ произведенъ пылѣшимъ лѣтомъ опытъ съ огородною культурою на арендованномъ имъ участкѣ въ с. Шуфъ—въ 25-ти вер. отъ г. Кеми на SSW. Подъ пробныя посѣвы была занята площадь приблизительно около $\frac{1}{4}$ десятины. Посѣяно нѣсколько видовъ огородныхъ сѣмянъ, присланныхъ д-мъ, преимущественно—корнеплодовъ: моркови, свеклы, рѣдиси, рѣдки и рѣпы, каковыя посѣвы выдѣлись удачными: всѣ перечисленные корнеплоды уродились отлично. Судя по этимъ, хотя и далеко не полнымъ опытамъ, г. Каменевъ заключаетъ, что климатическія условія поморья мало отличаются отъ таковыхъ же условій Вологодской губерніи (родины г. Каменева), благодаря чему въ здѣшнихъ широтахъ могутъ успѣшно культивироваться всѣ тѣ огородныя растенія, какія встрѣчаются въ огородахъ Вологодской губерніи. Къ сожалѣнію, г. Каменевъ былъ вынужденъ ограничиться опытами съ одними корнеплодами, ибо разведеніе растеній другихъ категорій (огурцовъ, капусты, фасоли и т. п.) съ помощью теплицъ оказалось не осуществимымъ при тѣхъ средствахъ, какими онъ располагаетъ. Весьма прискорбно, что управленіе земледѣлія и Государственныхъ имуществъ Архангельской губ. не заинтересовалось опытами г. Каменева и не пришло къ нему на помощь, хотя бы бесплатнымъ отпускомъ лѣсныхъ матеріаловъ для устройства нужныхъ приспособленій.

Въ текущемъ году на Печорѣ, въ связи съ вопросомъ о колонизаціи мѣстнаго края, работаетъ сѣтъ опытныхъ пунктовъ департамента земледѣлія, и начальникомъ этой сѣти состоитъ зачисленный по главному управленію землеустройства и земледѣлія А. В. Журавскій. Сѣтъ состоитъ изъ слѣдующихъ пунктовъ: Центральная станція въ с. Усть-Цыльмѣ, контрольно-вспомогательная (полярная) въ с. Куя, восточная въ с. Усть-Кожвѣ и въ с. Усть-Вашкѣ. Операціи сѣти начались 14 апрѣля с. г. и въ связи съ культурою хлѣбныхъ злаковъ, травосѣянія, ведется и опытное огородничество.

Въ редакцію „Извѣстій“ доставлены свѣдѣнія (на 15 авг. с. г.) съ веро-печорской центральной станціи, находящейся въ с. Устьцыльмѣ.

На опытныхъ поляхъ достигли полной зрѣлости: мѣстный ячмень (сѣвъ 14. IV, по озим. вспашкѣ, надземн. высота 722 мил., корень 110 мм), ячмень гималайскій (10. V, 850—96), ленъ вологодскій (14. IV, 590—97 и 29. IV, 605—95), ленъ мезенскій (14. IV, 545—102 и 29. IV, 654—100), конопля мезенская (10. V, 1270—142 и 9. V, 1200—174), конопля печорскаго урожая (29. IV, 1200—154). Сибирская греча на трехъ поляхъ пострадала отъ ночного холода 5 и 11 августа. Остальные злаки находятся въ состояніи наливанія или вызрѣванія. Изъ огородныхъ растеній полной зрѣлости достигли: горохъ печорскаго урожая (сѣвъ 18. V, надземная высота 1010 мил., плодъ 80 мил.), лукъ сѣянка рѣп. жел. (21. V, 242—15), лукъ бѣлый (21. V, 237—18) и рѣпа миланская бѣлая (18. V, 386—130). Пострадали отъ холода 5 августа: кабачки греческіе и кукуруза. Луговое хозяйство станціи представляется въ такихъ цифрахъ: на пожняхъ по р. Цильмѣ покосъ 15. VI далъ 67 п. 20 ф. съ десятины, 1. VII—217 п.

20 ф., 15. VII—240 п., 1. VIII—265 п., по р. Пижмѣ—15. VII—373 п.
30 ф., 1. VIII—292 п. 20 ф. Сѣянная вика дала до цвѣта 15. VII—270 п.,
въ цвѣту—1. VIII—285 п., 14. VIII—травы 2010 п.

Закрытие земскаго с.-хоз. склада въ Сольвычегодскѣ, Вол. г., вызвало обращеніе сольвычегодскихъ крестьянъ съ требованіями въ Архангельскій складъ с.-х. орудій и машинъ. На короткое время ими приобрѣтено довольно много вѣялокъ, соломорѣзокъ и т. под. Вообще, операціи склада значительно растутъ.

„С. Ж.“, говоря объ агрономической помощи въ Сибири, пишетъ.

„Въ цѣляхъ возможно широкаго оказанія населенію сибирскихъ губерній и областей агрономической помощи главное управленіе землеустройства и земледѣлія, какъ сообщаетъ „Прав. В.“, предполагаетъ значительно увеличить противъ предыдущихъ лѣтъ ассигнованіе на указанную цѣль, исчисливъ его въ суммѣ свыше 500 т. рублей. Но такъ какъ главные средства государствен. казны идутъ на другія надобности, то главное управленіе, какъ утверждалъ „Прав. В.“, намѣрено обратить вниманіе сибирской администраціи на желательность внесенія въ земскія смѣты предстоящаго новаго трехлѣтія подлежащихъ кредитовъ въ размѣрахъ, не меньшихъ предполагаемыхъ ассигновкой по смѣтѣ вѣдомства.

Какихъ же результатовъ можно ожидать отъ проектируемой реформы агрономической помощи и можно ли ожидать что отъ этого мѣропріятія улучшаются условія сибирскаго сельскаго хозяйства. Самое большое, на что можно разсчитывать—при ассигнованіи изъ запасныхъ средствъ 500 тыс. руб.,—это нѣкоторое увеличеніе числа чиновниковъ съ тѣмъ или инымъ агрономическимъ образованіемъ, которые незамѣтно расплывутся по необъятнымъ пространствамъ сибирской окраины и врядъ ли принесутъ какую-либо существенную пользу. Между тѣмъ земледѣльческая Сибирь и ея населеніе нуждаются въ самой широкой постановкѣ агрономической помощи, которая возможна только въ томъ случаѣ, если будутъ вызваны къ жизни здоровыя народныя силы Сибири.

Вызвать эти творческія силы къ жизни можно только путемъ немедленнаго учрежденія широкаго земства, которое должно базироваться на строго опредѣленной программѣ и неукоснительно проводить въ жизнь: 1) экономическую помощь населенію, въ особенности неокрѣпшимъ на мѣстахъ переселенцамъ, 2) организацію показательныхъ полей, 3) широкую организацію чтеній по сельскому хозяйству и 4) пропаганду экономической самостоятельности и общественной самопомощи въ сферѣ сельско-хозяйственной промышленности страны. Кромѣ этого необходимо обратить вниманіе на развитіе экономическихъ организацій: сельско-хозяйственныхъ обществъ, кредитныхъ товариществъ, кассъ взаимопомощи, ссудо-сберегательныхъ кассъ, потребительскихъ обществъ и сельско-хозяйственныхъ товариществъ, которыя даже при неблагоприятныхъ условіяхъ начинаютъ въ Сибири постепенно развиваться. Если всѣ эти кооперативы, лившіеся результатомъ сознательности самихъ крестьянъ, своевременно поддержать, то несомнѣнно въ сельскомъ хозяйствѣ Сибири произойдетъ весьма существенный переломъ. Но, повторяемъ, что переломъ этотъ произойдетъ при непремѣнномъ условіи, если общественное строительство будетъ находиться въ рукахъ представительныхъ учреждений. Неизбѣжность земской реформы вытекаетъ, какъ мы уже сообщали не разъ, изъ экономической необходимости и тяжкаго кризиса, который съ нѣкоторыхъ поръ переживаетъ громадная си-

бирская окраина. Для этого достаточно указать, что вслѣдствіе неупорядоченности земельныхъ отношеній старожильское населеніе Сибири переживаетъ небезосновательную боязнь потерять бывшее земельное приволье; російскіе новоселы, переселяющіеся въ Сибирь сотнями тысячъ, не могутъ ориентироваться безъ разумнаго руководительства въ новой и своеобразной странѣ, и въ общемъ разнообразное населеніе всей окраины находится въ такихъ условіяхъ экономическаго хаоса, что разобраться въ немъ можетъ только большая организованная общественная сила, какъ широкая земская организація, чуждая бюрократическихъ путей. Вотъ эта-то общественная сила и представляетъ изъ себя тотъ могучій факторъ, который, пока не поздно, спасетъ Сибирь отъ экономическаго краха.

Слѣдовательно, дѣло организаціи агрономической помощи въ Сибири не въ теоретическихъ ассигновкахъ, отпускаемыхъ правительствомъ изъ мѣстныхъ средствъ сибирскаго населенія, а въ практическомъ проведеніи въ жизнь такихъ общественныхъ нормъ, которыя выведутъ страну и ея населеніе на широкій путь экономическаго развитія и развитія производительныхъ силъ страны“.

Интересный агрономическій опытъ былъ произведенъ недавно въ Иркутской губ. въ с. Залари; по инициативѣ новаго инструктора иркутскаго переселенческаго района г. Андерсона, было организовано состязаніе пахарей съ той цѣлью, чтобы: 1) пробудить у населенія, отличающагося особеннымъ консерватизмомъ въ области введенія въ дѣло обработки почвы различныхъ усовершенствованныхъ способовъ и машинъ, интересъ къ усовершенствованію сельско-хозяйственныхъ орудій и 2) на дѣлѣ показать превосходство машинъ передъ неусовершенствованными и примитивными орудіями, которыми теперь обрабатывается земля заларинцами.

Назначены были 2 преміи—плуги фабричной работы. Для присужденія премій было избрано жюри изъ представителей крестьянъ, не участвовавшихъ въ состязаніи. Само состязаніе возбудило въ населеніи большой интересъ.

На обсужденіе жюри былъ поставленъ рядъ вопросовъ. Напримѣръ: 1) насколько плугъ устойчивъ; 2) можно ли ясно отличить стѣнку и дно борозды и не заваливается ли черезъ отвалъ въ борозду земля; 3) хорошо ли заваливаетъ плугъ сорныя травы на мягкой пахотѣ и полно ли переворачиваетъ пласты, или они раскиданы въ разныхъ направленіяхъ и въ разныхъ стадіяхъ оборачиванія; 4) видъ вспаханнаго поля: ровный или грядками, глыбисто или равномерно разрыхлено; 5) подпахивается ли пласть во всю ширину или остается не пропаханное пространство; 6) ширина и глубина борозды; 7) усиліе лошадей: тяжело или легко, и 8) производительность плуговъ.

Послѣ состязанія пахарей были продемонстрированы: двухкорпусный плугъ фабричной работы, культиваторъ и дисковая борода. Демонстрація этихъ машинъ вызвала всеобщій интересъ, въ особенности же дисковая борода, пущенная по первой распахѣ.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1909 году было всего въ Томской губерніи 612 артельныхъ маслодѣльныхъ заводовъ. Детальныя свѣдѣнія о своемъ производствѣ и о состояніи своихъ счетовъ, какъ сообщаетъ „Алт. Г.“, доставили мѣстнымъ правительственнымъ инструкторамъ маслодѣлія только 434 завода изъ 612 наличныхъ.

Этими 434 заводами было принято въ 1909 году всего 10.243.959 пудовъ молока, изъ котораго выработано было масла 503.723 пуда; такимъ образомъ, каждый пудъ масла вырабатывается въ среднемъ изъ 20 пудовъ молока. Въ барнаульскомъ инструкторскомъ районѣ всего зарегистрировано 98 артелей, 49 въ томъ счетѣ доставили „свѣдѣнія“,—онѣ приняли въ 1909 году всего 1.120.450 пудовъ молока и выработали изъ него 52,678 пудовъ масла.

Любопытны цифры артельныхъ полученій за масло. 434 артели по всей губерніи получили въ 1909 году свыше шести милліоновъ рублей,—6228867 рублей 47 коп. Безъ малаго десятая доля этого „полученія“ выпала барнаульскимъ артелямъ, получившимъ (49 артелей изъ наличныхъ 98) свыше шести сотъ тысячъ рублей за свое масло,—656.872 рубля 32 копейки.

Крестьяне-артельщики получили за свое молоко по заводамъ всей губерніи свыше пяти милліоновъ—5.083 тысячи 449 р. 94 к. Артелями затѣмъ отчислялись изъ полученныхъ за масло денегъ извѣстныя суммы на расходы по переустройству заводовъ, на погашенія долговъ по первоначальному ихъ устройству и т. д.; чистаго капитала было у всѣхъ 434 регистрировавшихся заводовъ на 1 января 1910 года всего 447.465 руб. 5 к. У 49 барнаульскихъ заводовъ въ томъ числѣ было 55464 руб. 34 к. личности.

Не лишены также интереса и нижеслѣдующія цифры. Районъ зарегистрированныхъ артелей составляли 493 селенія; въ артеляхъ всего было 58 тыс. 930 членовъ—крестьянъ-артельщиковъ. По барнаульскому инструкторскому району артелями было охвачено всего 49 селеній съ 11191 артельщиками-крестьянами.

296,198 коровъ,—въ томъ счетѣ 37541 по барнаульскому району,—доилось въ 1909 году для „заноса молока на зарегистрированные артельные заводы. Въ среднемъ у каждаго артельщика оказывалось по 5 дойныхъ коровъ, и,—опять таки въ среднемъ,—каждая корова давала артельщику по 34 пуда молока, „окунавшася“ 17 рублями круглой цифрой.—Стало быть, средней, обычный дворъ артельщика получалъ „съ артельного завода“ до 85 рублей въ годъ деньгами, не лишними, конечно, въ крестьянскомъ обиходѣ.

Эта полезная жизнь артелей требуетъ содѣйствія и одну изъ интересныхъ формъ послѣдняго представляетъ снаряженный, какъ передаетъ „С. Ж.“ томской агрономической организаціей плавучій музей по наиболѣе важнымъ отраслямъ сельско-хозяйственнаго дѣла. Пока программа музея, организуемаго въ нынѣшнемъ году въ видѣ опыта, обнимаетъ собою только два отдѣла: отдѣлъ молочнаго хозяйства съ оборудованнымъ дѣйствующимъ маслодѣлательнымъ заводомъ и отдѣлъ пчеловодства. Музей будетъ помѣщаться на специально приспособленной для этой цѣли баржѣ и отправится на этихъ дняхъ изъ Черемошниковъ внизъ по Оби и посѣтитъ 9 попутныхъ селеній. Въ каждомъ селеніи будутъ демонстрироваться выставленные машины и приборы, будутъ даваться объясненія, устраиваться чтенія и объясненія по всѣмъ вопросамъ, которыми интересуется крестьянское населеніе.

Маслодѣлы и сами много дѣлаютъ для усовершенствованія производства и облегченія сбыта.

При бійской конторѣ „Союза Сибирскихъ маслодѣльныхъ артелей“ въ настоящее время находится на службѣ инструкторъ-специалистъ маслодѣлія, на обязанности котораго лежитъ—слѣдить за производствомъ масла на заводахъ артелей членовъ Союза, наблюдать за правильнымъ веденіемъ дѣла и счетовъ

водства, какъ по заводамъ, такъ и по артельнымъ лавкамъ и вообще распространеніе и упроченіе кооперативныхъ принциповъ въ деревнѣ. Такимъ образомъ, деревня приобрѣла новаго интеллигентнаго работника, можно сказать,—учителя коопераціи.

Союзъ совершенствуется въ своей дѣятельности (Війскаго и Барнаульскаго округовъ) и рѣшилъ избавиться отъ посредничества экспортеровъ, зачастую вызывающихъ нареканія на сибирское масло. Маслодѣлы открыли въ Берлинѣ свою контору, которая будетъ центральной для всей Германіи, въ большихъ размѣрахъ потребляющей сибирское масло. Союзныя артели благодаря этой конторѣ получаютъ возможность сбывать масло по цѣнамъ нѣмецкаго рынка, минуя экспортеровъ, сообразно качеству.

Маслодѣльные артели принимаются и за сыровареніе.

Первый опытъ приготовленія изъ молока сыра въ пос. Урляндинскомъ, Челябинскаго уѣз., оказался блистательнымъ. Варка сыра для артели оказалась чуть-ли не въ два раза выгоднѣе, чѣмъ приготовленіе масла. Но дѣло въ томъ, что при настоящей кредитоспособности деревни варка сыра не всякой артели будетъ по плечу. Деревнѣ нуженъ кредитъ. Для того, чтобы сыръ вылеживался и былъ годенъ къ употребленію, необходимы оборотныя деньги для 3—5 мѣсяцевъ, и давальцы молока должны ожидать продажи сыра. Въ деревнѣ это невозможно. Съ этой невозможностью урляндская артель и встрѣтилась на первыхъ же шагахъ. Надо было рассчитаться за молоко. Денегъ не оказалось. Войсковой инструкторъ Великановъ пріѣзжалъ въ Челябинскъ въ надеждѣ найти кредитъ, но въ мѣстныхъ банкахъ поддержки не встрѣтилъ. Пришлось всю партію, около 1000 п. сыру, запродать частному предпринимателю и получить у него авансъ въ 1000 руб., потерявъ, такимъ образомъ, отъ 2 до 3 тысячъ рублей. Примѣръ довольно поучительный какъ для предпринимающихъ артельнымъ способомъ сыровареніе, такъ и для существующихъ маслодѣльныхъ артелей. Ни артельные заводы, ни артельные лавки, насколько намъ извѣстно, не задавались еще вопросомъ созданія изъ своего дѣла кредитно-устойчиваго предпріятія. Лавки постоянно кредитуются то у частныхъ оптовиковъ, то у Сибирскаго Союза; маслодѣльные артели ведутъ только обороты, расплачиваются съ артельщиками полностью. Ни та, ни другая организація не думаетъ о созданіи кредита внутри себя. Между тѣмъ и теперь артелямъ иногда приходится сдавать масло по пониженной цѣнѣ, тогда какъ при наличности кредита, выждавъ 2—3 мѣсяца, онѣ могли бы продать его дороже.

Какъ мы уже сообщали (№ 16, стр. 57), съ 8-го по 15-ое сего сентября въ С.-Петербургѣ состоится Всероссийская выставка молочнаго скота и одновременно, а именно, съ 11-го по 16-ое сентября Всероссийскій съѣздъ по массовому улучшенію скота.

Эта первая спеціальная выставка молочныхъ породъ скота, принявшая грандіозныя размѣры (заявлено болѣе 600 головъ скота, кромѣ молочныхъ козъ и другихъ экспонатовъ), возбудила большой интересъ среди хозяевъ, общественныхъ учреждений и въ главномъ управл. земл. и земледѣлія, которое предполагаетъ вызвать большинство своихъ специалистовъ для ознакомленія съ нею, а также принятія участія въ ея работахъ.

Еще болѣшій интересъ для земствъ и сельско-хоз. обществъ представляетъ предстоящій съѣздъ, который въ свою программу внесъ лишь одинъ, но весьма обширный и больной вопросъ русскаго сельскаго хозяйства. Это—вопросъ о массовомъ улучшеніи скота.

Необходимо сговориться по многимъ вопросамъ улучшенія скота, дать оцѣнку десятилѣтними испытаннымъ приемамъ улучшенія и выяснить насколько и въ какой формѣ примѣнимы новѣйшіе приемы и организаціи по проведенію культурныхъ приемовъ скотоводства въ широкія массы населенія.

Многія земства постановили командировать на этотъ сѣздъ своихъ представителей и земскихъ агрономовъ, а главное управл. земл. и земледѣлія приметъ участіе черезъ своихъ провинціальныхъ представителей. Чѣмъ большее число районовъ будетъ представлено на сѣздѣ, чѣмъ больше мѣстныхъ людей приметъ участіе въ работахъ его, чѣмъ больше мѣстнаго опыта и знанія будетъ внесено въ обсужденіе одного изъ наибаважѣйшихъ вопросовъ нашего сельскаго хозяйства, тѣмъ плодотворнѣе и разностороннѣе будутъ труды сѣзда, тѣмъ лучше будетъ освѣщенъ вопросъ.

Комитетъ по устройству выставки обращается къ различнымъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ съ просьбой оказать сѣзду возможное содѣйствіе.

- 1) Командированіемъ на Всероссийскій сѣздъ по массовому улучшенію скота своихъ представителей и, если имѣется, мѣстнаго спеціалиста.
- 2) Сообщеніемъ тѣхъ мѣстныхъ матерьяловъ, которые могли бы послужить для освѣщенія той или иной стороны вопроса.
- 3) Присылкой доклада, отражающаго взгляды по улучшенію скота, проводимые въ районѣ.

Департаментомъ земледѣлія выпущенъ изъ печати списокъ періодическихъ сельско-хозяйственныхъ изданій (по свѣдѣніямъ департамента земледѣлія къ 1 юля 1910 года). Всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, интересующимся такого рода изданіями, списокъ департаментомъ высылается бесплатно по первому требованію.

Въ Петербургъ прибыла группа американскихъ капиталистовъ для представленія ходатайства передъ русскимъ правительствомъ объ отдачѣ въ долгосрочную аренду южной части сибирскихъ тундръ для эксплуатаціи ихъ природныхъ богатствъ.

Лѣсное дѣло.

Въ виду выраженаго Государственнымъ Совѣтомъ, при разсмотрѣніи смѣты лѣснаго департамента на 1910 годъ, пожеланія объ улучшеніи, въ цѣляхъ развитія лѣсной торговли и лѣсообрабатывающей промышленности, путей для вывоза лѣса, — главнымъ управленіемъ землеустройства и земледѣлія сдѣлано распоряженіе, чтобы управленіями земледѣлія и государственныхъ имуществъ были подробно разработаны, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, проекты устройства сѣти новыхъ и исправленія уже существующихъ путей для транспортированія лѣса, съ распредѣленіемъ исполненія проектируемыхъ работъ, въ порядкѣ ихъ важности, на ближайшія пять лѣтъ.

Въ Государственную Думу поступила смѣта лѣсного департамента. Доходъ исчисленъ въ 75379 тыс. руб., больше прошлагодняго на 4841 тыс. руб. Расходъ исчисленъ въ 26924 тыс. руб., больше прошлагодняго на 2575 тыс. руб.

Относительно пожеланія Государственной Думы о распространеніи лѣсоохранительныхъ законовъ на пермскіе лѣса, въ объяснительной запискѣ при смѣтѣ сообщается, что этотъ вопросъ переданъ на обсужденіе пермскаго губернскаго собранія.

Лѣснымъ обществомъ созывается въ С.-Петербургѣ съ 23 по 27 января 1911 года всероссійскій сѣздъ лѣсовладѣльцевъ и лѣсохозяевъ.

На обсужденіе сѣзда будутъ предложены, между прочимъ, слѣдующіе вопросы: 1) государственное значеніе лѣса: вліяніе лѣса на почву и режимъ воды; 2) лѣса защитные и водоохранные; 3) общій лѣсоохранительный законъ съ однообразными требованіями для всѣхъ районовъ, или же подраздѣленіе закона на группы, въ зависимости отъ разнообразія экономическихъ и климатическихъ особенностей того или иного района; 4) обязательное облѣсеніе послѣ самовольныхъ расчистокъ или опустошительныхъ рубокъ; 5) обязательное облѣсеніе землевладѣльцами принадлежащихъ имъ неудобныхъ земель—летучихъ песковъ, овраговъ и пр. Содѣйствіе правительства при такихъ работахъ—командировка лѣсныхъ техниковъ, отпускъ посадочнаго матеріала, выдача меліорационныхъ ссудъ, наградъ и т. п.; 6) покунка государствомъ неудобныхъ земель—пустырей, сыпучихъ песковъ, овраговъ и т. п., съ цѣлью обращенія ихъ подъ лѣсъ, и созданіе лѣса на почвахъ абсолютно лѣсныхъ; 7) участіе земства въ дѣлѣ лѣсоохраненія и созданія лѣса на почвахъ абсолютно лѣсныхъ; изданіе земствами обязательныхъ постановленій по сохраненію и по созданію лѣсовъ на почвахъ абсолютно лѣсныхъ.

По вопросамъ, вошедшимъ въ программу сѣзда, доклады должны быть доставлены совѣту лѣснаго общества не позже 1 декабря 1910 года.

Недавно вышелъ изъ печати отчетъ „союза архангельскихъ лѣсопромышленниковъ“, въ составъ котораго входила въ прошломъ году 21 лѣсопромышленная фирма.

Союзомъ былъ оборудованъ собственный баракъ для борьбы съ холерной эпидеміей, обошедшейся союзу въ 5470 руб. 66 коп. При союзѣ имѣется акушерскій пріемный покой, куда за помощью обращалось 105 женщинъ (преимущественно работницъ). Для болѣе продуктивнаго сплава по рѣкамъ лѣса союзомъ предприняты въ прошломъ году работы по очисткѣ нѣкоторыхъ рѣкъ отъ камней, мѣшающихъ сплаву. Нужно еще отмѣтить организацію союзомъ взаимнаго отъ огня страхованія лѣсопромышленныхъ предпріятій Сѣвера.

Приводимъ еще одно особое мнѣніе, поданное акціонернымъ обществомъ „Нордъ“ г. директору лѣснаго департамента, по поводу журнала совѣщанія, бывшаго въ Архангельскѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ с. г.

„Къ предъявленному намъ 23-го сего іюля журналу совѣщаній между гг. представителями лѣсной администраціи и представителями отъ лѣсопромышленныхъ фирмъ нашего Сѣвера, состоявшихся 12 и 13 сего іюля, настоящимъ позволяемъ себѣ замѣтить, что въ этомъ журналѣ не достаетъ нѣкоторыхъ, по нашему, весьма существенныхъ фактовъ, выраженныхъ со стороны лѣсопромышленниковъ, которые позволяемъ себѣ ниже отмѣтить.

По вопросу относительно вывоза нѣкоторыми лѣсопромышленными фирмами бревенъ въ кругломъ, не распиленномъ видѣ, не упомянуто самое важное, по нашему, мотивированіе этого вывоза, именно то обстоятельство, что часто заграничные покупатели имѣютъ спросъ на особые сортаменты, въ особенности неопиленные доски, выработка каковыхъ на здѣшнихъ заводахъ невозможна ввиду значительно высшихъ ставокъ фрахтовъ на такіе матеріалы въ сравненіи съ фрахтами на опиленные доски. Упомянутая разница въ фрахтѣ, конечно, вызывается тѣмъ, что опиленный матеріалъ грузится гораздо экономнѣе неопиленного.

Что касается просьбы лѣсопромышленниковъ о возможно раннемъ назначеніи торговъ, считаемъ необходимымъ отмѣтить, чтобы эта просьба была тѣсно связана съ другой, именно, чтобы лѣсная администрація за годъ до производства торговъ опубликовала-бы вѣдомость предлагаемыхъ къ продажѣ участковъ, въ противномъ случаѣ очень раннее назначеніе торговъ лишить лѣсопромышленниковъ возможности осмотра продаваемыхъ лѣсныхъ участковъ.

Что касается наконецъ нововведенія обязательной вырубki совмѣстно съ здоровымъ и всего фаутнаго лѣса, то позволяемъ себѣ подчеркнуть, что этотъ вопросъ, кромѣ выраженной нѣкоторыми лѣсопромышленниками просьбы о введеніи этого обязательства пока не во всѣхъ, но лишь въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ участкахъ въ видѣ опыта, въ то-же время встрѣтилъ со стороны другихъ самый рѣшительный отпоръ и мы съ своей стороны, вполне признавая цѣлесообразность и желательность для очистки казенныхъ лѣсовъ отъ заваловъ фаутнымъ лѣсомъ, использовать таковой для выработки кромѣ бревенъ и отрубковъ, слиперсовъ—шпаль и переводныхъ брусевъ, энергичнѣйшимъ образомъ поддерживаемъ доводы, приведенные нами въ нашемъ заявленіи отъ 20 іюля прошлаго года въ мотивированіе невозможности утилизировать весь фаутный лѣсъ пиловочными бревнами, и еще разъ позволяемъ себѣ высказать, что фаутный лѣсъ при разработкѣ его въ пиловочныя бревна почти всегда является убыточнымъ для лѣсопромышленника. Ввиду этого обязательная заготовка его при такихъ условіяхъ, которыя намъ предлагаются лѣсною администраціею, во многихъ случаяхъ будетъ имѣть послѣдствіемъ, что покупатель, который на извѣстный участокъ могъ бы дать наддачу примѣрно въ 25⁰/₀, соображаясь съ тѣмъ, что въ участкѣ имѣется много фаутнаго лѣса, убытокъ отъ котораго долженъ быть оправданъ здоровыми бревнами, на этотъ участокъ будетъ въ состояніи дать лишь маленькую наддачу въ нѣсколько процентовъ, или даже вовсе будетъ лишень возможности его купить.

Признавая необходимость всетаки очистить лѣса отъ фаутныхъ деревьевъ, и извлечь изъ нихъ наибольшую выгоду для казны, и принимая во вниманіе, что наше заявленіе отъ 20 іюля 1909 г. со стороны лѣсной администраціи не встрѣтило симпатіи отъ того, что мы въ немъ высказались за трехкратную продажу предполагаемыхъ къ отпуску лѣсныхъ участковъ, каковая по возраженію г вице-инспектора корпуса лѣсныхъ Д. Д. Назарова не дастъ казнѣ необходимой гарантіи въ томъ, что при третей продажѣ на фаутный лѣсъ, который останется въ участкѣ послѣ вторичной порубки,—найдутся желающіе купить таковой, мы настоящимъ позволяемъ себѣ, въ добавленіе къ нашему заявленію отъ 20 іюля 1909 года, предложить вашему превосходительству слѣдующій, нѣсколько измѣненный способъ осуществленія продажи со стороны казны фаутнаго лѣса совмѣстно съ здоровымъ.—Именно:

Къ торгамъ предъявляется весь лѣсъ, здоровый и фаутный, имѣющійся въ продаваемомъ участкѣ, но заготовка его подраздѣляется на два періода:

Въ первый періодъ покупатель обязанъ вырубить весь имѣющійся въ участкѣ здоровый лѣсъ (не фаутный), съ оплатой такового по таксѣ на пиловочный лѣсъ съ прибавленіемъ предложенной на торгахъ торговой наддачи.

Во второй періодъ заготовки покупателю вмѣняется въ обязанность вырубать весь оставшійся отъ первой порубки лѣсъ контрактныхъ размѣровъ, причемъ однако покупателю предоставляется вырубать изъ этого лѣса, кромѣ укороченныхъ бревенъ и отрубковъ,—какіе ему покажутся наивыгоднѣйшими матеріалами, какъ слисерсы—шпалы и переводные брусья, съ оцѣнкой заготовленныхъ матеріаловъ уже не по таксѣ на пиловочный лѣсъ, но по кубическому содержанію древесной массы таковыхъ, безъ торговой наддачи, т. е.: бревенъ и отрубковъ по $\frac{1}{2}$ таксы лит. В. 1. д., а шпаль по таксѣ лит. В. 8. в.

При этомъ покупатель обязанъ разработать и вывезти на катище всѣ тѣ здоровыя части фаутнаго дерева, которыя будутъ не короче 4 арш. и не тоньше 6 вершк.

Каждый періодъ заготовки продолжается двѣ зимы, и послѣ каждаго періода лѣсной администраціей производится освидѣтельствованіе мѣстъ рубокъ, въ предупрежденіе оставленія здоровыхъ деревьевъ ко второму періоду заготовки.

При такомъ способѣ продажи, казна будетъ вполне обезпечена, что купленные у ней участки дѣйствительно будутъ очищены покупателями не только отъ здороваго, но и отъ всего фаутнаго лѣса, причемъ фаутный лѣсъ будетъ гораздо полнѣе использованъ, чѣмъ при способѣ выработки изъ него однихъ укороченныхъ бревенъ, какъ это проектируется лѣснымъ вѣдомствомъ, такъ какъ при такой продажѣ изъ одного фаутнаго дерева,— вмѣсто одного отруба можетъ получиться таковыхъ два, три и болѣе, и вслѣдствіе этого и доходность казны отъ введенія предложеннаго способа не понизится, а скорѣе повысится (къ сему приводимъ ниже нѣсколько примѣровъ *). Съ другой стороны и на покупателяхъ не отзовется такъ убыточно вырубка и разработка фаутнаго лѣса, какъ при условіи разработки его исключительно въ пиловочныя бревна, такъ какъ имъ будетъ дана возможность извлечь изъ фаутнаго дерева наивысшую пользу, разрабатывая не только одинъ комелекъ, но всѣ тѣ части фаутнаго дерева, которыя дадутъ извѣстный здоровый матеріалъ.

Пайщики шведскаго акціонернаго общества „Кола“ возбуждаютъ вопросъ о ликвидаціи дѣятельности въ Россіи. Общество имѣетъ свое правленіе въ Умео и лѣсопромышленный заводъ въ Колѣ, Архангельской губерніи. Лѣсопромышленную дѣятельность предполагается прекратить и перейти къ вывозу русскаго лѣса въ бревнахъ.

Въ сентябрѣ начнетъ дѣйствовать устроенный пермскимъ губернскимъ земствомъ небольшой заводъ для сухой перегонки дерева по повому способу г. Любарскаго.

До сихъ поръ выработка въ Россіи смолы, скипидара, древесн. спирта, эфирнаго масла и проч. застыла въ одномъ положеніи: качество не

*) Примѣры нами опущены.

улучшалось, количество не возрастало. Старанія заводчиковъ направлены лишь на внѣшнюю сторону продуктовъ, вслѣдствіе чего главная и наиболѣе цѣнная составная часть заграничныхъ скипидаровъ—„пенинъ“ почти отсутствуетъ въ русскихъ скипидарахъ. Иначе говоря, русскіе заводчики по перегонкѣ дерева совершенно не считались съ химическими основами производства.

Не мудрено, что французскій скипидаръ, несмотря на значительно болѣе высокую цѣну на русскихъ-же рынкахъ, бьетъ русскій скипидаръ. Другіе-же, родственные скипидару продукты, напр., древесный спиртъ, эфирное масло, смола и проч. вытѣсняются съ рынка болѣе дешевыми продуктами, вслѣдствіе чего многіе заводы по сухой перегонкѣ дерева уже закрылись.

Новый способъ переработки осмола выщелачиваніемъ даетъ скипидаръ 1-го сорта съ содержаніемъ „пенина“ въ 100 проц., 2-й сортъ скипидара, скипидарное масло и канифольныя масла (углеводороды): бензинъ, пинолинъ, свѣтлое, синее и зеленое масла.

Насколько выгоденъ способъ Любарскаго, видно изъ слѣдующаго расчета.

Нынѣшній благоустроенный скипидарный заводъ, работающій сухой перегонкой, съ очистнымъ отдѣленіемъ для скипидара, получаетъ:

Скипидара очищеннаго, бѣлаго до 6 пуд. по 2 руб.

50 коп. на сумму	16 р. 50 к.
Черной смолы 24 пуда по цѣнѣ 40 коп.	9 р. 60 к.
Угля 50 пуд. по 15 коп.	7 р. 50 к.

Всего на . . 33 р. 35 к.

Заводъ-же съ новой химической обработкой продуктовъ получить изъ 1 куб. сажени осмола:

Скипидара (французскаго) по 8 руб. 50 коп.	51 р. — к.
Скипидара 2 сорта 1,2 пуд. по 2 руб.	2 р. 40 к.
Скипидар. масла 1½ п. по 3 руб.	3 р. 60 к.
Смолян. эфира, пинолина, свѣтлаго и тяжелаго масла, искусственной ворвани 14 п. по 2 р. 50 к.	35 р. — к.
1 куб. саж. дровъ по обработкѣ осмола	8 р. — к.

Всего . . 100 р. — к.

Какъ видимъ, разница огромная!

Очевидно, что только при этомъ способѣ производства возможна конкуренція съ иностранными продуктами сухой перегонки.

Судоходство и водные пути.

На всемъ Уралѣ и въ Зап. Сибири злобою дня въ данный моментъ служитъ предполагаемое правительствомъ соединеніе бассейновъ Волги и Оби.

Первые шаги, сдѣланные комиссіей къ осуществленію этого грандіознаго проекта, крайне встревожили тюменскіе торгово-промышленные круги, такъ какъ проектируемый водный путь въ значительной степени умалитъ торгово-промышленное значеніе Тюмени въ области ея транзитныхъ функций воднымъ путемъ въ глубь Сибири.

Съ осуществленіемъ предполагаемаго соединенія Волги съ Обью, эта роль, внѣ всякаго сомнѣнія, перейдетъ къ другому пункту.

Особенно, если вѣрить народной молвѣ, эта вѣсть опечалила пароходовладѣльцевъ, которые имѣютъ здѣсь благоустроенныя пристани, судостроительныя верфи, дома и проч., на что въ общей сложности затрачены огромные капиталы; съ переходомъ же пристаней, въ случаѣ, конечно, осуществленія проекта, въ другое мѣсто, стоимость этихъ имуществъ будетъ обезцѣнена до крайнихъ предѣловъ, вслѣдствіе чего, по одной изъ версій, пароходовладѣльцамъ предстоитъ понести огромные убытки, могущіе самымъ губительнымъ образомъ отозваться на дѣлѣ сибирской флотилии.

По другой же версії, — передаваемой „Омск. Тел.“ — пароходовладѣльцы никакихъ убытковъ не понесутъ, такъ какъ всѣ расходы по сооруженіямъ давнымъ давно, благодаря высокимъ ставкамъ фрахта какъ по перевозкѣ товаровъ, такъ равно и пассажировъ, оправданы, и стоимость сооруженийъ по инвентарю, взятому въ отдѣльности каждаго пароходнаго дѣла, показывается не болѣе, какъ въ 1 рубль.

Злые языки говорятъ, что, если пароходовладѣльцами и распространяются слухи о предстоящихъ, будто бы, громадныхъ убыткахъ и если ими и проливаются крокодиловы слезы, то это дѣлается съ цѣлью подготовить почву для полученія изъ государственнаго казначейства субсидіи, или, въ крайнемъ случаѣ, долгосрочной безпроцентной ссуды.

Это, въ своемъ родѣ, тонкая авантюра, благодаря которой, еще сравнительно не такъ давно, одна почтенная пароходная фирма, подъ флагомъ развитія народнаго богатства въ предѣлахъ верховья Иртыша, получила долгосрочную ссуду въ 180,000 и на эти деньги построила два американскаго типа парохода.

По мнѣнію же лицъ, хорошо освѣдомленныхъ объ экономическомъ развитіи Сибири и о состояніи рынковъ по отпуску послѣдней товаровъ на внутренніе европейскіе рынки и за границу, осуществленіе проекта воднаго пути находится въ отдаленномъ будущемъ и вотъ по какимъ соображеніямъ:

Для того, чтобы проектъ соединенія Волги и Оби осуществился, необходимо грузооборотъ въ 340 милліоновъ пудовъ, такъ какъ Сибирь, при условіи перехода на водный путь всѣхъ грузовъ (чего въ дѣйствительности никогда не можетъ быть, такъ какъ большинство грузовъ будутъ отправляться по Сибирской и Сѣверной желѣзнымъ дорогамъ, въ силу уже того, что водный путь въ продолженіе 7-ми зимнихъ мѣсяцевъ будетъ скованъ льдами), можетъ дать грузооборотъ въ 200 милліоновъ пудовъ, что не только не окупитъ новаго пути, но будетъ давать убытокъ, на что едва-ли рѣшится наше правительство и наши законодательныя учрежденія.

Но если приходится тревожиться Тюмени, то Екатеринбургъ будущее соединеніе бассейновъ Волги и Оби сулитъ богатый и великій милости.

Екатеринбургу не повезло въ дѣлѣ осуществленія Екатеринбургъ-курганской дороги, на которую такъ много разсчитывали исетскіе мукомолы, вынужденные даже совѣмъ остановить дѣйствіе своихъ мельницъ вслѣдствіе невозможности конкурировать съ фабриками, расположенными на линіи желѣзныхъ дорогъ; пробѣлъ этотъ будетъ зато съ избыткомъ компенсированъ сооруженіемъ трансъ-уральскаго воднаго пути, имѣющаго нынѣ, по мнѣнію „П. В.“, весьма и весьма много шансовъ на осуществленіе. Здѣсь, какъ извѣстно, работаетъ въ настоящее время командированная министерствомъ путей сообщенія партія инженеровъ подъ руководствомъ г. Фидмана, имѣющая заданіемъ техническое обследованіе всѣхъ ранѣе намѣченныхъ вариантовъ воднаго пути для соединенія Камы и Чусовой съ уральскими притоками рѣкъ западно-сибирскаго бассейна. Одновременно съ инженеромъ Фид-

маномъ работаетъ также изыскательская партія подъ руководствомъ преподавателя экономическаго отдѣленія столичнаго политехническаго института, г. Никольскаго, прибывшаго сюда съ цѣлью экономическаго обслѣдованія районовъ, прилегающихъ къ будущему трансъ-уральскому водному пути, изъ Россіи въ Сибирь.

И хотя оба эти обслѣдованія носятъ лишь рекогносцировочный характеръ, тѣмъ не менѣе уже въ настоящее время изыскатели все болѣе и болѣе убѣждаются въ томъ, что проектъ соединенія Чусовой съ Исетью вполне осуществимъ и притомъ безъ особыхъ даже техническихъ затрудненій, и съ этой цѣлью легко можетъ быть даже использованъ семиверстный каналъ, который былъ прорытъ уже на разстояніи полутора верстъ извѣстнымъ Зотовымъ сто лѣтъ тому назадъ. Изысканіями въ этомъ направленіи установлено, напр., что плоскогоріе, гдѣ находится этотъ каналъ, всего лишь на 4 сажени выше уровня верхняго плеса рѣки Чусовой и такимъ образомъ здѣсь понадобится всего лишь одинъ незначительный шлюзъ.

Инженеръ Фидманъ, производившій въ послѣдніе дни изысканія около самаго Екатеринбурга, уже нѣсколько разъ входилъ въ сношенія съ городскимъ управленіемъ по вопросу, гдѣ было бы наиболѣе желательнo для города непосредственное примыканіе канала къ городской территоріи. Это вѣроятно, конечно, огромнаго значенія для Екатеринбурга, который изъ города вполне „сухопутнаго“, если можно такъ выразиться, станеть, какъ-бы по мановенію волшебства, городомъ прирѣчнымъ. Проектъ сулитъ поставить городъ не только на судоходную рѣку, но на гигантскій магистральнаго и транзитнаго значенія водный путь, имѣющій соединить Уралъ не только съ Камой и Волгой съ одной стороны, но и съ рѣками западносибирскаго воднаго бассейна, съ другой; къ каковымъ воднымъ артеріямъ Уралъ и Екатеринбургъ имѣли огромное тяготѣніе и находились въ постоянномъ общеніи. При этомъ Екатеринбургу суждено стать какъ разъ на серединѣ этой новой водной магистрали, какъ сталъ онъ уже на узлѣ мѣстныхъ и транзитныхъ желѣзнодорожныхъ сообщеній. Однимъ изъ главнѣйшихъ нынѣшнихъ преимуществъ губернской Перми является то, что она находится одновременно на узлѣ какъ водныхъ, такъ и желѣзнодорожныхъ сообщеній; съ сооруженіемъ же трансъ-уральской водной магистрали это преимущество будетъ равнозначущимъ какъ для Перми, такъ и для Екатеринбурга, Огромная масса товаровъ и всякихъ грузовъ и въ настоящее время движется изъ Европейской Россіи въ Сибирь и въ обратномъ направленіи, а также съ Урала и на Уралъ, водными путями: съ Волги и Камы и съ Иртыша, Тобола и Туры, причемъ связующимъ звеномъ является сухопутная пермская желѣзная дорога—на протяженіи отъ Перми и Солеварни до Тюмени на Турѣ. Эта необходимость пользованія сухопутьемъ для рѣчныхъ грузовъ вызываетъ, во-первыхъ, перевалку ихъ съ судовъ и пароходовъ въ вагоны и значительное вздорожаніе фрахта, что, несомнѣнно, значительно вліяетъ на экономическое положеніе края. При валичій перевальнаго транзитнаго и мѣстнаго воднаго пути, по которому могутъ идти сюда грузы съ Волги и Камы, съ одной стороны, и съ Туры, Иртыша и Тобола, съ другой, и въ обратномъ направленіи, весьма удешевится и упростится товарообмѣнъ, особенно для громоздкихъ менѣе срочныхъ грузовъ и товаровъ, коихъ, въ общей сложности, въ теченіе навигаціоннаго періода, въ 6 мѣсяцевъ, можетъ быть перевезено до 350 милліоновъ пудовъ.

Вообще новый транзитный водный путь черезъ Уралъ, находящій нынѣ все большее и большее число сторонниковъ, въ прямую противоположность водному пути по сѣверному варианту, проектируемому бывшимъ вологод-

скимъ губернаторомъ г. Хвостовымъ, о солидныхъ недостаткахъ котораго немало говорили, долженъ создать не только дешевѣйшій транзитный путь для вывоза и ввоза сибирскихъ и европейскихъ товаровъ, но въ значительной степени способствовать оживленію всего уральскаго края въ особенности въ ближайшихъ районахъ его прохожденія. Мы не будемъ здѣсь касаться другого преимущества проведенія водной магистрали черезъ Уралъ—обрѣтаемой силы паденія воды отъ плузованія рѣки Чусовой, которая, по приблизительнымъ вычисленіямъ инженера Карницкаго, въ состояніи двигать всѣ механизмы уральской промышленности.

При бѣдности путями сообщеній на Уралѣ, при полномъ отсутствіи здѣсь подъѣздныхъ, шоссейныхъ и рѣчныхъ путей, новая водная магистраль въ значительной степени восполнить этотъ пробѣлъ и дать одновременно заработокъ массѣ прибрежнаго населенія.

Въ настоящее время даже трудно предвидѣть все то будущее значеніе, которое можетъ имѣть для торговли и промышленности будущая водная магистраль, тѣмъ болѣе, что, согласно проекта инженера Н. В. Попова, она очень легко можетъ быть продолжена на сѣверо-западъ на соединеніе съ Сѣверной Двиной, Печорой и Обью на сѣверо-востокъ, а въ центральныхъ частяхъ Сибири, при посредствѣ мѣстныхъ могучихъ водныхъ артерій, съ самыми восточными окраинами Имперіи, вплоть до Владивостока. Когда проектировался и сооружался сибирскій великій желѣзнодорожный путь, никто даже приблизительно не предвидѣлъ того колоссальнаго движенія, которое нынѣ создано тамъ и уже нынѣ вызвало необходимость устройства новыхъ вспомогательныхъ линій и укладки вторыхъ путей. Эта магистраль, какъ извѣстно, произвела форменную ломку всего экономическаго строя сибирской торговли и промышленности и открыла новые огромные для нихъ горизонты, давъ въ то же время возможность приступить къ широкой и правильной колонизаціи огромныхъ сибирскихъ пространствъ. То же самое должно случиться и съ великой трансъ-уральской водной магистралю, которая можетъ протянуться культурной лентой отъ самой Москвы черезъ Уральскія горы въ далекую глубь восточной Сибири.

Нашъ корреспондентъ пишетъ съ Камы: Широкая, многоводная красавица Кама нынѣ представляетъ печальное зрѣлище. Обмелѣніе небывалое, несмотря на то, что первая половина лѣта стояла, почти по всему приуралю, дождливая. По Камѣ образовались многочисленные перекаты, сильно тормозящіе движеніе париходовъ. Фарватеръ неожиданно мѣняетъ свое направленіе. Въ верховьяхъ Камы и того хуже: дошло до того, что париходы Ржевина. рейсирующіе въ г. Чердынѣ, въ среднихъ числахъ іюля, уже не могли прорваться до Чердыни и совершали рейсы только до Усоляя. На Чусовой и Сылвѣ также париходы почти прекратили движеніе. Прогрессивное обмелѣніе изъ года въ годъ уральскихъ водныхъ бассейновъ, грозитъ большими бѣдствіями не однимъ только судовладѣльцамъ. Обмелѣніе рѣкъ объясняется здѣсь безошадной рубкой лѣсовъ по всему Уралу. Нѣкогда дѣятельные, непроходимые лѣса посессионныхъ владѣній вырубались сотнями десятинъ. Повсемѣстное оголѣніе лѣсныхъ пространствъ приняло видъ какой-то безумной вакханаліи и наряду съ этимъ хищеніе лѣса приняло также громадныя размѣры. Въ рѣдѣющихъ лѣсахъ ужъ не лежитъ снѣгъ до іюля мѣсяца, питавшій въ продолженіи всего лѣта Камскій бассейнъ. Болотистыя и влажныя площади постепенно высыхаютъ, все идетъ къ тому, что въ недалекомъ будущемъ судоходная рѣка Кама не будетъ носить на своей груди громадныхъ красавцевъ-париходовъ американскаго типа. Уничтоженіе

лѣсовъ имѣеть свою печальную исторію, начало ея совпадаетъ съ наступленіемъ горно-промышленнаго кризиса на Уралѣ, когда закрывшіеся заводы выкинули на произволъ десятки тысячъ рабочихъ. Тогда правительство издало циркулярное распоряженіе заводовладѣльцамъ надѣлать безработныхъ землю изъ позessionныхъ владѣній. Съ того времени и началась лѣсная вакханалія; лѣса вырубались безъ всякой системы, обогащая опять же владѣльцевъ, которые лихорадочно запродають лѣсъ, даже на корню и плавяť лѣсъ въ низовья Волги. Пройдутъ еще не многіе годы, исчезнутъ непроходимые лѣса Урала и горько восплачутъ судовладѣльцы и много, много прибавится еще безработнаго люда.

Желѣзно-дорожные пути.

Интересную статью даютъ „Пермскія Вѣдомости“ по вопросу о камско-печорскомъ желѣзнодорожномъ пути.

„Нѣсколько дней тому назадъ нами сообщалось о представленіи г. начальникомъ губерніи высшему правительству ходатайства чердынскихъ земства и городского общества и соликамской городской думы о проведеніи желѣзнодорожнаго пути отъ ст. „Усолъе“ пермской ж. д. черезъ г. Чердынь на село Троицкое, на рѣкѣ Печорѣ, и далѣе на р. Ухту. Къ этому ходатайству г. начальникъ губерніи отнесся весьма сочувственно и далъ свое заключеніе, въ коемъ высказался, что осуществленіе предложеннаго пути въ высшей степени необходимо не только въ интересахъ мѣстныхъ польвъ и нуждъ, но и въ интересахъ государства.

Съ самаго введенія земскихъ учреждений въ Пермской губерніи, среди чердынскаго земства возникъ вопросъ о соединеніи культурными путями бассейновъ рѣкъ Камы и Печоры, въ результатъ чего и былъ устроенъ трактъ для соединенія г. Чердыни съ пристанью „Якша“ на р. Печорѣ. Но сооруженіе земскаго тракта далеко не исчерпывало все назрѣвающей потребности для края въ проведеніи рельсоваго пути, каковой вопросъ въ послѣднее время, по соображеніямъ экономическимъ, сталъ вопросомъ первостепенной важности для обширнаго чердынскаго края, географическая и коммерческая связь котораго съ печорскимъ краемъ теряетъ свое начало въ глубинѣ вѣковъ. Печорскій край является ближайшимъ сосѣдомъ камскаго района и имѣеть съ нимъ историческую связь и крѣпкія торговыя узы. Для оцѣнки этой связи надо знать, что область водораздѣла камскаго и печорскаго бассейновъ какъ разъ занимаетъ сѣверную часть Чердынскаго уѣзда, а восточная его граница находится въ той точкѣ сѣвернаго Урала, гдѣ на другомъ, восточномъ его склонѣ берутъ начало рѣки обскаго бассейна (рѣки Оби). Западная же часть камско-печорскаго водораздѣла даетъ начало одной изъ рѣкъ системы Сѣверной Двины. Здѣсь одинъ изъ притоковъ камскаго бассейна—рѣка Березовка—подходитъ къ притоку Вычегды—р. Молоху—на разстояніи всего 8 верствъ. Такимъ образомъ, ограничиваемая область является водораздѣльною, съ одной стороны, между Камой и Печорой, съ другой—между Камой, Печорой и системой рѣки Оби и, наконецъ, системы рѣкъ Камы и Сѣверной Двины. Эта область занимаетъ пространство приблизительно въ 3 тыс. кв. верствъ и большею своею частью входитъ въ Тулпанскую волость Чердынскаго уѣзда. Такая естественная географическая связь четырехъ водныхъ бассейновъ—

камскаго, печорскаго, обскаго и двинскаго — и послужила самой ближайшей причиной всѣхъ торговыхъ отношеній между названными районами, которыя развились исторически и, существуя и теперь, обѣщаютъ въ будущемъ вылиться въ грандіозный торгово-промышленный фактъ. Городъ Чердынь, какъ ближайшій камскій рынокъ, выступилъ здѣсь посредникомъ торговаго мѣловыхъ отношеній.

Два царства природы изстари обнаружили въ себѣ рядъ самыхъ разнообразныхъ естественныхъ богатствъ. Многочисленныя рѣки и рѣченки давали въ изобиліи рыбу, обширныя лѣса, покрывавшіе десятки милліоновъ десятинъ печорскаго и вологодскаго края, давали и даютъ массу дачи и звѣря, вызвавшихъ къ жизни спеціальную охотничью промыселъ: печорская рыба и дичь идетъ въ Москву, Петербургъ и за границу, а печорскіе мѣха служатъ предметомъ спеціальнаго пушнаго торга. Самый лѣсъ точно также служилъ и служитъ богатѣйшимъ предметомъ промысла; въ самое же послѣднее время выяснилось и богатство третьяго царства природы печорскаго края — его нѣдра.

Но одаренное этими природными богатствами малочисленное население Печорскаго края не имѣло и не имѣетъ своего хлѣба, отчасти потому, что суровость климата и непригодность почвы не позволяли заниматься земледѣліемъ, отчасти же вслѣдствіе историческихъ судьбъ населенія и по многимъ другимъ причинамъ. Исходя именно изъ того факта, что даже для малочисленнаго по составу населенія, раскиданнаго по берегамъ рѣкъ, не хватало и не хватаетъ хлѣба, легко объяснить себѣ исторію развитія торговли между камскимъ, печорскимъ и двинскими районами. Чердынскіе купцы — древніе „печорскіе хожальцы“ — изстари повезли на Печору именно хлѣбъ, а вмѣстѣ съ нимъ и ту немудрую мануфактуру, что требовалась для мѣстнаго охотничьяго и рыбного промысла населенія. Свои примитивныя весельныя суда, такъ наз., „городецкія лодки“, они направляли по рѣкамъ Колвѣ, Вишеркѣ, Чусовскому озеру, рѣчкѣ Березовкѣ, Вогулкѣ и достигали того пункта восточной области камско-печорскаго водораздѣла, гдѣ полоса земли, отдѣлявшая бассейнъ Камы отъ Печоры, являлась перешейкомъ въ 4 версты, черезъ который купцы тащили свои лодки волокомъ, на особенныхъ огромныхъ телѣгахъ — „медвѣдкахъ“, сохранившихся и до настоящаго времени на якинскомъ волокѣ. Отсюда купцы достигали верховьевъ рѣки Волосницы, притока р. Печоры, откуда шли уже на сѣверъ, по Печорѣ и на западъ въ зырянскій край, хотя до послѣдняго существовалъ и существуетъ путь черезъ Екатерининскій каналъ, которымъ камскій бассейнъ связывается съ двинскимъ черезъ сѣверную и южную Кельтмы. Камско-печорскія торговныя сношенія начались именно на почвѣ товарообмѣна хлѣба и предметовъ первой необходимости на мѣхъ, дичь и рыбу, которые тѣмъ же путемъ, въ обратномъ направленіи, перевозились въ Чердынь, а отсюда уже расходились по всей Россіи и за-границу. Торговля развивалась и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько улучшались и пути сообщеній, которые, впрочемъ, и до настоящаго времени носятъ слишкомъ примитивный характеръ. Главныя грузы: хлѣбъ, соль для соленія рыбы, мануфактура, желѣзныя издѣлія, обувь, пенька, разные припасы и другіе товары доходятъ теперь уже пароходами изъ Чердыни по совершенно неурегулированному водному пути по Колвѣ, Вишеркѣ и т. д. до пристани Усть-Еловки, откуда перевозятся на Якинскую пристань на р. Печорѣ. Обратная рыба и другіе менѣе цѣнные печорскіе товары — оленья шерсть, точильный камень, ворвань (толеній

жирь) и проч.—везутся водно-гужевымъ путемъ, пролежавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Якшѣ, при чемъ только часть болѣе цѣннаго груза—семга везлась въ Чердынь осенью по вьювъ устроенной земствомъ грунтовой дорогѣ съ пристани Якша. Въ послѣдніе, впрочемъ, годы этотъ товаръ везется преимущественно морскимъ путемъ, на Архангельскъ, а оттуда на Котласъ и далѣе. Остальные же грузы не имѣютъ непрерывнаго движенія и при перегрузкѣ съ Камы на Печору лежать въ пристанскихъ амбарахъ въ Якшѣ и Усть Еловой по нѣсколько мѣсяцевъ, въ виду чего капиталы чердынскихъ купцовъ обращаются въ печорской торговлѣ не менѣе 22 мѣсяцевъ. Изъ этого слѣдуетъ, что тѣ формы торговыхъ сношеній, которыя существуютъ до настоящаго времени между Камой и Печорой, не въ состоянціи были создать болѣе культурныхъ путей сообщеній и нуженъ былъ болѣе сильный къ тому факторъ, каковымъ и явилось новое горное богатство печорскаго края—ухтинская нефть.

Несмотря, однако, на все неустройство путей сообщеній, грузооборотъ между Камой и Печорой, по исчисленіямъ инженера Н. В. Попова, изслѣдовавшаго въ 1907 г., по порученію правительства, пути въ этомъ районѣ, достигаетъ 1.000.000, а по даннымъ чердынскаго земства свыше 1,500,000 пудовъ, въ числѣ коихъ однихъ только хлѣбныхъ грузовъ до 800,000 пудовъ, при чемъ это количество, конечно, служить показателемъ полной необходимости здѣсь улучшенія путей сообщеній, свидѣтельствуя, насколько прочно, несмотря на самыя неблагопріятныя условія, сложились здѣсь торговыя сношенія.

Трудность торговыхъ сношеній Камы съ Печорой по естественнымъ путямъ сообщеній неоднократно обращала на себя вниманіе государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, коими еще съ конца 18 столѣтія создавались различные проекты улучшенія этихъ путей. Такъ извѣстны проекты соединенія Камы съ Печорой каналомъ адмирала Рибаса въ 1789 году и генераль-майора Царенца въ 1886 г., проектъ грунтовыхъ дорогъ чердынскихъ купцовъ Алина, Мичурина и другихъ и, наконецъ, проектъ водно-железнодорожнаго пути кр. Суслова, инженера Великанова и начальника пермской судоходной дистанціи Главизнина. Суслову была даже Высочайше разрѣшена субсидія на расчистку водныхъ путей, но, къ сожалѣнію, изъ всѣхъ этихъ проектовъ ничего въ результатѣ не получилось и лишь за счетъ уѣзднаго земства была проведена, какъ упомянуто выше, грунтовая дорога на Якшу. Наибольшаго вниманія заслуживалъ проектъ инженера Великанова, по которому предполагалось соединить узкоколейною переносною желѣзною дорогою Сусловскую пристань на р. Березовкѣ съ Якшинской пристанью на р. Печорѣ и улучшить водный путь по рр. Печорѣ, Березовкѣ, Вишеркѣ и Колвѣ настолько, чтобы сдѣлать его вполне судоходнымъ въ теченіе трехъ навигаціонныхъ мѣсяцевъ, на каковыя работы требовалось всего 360 тыс. рублей.

Проектъ Великанова разрѣшалъ болѣе или менѣе правильно вопросъ объ улучшеніи существующихъ путей, но въ немъ былъ и существенный недостатокъ: онъ не имѣлъ въ виду торгово-промышленной связи камскихъ пристаней, кромѣ печорскаго края, еще и съ вологодскимъ и, слѣдовательно, не обрѣтала того центрального пункта, который связывалъ бы эти два района между собою и Камой. Пунктомъ этимъ является село Троицкое на р. Печорѣ, въ которомъ сосредоточена нынѣ печорская торговля и начиная отъ котораго по рѣкѣ возможно правильное безпрепятственное судоходство. Здѣсь Печора припи-

маеть названіе Большой Печоры. Чтобы имѣть понятіе о характерѣ этой рѣки и затрудненіяхъ судоплаванія по ней въ верховьяхъ, вплоть до села Троицкаго, достаточно обратиться къ описаніямъ, произведеннымъ инженеромъ Н. В. Поповымъ, спеціально занимавшимся изысканіемъ сѣверныхъ водныхъ путей по порученію высшаго начальства своего.

Изъ 1850 верстъ общей длины рѣки 400 вер. до устья р. Волосницы считаются вовсе не судоходными, до села же Троицкаго рѣка имѣеть массу крайне опасныхъ камней и пороговъ, что дѣлаеть по ней судоплаваніе крайне затруднительнымъ. Изъ 60-ти саженой въ ширину рѣки, у Волосницы, Печора у рѣки Цильмы имѣеть уже 5 верстъ ширины и таковую сохраняетъ до впаденія въ океанъ. Вскрываясь у Якшинской пристани около 25 апрѣля и около 5 мая у Цильмы, она бываетъ совершенно свободной отъ льда въ теченіе 125—130 дней. Пароходство здѣсь существуетъ съ 1881 года и производится главнымъ образомъ отъ Якшинской пристани, представляющей изъ себя около сотни амбаровъ для товаровъ и нѣсколько избъ для жилья. Отъ этой пристани до р. Илыча около 100 верстъ; рѣка обладаетъ огромной массой крайне опасныхъ пороговъ и камней; затѣмъ до села Троицкаго фарватеръ нѣсколько лучше и рѣка представляетъ для судоходства значительно меньшую опасность (сигнализациі и обстановки фарватера тамъ никакой не существуетъ). И лишь отъ села Троицкаго рѣка становится совершенно годною и безопасною для судоплаванія. До какой степени затруднительно судоходство въ порожистой части рѣки, достаточно будетъ сказать, что пароходъ съ пятью баржами шелъ 70 верстъ въ теченіе 30 сутокъ (до Якшинской пристани), при чемъ для его проводки и судовъ нанята была артель рабочихъ въ 80 человекъ: приходилось разбирать колеса, завозить косяки и буквально влочь пароходъ и суда по камнямъ, при помощи воротовъ и лебедокъ.

Такимъ образомъ, ясно, что Якшинская пристань если и существуетъ, то лишь потому, что отъ нея имѣются кое какіе водные пути на Каму, съ которыми не можетъ конкурировать гужевой путь отъ села Троицкаго прямо на Чердынъ. Но несомнѣнно, что въ виду описанныхъ неудобствъ для судоходства, которыя стануть еще болѣе затруднительными въ виду несомнѣннаго обмелѣнія Печоры, Якшинская пристань должна вскорѣ утратить всякое свое значеніе и центромъ товарообмѣна неизбежно сдѣлается с. Троицкое, какъ расположенное на началѣ вполнѣ судоходнаго участка огромной рѣки. Это обстоятельство и имѣлось въ виду при возбужденіи чердынскимъ земствомъ въ 1896 году ходатайста о проведеніи желѣзнодорожнаго пути для соединенія камскаго бассейна съ печорскимъ, созданіемъ желѣзной дороги отъ ст. „Березники“ пермской жел. дороги до села Троицкаго на р. Печорѣ, на каковое, впрочемъ, ходатайство никакого отвѣта получено не было. Вопросъ о необходимости культурнаго пути съ Камы на Печору въ указанномъ направленіи, для оживленія и развитія печорско-вычегодскаго края, въ свое время неоднократно возбуждаемый по инициативѣ какъ правительственныхъ, такъ и земскихъ и торгово-промышленныхъ учреждений, обсуждался также въ пермскомъ губернскомъ комитетѣ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности въ январѣ 1893 года, при чемъ была высказана полная необходимость устройства желѣзной дороги отъ ст. „Веретія“ пермской ж. д. на Печору къ с. Троицкому, какъ пути крайне важнаго для края. Естественная связь между печорскимъ и камскимъ районами является достаточнымъ уже аргументомъ за камско-пе-

чорскій путь, на которомъ исторически развилось торгово-промышленное тяготѣніе одного, безхлѣбнаго, района съ другимъ, хлѣбнымъ. Въ настоящее же время, когда природныя богатства печорскаго края перестали быть проблемой, когда въ районѣ Ухты открыта уже промышленная нефть, краю этому несомнѣнно суждено сыграть выдающуюся по своей экономической важности роль въ торгово-промышленной жизни нашего отечества и чердынскій край неминуемо долженъ будетъ служить связующимъ звеномъ ядра Россіи съ богатѣйшей его окраиной.

Переходя къ описанію полезныхъ ископаемыхъ печорско-вычегодскаго горнопромышленнаго района на основаніи данныхъ, изложенныхъ въ брошюрѣ инженера Бѣлобородова „Ухтинская нефть въ печорскомъ краѣ. С.-Петербургъ 1907 года“ видно, что тамъ имѣется въ зобилии мѣдь, разработка каковой начата еще при Іоаннѣ IV, сѣрный колчеданъ, каменный уголь, желѣзныя руды, золото, точильный камень, доманики, мергель, гипсъ, известь, фосфориты и нефть, извѣстная тамъ еще со временъ Петра Великаго и изслѣдованная цѣлымъ рядомъ правительственныхъ и частныхъ изыскателей, инженеровъ и ученыхъ, въ томъ числѣ извѣстной экспедиціей горнаго инженера графа Кейзерлинга, академика Чернышева, Шредера, инженеромъ Бѣлобородовымъ, Гансбергомъ и бывшимъ начальникомъ пермскаго отдѣла казанскаго округа путей сообщеній, инженеромъ Н. В. Поповымъ, каковыми всѣми экспедиціями, многочисленными поисками, буреніями и химическимъ анализомъ безусловно установлена, во-первыхъ, необычайная мощносць ухтинскихъ нефтяныхъ мѣсторожденій и, во вторыхъ, высшая степень доброкачественности продукта, чрезвычайно легко поддающагося переработкѣ въ керосинъ, при чемъ, какъ нынѣ положительно установлено, благодаря трудамъ и энергіи наиболѣе дѣятельнаго и солиднаго предпринимателя на Ухтѣ инженера Гансберга, тамъ съ марта текущаго года получена уже коммерческая нефть, т. е. въ такомъ количествѣ, которое не оставляетъ уже ни малѣшаго сомнѣнія въ мощности нефтеносныхъ залеганій, которыхъ можетъ хватить на сотни лѣтъ.

Инженеръ Н. В. Поповъ, изслѣдовавшій по порученію правительства въ 1907 году сѣверные пути сообщеній, проектируетъ для выхода ухтинской нефти нѣсколько путей и, между прочимъ 1) желѣзнодорожный, отъ Ухты до ст. „Солеварня“ пермской жел. дор., протяженіемъ приблизительно въ 480 верстъ, стоимостью въ 25 миллионъ рублей, 2) нефтепроводъ Ухта—Солеварня, стоимостью около 10 мил. руб., и 3) водный путь по р.р. Ухтѣ, Ижмѣ на р. Печору и вверхъ по ней до Якшинской пристани, по р. Волосницѣ (лѣвому притоку Печоры), каналомъ черезъ печорскій волокъ, по р.р. Вогулкѣ, Еловкѣ, Березовкѣ, Чусовскому озеру, Вишеркѣ, Колвѣ, Вишерѣ и на рѣку Каму.

Какое изъ направленій и какой изъ способовъ окажутся наиболѣе дешевымъ, скорымъ и удобнымъ—въ настоящее время съ точностью установить г. Поповъ не беретъ, за отсутствіемъ соответствующаго матеріала, но, во всякомъ случаѣ, онъ приходитъ къ тому неперемѣнному выводу, что изъ всѣхъ направленій для выхода ухтинской нефти должно быть отдано предпочтеніе восточному направленію, т. е. первой станціей для ухтинской нефти должна быть рѣка Кама, при чемъ все же г. Поповъ отдаетъ предпочтеніе водному пути, удешевляющему доставку нефти на Каму до 1—2 коп. пудъ. Но, изслѣдуя пути и проектируя только выходъ для нефти, г. Поповъ какъ бы игнорируетъ въ сво-

ихъ выводахъ одно весьма существенное обстоятельство, а именно, что съ развитіемъ нефтяного дѣла на Ухтѣ въ самомъ близкомъ будущемъ промышленная жизнь печорскаго края совершенно переродится. При обилии какъ ископаемаго, такъ и древеснаго горючаго, неминуемо должна возродиться горная промышленность и притомъ принять самое интенсивное настроеніе, какъ и вообще должна развиваться добывающая промышленность. Поэтому, говоря о необходимости улучшенія путей сообщеній, нужно считаться едва-ли не главнымъ образомъ съ развитіемъ торговли, а въ этомъ отношеніи водный путь удовлетворитъ потребность края далеко не вполнѣ. Ужъ если сейчасъ, при самыхъ примитивныхъ путяхъ сообщеній, количество грузовъ, идущихъ изъ Чердыни на Печору, учитывается полутора-милліонами пудовъ, то съ развитіемъ промышленности, конечно, количество это должно увеличиться въ нѣсколько разъ, а между тѣмъ водный путь—путь сравнительно длинный и несравненно менѣе удобный въ смыслѣ скораго товарообмѣна и возможный только въ теченіе лишь пяти мѣсяцевъ. Слѣдовательно, наиболѣе цѣлесообразнымъ въ данномъ случаѣ является устройство желѣзнодорожнаго пути и именно отъ станціи „Усольская“, или „Солеварня“, конечнаго пункта пермской ж. д., черезъ г. Соликамскъ, Чердынь, деревню Ксенофонову на село Троицкое на р. Печорѣ и затѣмъ на Ухту. Общее протяженіе этого пути составитъ:

Усолье (Веретіе)-Соликамскъ-Чердынь	122 в.
Чердынь-Ксенофоново	65 в.
Ксенофоново-Троицкое	140 в.
и Троицкое-Ухта	120 в.

Всего же до 450 в.

Мѣстность, по которой должна проходить дорога, не имѣетъ сколько нибудь значительныхъ уклоновъ и не потребуетъ крупныхъ земляныхъ работъ, необходимо лишь сооруженіе моста черезъ Вишеру, въ 8 верстахъ отъ Чердыни.

Грузами для новой дороги явятся, помимо предметовъ нынѣшняго товарообмѣна, лѣсные—изъ печорскихъ лѣсныхъ необъятныхъ угодій и отъ горной промышленности, главнымъ же предметомъ перевозки явится нефть, каковой одна лишь рѣка Кама требуетъ до 12 милліоновъ пудовъ въ годъ, стоимость доставки которой до Перми обойдется самое большое 5 коп. пудѣ, что сразу положитъ предѣлы алчности бакинскихъ нефтепромышленниковъ и избавитъ всю мѣстную промышленность отъ печальной необходимости приобретать топливо по вздутымъ подчасъ до безобразныхъ размѣровъ цѣнамъ. Доступность и дешевизна жидкаго топлива должны, въ свою очередь, создать полный переворотъ во всей мѣстной промышленности и, быть можетъ, мѣстная нефть сыграетъ выдающуюся роль въ поднятій переживающей нынѣ жестокой кризисъ уральской горной промышленности и выведетъ изъ бѣдственнаго положенія сотни тысячъ оставшагося въ бѣдственномъ положеніи заводскаго населенія.

Въ связи съ вопросомъ о постройкѣ желѣзной дороги съ общимъ улучшеніемъ путей сообщеній и съ развитіемъ горной и нефтяной промышленности въ Печорскомъ краѣ стоитъ вопросъ о колонизаціи края, которому раньше всего нужны рабочія силы, могущія вызвать къ жизни его природныя богатства. До сего времени переселеніе велось лишь въ предѣлахъ Азіатской Россіи, вопросъ же о переселеніи на свобод-

ныя земли Вологодской и Архангельской губерній остается и понынѣ открытымъ, тогда какъ часть переселенческой волны давно бы пора направить въ этотъ богатый край, обладающій всеми благоприятными условіями для переселенія. Качества почвы и климатическія условія, какъ это доказано цѣлымъ рядомъ ученыхъ экспедицій, вполне допускаютъ земледѣліе и незаселенность края объясняется ничѣмъ инымъ, какъ только полнымъ незнакомствомъ съ краемъ и недоувѣріемъ къ Сѣверу. Здѣсь, правда, лѣто очень коротко, но зато дни въ теченіе лѣта такъ долги, что, напр., на Мезени ячмень вызрѣваетъ всего лишь въ 40 дней.

Все изложенное и дало основаніе чердынскому земству возбудить ходатайство о проведеніи вышеназванной желѣзной дороги и чердынская земская уѣздная управа представила ходатайство это г.г. министрамъ—путей сообщенія, торговли и промышленности и финансовъ.

Остается лишь пожелать, дабы ходатайство чердынскихъ земцевъ было удовлетворено въ возможно скорѣйшемъ времени“.

Однако, пожеланію этому не суждено было исполниться, т. к. уже черезъ 4 дня газета должна была констатировать, что по поводу вопроса о сооруженіи сказанной желѣзной дороги, составляющаго въ данное время животрепещущій интересъ для всего края, приходится, къ сожалѣнію, сообщить грустную вѣсть.

Дѣло въ томъ, что, вслѣдствіе представленныхъ въ установленномъ порядкѣ ходатайствъ чердынскихъ уѣзднаго земскаго собранія и городск. думы и солик. город. думы—о проведеніи желѣзной дороги отъ ст. Усольской, пермской желѣзной дороги, черезъ г. Чердынь на селеніе Троицкое на рѣкѣ Печорѣ и далѣе на Ухту,—на-дняхъ департаментъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ министерства финансовъ увѣдомилъ начальника Пермской губ., что предвидѣть возможность постройки таковой желѣзной дороги въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ на казенный счетъ не представляется возможнымъ, въ виду необходимости затраты огромныхъ средствъ государственнаго казначейства на сооруженіе линіи первостепенной государственной важности въ Сибири; предложеній же частныхъ предпринимателей, которые желали бы взять на себя осуществленіе означенной линіи на частныя средства, въ виду министерства финансовъ не имѣется.

Правительство разрѣшило произвести изысканія Восточно-Уральско-Обско-Бѣломорской желѣзной дороги отъ Архангельска до истоковъ рѣки Печоры и далѣе къ югу до станціи „Надеждинскій заводъ“ Богословской желѣзной дороги и къ востоку до рѣки Оби, общимъ протяженіемъ 1.450 верстъ. Строить дорогу предполагаетъ акціонерная компанія.

Рыбные промыслы.

Въ послѣдніе годы московскіе рыбопромышленники стараются ввести на потребительскій рынокъ треску, до сихъ поръ составлявшую главный предметъ питанія жителей сѣвернаго побережья Россіи. Принимая въ расчетъ высокія питательныя свойства этой рыбы и ея невысокую цѣну въ Москвѣ (10—12 коп. фунтъ соленой въ розницу), потре-

бленіе трески малоимущими классами съ излишкомъ можетъ возмѣстить недостатокъ мясного питанія. Невниманіе къ трескѣ отчасти объясняется предполагаемымъ специфическимъ запахомъ, тогда какъ поступающая къ намъ рыба въ соленомъ видѣ совершенно запаха не имѣетъ. Небезынтересно знать, до какой степени потребленіе трески развито американцами, что видно изъ широко поставленнаго ими по побережью Камчатки трескового промысла. Поразительное количество трески наблюдается около береговъ нашей окраины, гдѣ рыба въ періодъ метанія икры скопляется неисчислимыми стадами. Занимая иногда пространство до двухъ верстъ, масса рыбы движется слоевымъ толпиною въ нѣскольکو аршинъ. Камчатская треска имѣетъ обыкновенно отъ 1 $\frac{1}{4}$ —2 аршинъ длины и вѣсомъ до 2 $\frac{1}{2}$ пудовъ. пойманная добыча американцами заготавливается впрокъ въ бочкахъ, распластанная и переложенная слоями соли. Изъ печи добывается рыбій жиръ, для чего складываютъ ее въ громадныя чаны и даютъ гнить. Получающійся такимъ путемъ жиръ сливаютъ и производятъ очистку. Самые лучшіе сорта жира получаютъ въ началѣ гніенія, худшіе же добываются вываркой. Если принять за среднее количество добываемой американцами трески у нашихъ береговъ въ 180 тыс. шт. на одно рыболовное судно, то весь рейсъ за 5 мѣсяцевъ отъ С.-Франциско съ расходомъ по улову составитъ 40.000 руб. Въ то же время доходу получается: за соленую треску до 80.000 руб. и за рыбій жиръ около 80.000 рублей. Слѣдовательно, чистаго дохода составитъ до 70 тыс. рублей.

Вообще, всѣмъ извѣстно, какія громадныя рыбныя богатства находятся въ русскихъ сѣверныхъ водахъ и, несмотря на это, русскіе рыбопромышленники могутъ съ полнымъ основаніемъ опасаться иностранной конкуренціи.

Изъ записки секретаря Императорской Россійской миссіи въ Норвегіи видно, что четыре пятыхъ перевозимаго въ Петербургъ количества норвежской замороженной сельди (до 65 тыс пуд.) идетъ на сѣверъ Россіи, преимущественно въ Вологодскую губернію. Между тѣмъ русскимъ судамъ предоставлено право безпошлиннаго привоза норвежской сельди въ Архангельскъ. Записка отмѣчаетъ, что, при развитіи нашей предпріимчивости на сѣверѣ, русскія сѣверныя губерніи могли бы довольствоваться рыбой, доставляемой на русскихъ судахъ.

Россія—завѣтная мечта норвежскихъ экспортеровъ. Они давно уже добиваются расширенія русскаго рынка для своей рыбы въ Россіи и, главнымъ образомъ, въ центральной, для ввоза рыбныхъ продуктовъ и консервовъ. Въ прошломъ году норвежскій сторингъ сдѣлалъ ассигновку на организацію въ Россіи періодическихъ выставокъ норвежскихъ рыбныхъ товаровъ, и минувшей зимою въ Петербургѣ былъ предпринятъ рядъ попытокъ введенія рыбныхъ консервовъ въ обиходъ русской арміи. Солдатъ различныхъ полковъ кормили за счетъ Норвегіи рыбными блюдами норвежскаго приготовленія, но хотя попытки не привели ни къ чему,—тѣмъ болѣе, что этимъ путемъ пытались добиться пониженія или полной отмены таможенныхъ ставокъ на эти товары въ балтійскихъ портахъ,—однако, мысль о завоеваніи русскаго рынка не оставлена. Норвежскіе консулы работаютъ въ этомъ направленіи неустанно. Норвежское министерство иностранныхъ дѣлъ уже разработало цѣлый планъ по устройству въ Россіи рыбныхъ выставокъ, и Москва избрана, какъ отправной пунктъ для нихъ. Здѣсь предполагается уже предстоящей зимой

организовать постоянную выставку съ магазинами и складами всѣхъ продуктовъ норвежскаго рыболовства.

Фактъ появленія на русскомъ рынкѣ норвежской рыбы, съ перспективой стать постояннымъ и развиться въ широкій импортъ, обязанъ прежде всего незначительному использованию русскими поморами мурманскихъ рыбныхъ богатствъ. Эта обильная рыбой окраина, благодаря отсутствію путей сообщенія, совершенно оторвана отъ страны въ теченіе 8 мѣсяцевъ, въ кругъ которыхъ попадаетъ наиболѣе богатый рыбой весенній ловъ. Поморы могутъ попасть на Мурманъ только въ концѣ мая, когда открывается навигація, а августомъ заканчивается ихъ рыболовная путина, иначе они рискуютъ зазимовать на пустынныхъ берегахъ Сѣвера. Если же принять во вниманіе рядъ другихъ промысловыхъ несовершенствъ, какъ, напр., хлопоты съ наживкой, неудачный по-соль и пр., то станетъ понятнымъ, почему мурманскіе промыслы въ общемъ даютъ сравнительно небольшое количество рыбы. Между тѣмъ, въ обиходѣ многомилліоннаго населенія Сѣвера и сѣверо-восточнаго района рыба составляетъ главный продуктъ питанія, и нужда въ ней не покрывается и въ 60% мурманской рыбой, какъ это имѣло мѣсто въ прошломъ году. Конечно, этотъ недостатокъ съ избыткомъ могъ бы покрываться богатыми уловами каспійской рыбы, но тутъ выступаетъ вторая причина, обѣщающая успѣхъ норвежскому экспорту рыбы въ Россію. А именно—отсутствіе правильно организованнаго внутренняго рыбнаго рынка. Послѣдній, не имѣя ни холодильниковъ, ни спеціальнаго желѣзнодорожнаго оборудованія, въ видѣ вагоновъ-ледниковъ, спеціальныхъ сквозныхъ поѣздовъ, до сихъ поръ не можетъ регулировать свои запасы, направляя ихъ въ районы съ наибольшимъ спросомъ, сдерживая при переполненіи товарами того или иного потребительнаго рынка—всѣ уловы сосредоточены на мѣстахъ, ждутъ „болѣе благопріятныхъ видовъ“, какъ, напр., сейчасъ астраханская сельдь. Въ результатѣ—прошлогодня исторія съ малосолами, когда до 50% улова погибло, вслѣдствіе частыхъ оттепелей, и большинство контрагентовъ отказалось отъ сдѣлокъ.

Норвежцы прекрасно учитываютъ всѣ эти недочеты въ русской рыбопромышленности и рыбороторговлѣ, а отсюда и вправѣ рассчитывать на успѣхъ. Противостоятъ напору ихъ энергіи и настойчивости въ дѣлѣ завоеванія русскаго рынка только и возможно путемъ скорѣйшаго устройства мурманскихъ промысловъ и созданіемъ организованнаго внутренняго рынка. Только въ томъ случаѣ возможна успѣшная борьба съ иностранными рыбными товарами, если русской Мурманъ перестанетъ быть дикой и пустынной окраиной, а превратится, какъ и его непосредственное продолженіе—норвежскій Финмаркенъ, въ культурный промысловый районъ съ благоустроенными поселками, съ прекрасно оборудованными заводами, изрѣзанный сѣтью телеграфныхъ проволокъ, рельсовыми и грунтовыми путями. Между тѣмъ, фактъ превосходства Мурмана передъ Финмаркеномъ въ отношеніи промысловыхъ богатствъ давно засвидѣтельствованъ рядомъ русскихъ и норвежскихъ экспедицій.

Въ Архангельскѣ предполагается учрежденію акціонернаго общества для эксплуатаціи рыбныхъ и звѣриныхъ богатствъ въ моряхъ и рѣкахъ, омывающихъ Сѣверъ Россіи.

Въ скоромъ времени учредителями предполагается послать на утвержденіе министерства уставъ этого общества.

Изъ торговой и промышленной жизни.

По словамъ „Р.“, основная нужда нашего хлѣбнаго дѣла заключается въ устройствѣ зернохранилищъ, которыхъ у насъ сейчасъ, за незначительными исключеніями по сравненію съ потребностью, почти вовсе нѣтъ, и за отсутствіемъ которыхъ производители хлѣба несутъ огромные ущербы.

Если нѣтъ складовъ, хлѣбу некуда дѣваться. Покинувъ молоталки и амбары сельскихъ хозяевъ, хлѣбъ вынужденъ быть все время въ дорогѣ, пока, на конецъ, онъ не попадетъ въ руки покупателя или экспортера. И это отсутствіе приюта въ сбытѣ хлѣба приводитъ къ полной невозможности сообразовать скорость реализаціи урожая съ состояніемъ міроваго рынка. Будь у насъ склады въ достаточномъ числѣ, обстоятельства были бы совершенно иныя. Производитель повезъ бы хлѣбъ въ складъ и, получивъ ссуду, могъ воздержаться отъ продажи до болѣе высокихъ цѣнъ. Онъ былъ бы менѣе зависимъ отъ скупщиковъ и коммисіонеровъ; и если въ современномъ положеніи крестьяне, вынужденные обращаться къ этимъ спекулянтамъ, теряютъ на цѣнѣ до 15 копеекъ и даже больше, и такимъ образомъ отдаютъ всю выгоду сельско-хозяйственнаго промысла торговцамъ хлѣба, а сами довольствуются цѣной, еле окупающей обработку полей, то при складахъ сельскіе хозяева стали бы менѣе зависимы отъ скупщиковъ и получали значительно больше. А вѣдь эта именно цѣль и должна составлять главнѣйшую задачу урегулированія хлѣбной торговли, ибо усиленіе доходности земледѣлія послужитъ могучимъ рычагомъ въ столь необходимомъ съ государственной точки зрѣнія подъемѣ сельскаго хозяйства.

Не менѣе важное значеніе имѣютъ зернохранилища и въ отношеніи достиженія надлежащей очистки зерна, что послужило бы къ возможности установленія лучшей расцѣпки русскаго хлѣба на иностранныхъ рынкахъ.

Къ сожалѣнію, дѣло это у насъ еще только въ зачаткѣ и зернохранилищъ крайне мало. Сейчасъ, напримѣръ, только около 30 земствъ организовали храненіе хлѣба съ выдачею ссудъ, и очень не многія изъ нихъ занимаются операціей очистки зерна. Въ остальныхъ же земствахъ не сдѣлано въ этомъ отношеніи ничего, и это крайне жаль, такъ какъ въ этой области земства могли бы оказать громадную пользу занятому сельскимъ хозяйствомъ населенію.

Въ послѣднее время начинаютъ появляться кооперативныя зернохранилища, устраиваемыя при сельско-хозяйственныхъ обществахъ и товариществахъ, а также при учрежденіяхъ мелкаго кредита, которымъ по закону 7 іюня 1904 года предоставлена къ этому возможность. Не говоря уже о всѣхъ прочихъ выгодахъ складовъ, дающихъ возможность производителю реализовать свой урожай по болѣе выгоднымъ цѣнамъ, кооперативныя зернохранилища оказываютъ весьма существенную помощь и въ томъ отношеніи, что, при нуждѣ въ деньгахъ осенью, даютъ возможность сдавать хлѣбъ на мѣстѣ и не терять времени на поѣздку для продажи въ городъ во время спѣшныхъ работъ по сбору урожая.

Вообще, какъ земскіе, такъ и мелкіе кооперативныя склады хлѣба настолько полезны и необходимы, что остается только пожелать скорѣйшаго, болѣе широкаго ихъ развитія.

Вопросомъ о зернохранилищахъ занималось также бывшее недавно въ Архангельскѣ совѣщаніе объ улучшеніи Архангельскаго порта.

При обсужденіи вопроса о нуждахъ хлѣбной торговли, члены частнаго совѣщанія единогласно высказались, чтобы въ Архангельскѣ былъ сооруженъ въ первую очередь береговой элеваторъ для зерновыхъ хлѣбовъ. Въ Архангельскѣ совѣмъ нѣтъ, по ихъ словамъ, помѣщеній для ссыпки хлѣба. Между тѣмъ баржи съ зерномъ, приплывающія весной изъ Котласа, нерѣдко приходятъ въ Архангельскъ ранѣе прихода морскихъ пароходовъ и принуждены ждать, чтобы разгрузиться, пока не придутъ суда съ моря. Но на С. Двинѣ каждый день плаванія имѣетъ громадное значеніе. Съ полной нагрузкой пароходы и баржи проходятъ чрезъ нѣкоторые двинскіе перекаты только съ первыми полными весенними водами. А затѣмъ рѣка постепенно, но быстро мелѣетъ и по ней, особенно въ верховьяхъ, могутъ проходить суда только съ самой малой осадкой. Немедленная перегрузка зерна въ элеваторъ будетъ освобождать баржи, которыя успѣютъ сдѣлать еще нѣсколько рейсовъ при полныхъ водахъ. Кромѣ того, элеваторъ, являясь хранилищемъ зерна, будетъ въ то же время способствовать его очисткѣ и осушкѣ, что, несомнѣнно, вызоветъ повышеніе его стоимости на заграничныхъ рынкахъ.

Независимо отъ этихъ преимуществъ, какія получить хлѣбная торговля съ сооруженіемъ элеватора, послѣдній, по мнѣнію совѣщанія, будетъ способствовать увеличенію привоза въ портъ сибирскихъ хлѣбовъ урожая даннаго гола. Въ настоящее время, какъ извѣстно, осенью хлѣбъ новаго урожая не успѣваетъ прибыть въ Архангельскъ. Это зависитъ въ значительной степени отъ того, что, опасаясь ледостава, экспортеры и судовладѣльцы спѣшатъ возвратитъ въ Котласъ баржи, въ которыхъ перевозится зерно. Когда же въ Архангельскѣ будетъ элеваторъ со всѣми необходимыми перегрузочными механическими приспособленіями, быстрая разгрузка баржей какъ бы увеличитъ продолжительность навигаціи, дастъ возможность, въ случаѣ надобности, почти немедленно разгрузить суда и отпратить ихъ обратно въ Котласъ. Въстѣ съ тѣмъ, если бы даже и не удалось экспортировать за границу хлѣбъ въ теченіе той же навигаціи, онъ въ элеваторѣ можетъ храниться до слѣдующей весны, какой возможности нѣтъ въ настоящее время.

Въ преніяхъ по этому вопросу начальникъ работъ по улучшенію порта С. В. Кирпичниковъ обратилъ вниманіе членовъ совѣщанія на противорѣчіе ихъ взглядовъ съ тѣми сужденіями, какія высказывались мѣстными же людьми въ совѣщаніи подъ предѣтельствомъ губернатора, состоявшемся 1 февраля с. г. Тогда совѣщаніе не находило надобности включать сооруженіе элеватора въ первую очередь. Не произошло ли съ тѣхъ поръ какихъ измѣненій въ области хлѣбной торговли?

Членами совѣщанія, хорошо знакомыми съ вопросомъ, по этому поводу было указано, что мнѣніе совѣщанія 1-го февраля базировалось, повидимому, на опасеніяхъ, что отмѣна челябинскаго перелома можетъ вызвать потерю Архангельскимъ портомъ хлѣбныхъ сибирскихъ грузовъ, которые направятся въ Балтійскіе порты. Но, какъ теперь выяснилось, отъ отмѣны перелома архангельскій экспортъ сибирскаго хлѣба, по всей вѣроятности, не пострадаетъ, такъ какъ исключительные тарифы на Котласъ останутся. Кромѣ того такія мѣропріятія, какъ сооруженіе элеватора, расчистка и углубленіе фарватера С. Двины дадутъ полную

возможность экспортерамъ возвратитъ то, что будетъ ими потеряно вѣдствие отмѣны челябинскаго перелома. Элеваторъ сократитъ расходы по храненію зерна, а механическая перегрузка уменьшитъ расходы по перегрузкѣ. Возможность выжиданія продажи хлѣба при существованіи элеватора, чего нѣтъ теперь, сверхъ всего дастъ экспортеру возможность не торопиться съ продажей и затѣмъ продать хлѣбъ по повышенной цѣнѣ. Все это даетъ основаніе надѣяться, что сибирскій зерновой экспортъ черезъ Архангельскъ сохранится и будетъ даже увеличиваться. Если же будетъ сооружена Обь—Архангельская ж. д., то экспортъ хлѣбовъ на Архангельскъ нужно ожидать въ колоссальныхъ размѣрахъ.

Относительно размѣровъ элеватора совѣщаніе высказалось, что на первое время будетъ достаточно элеваторъ вмѣстимостью въ миллионъ пудовъ. Независимо отъ сооруженія берегового элеватора, совѣщаніе высказалось за необходимость оборудованія порта еще двумя плавучими элеваторами.

При обсужденіи этого вопроса, присутствовавшій въ засѣданіи Э. И. Шмидтъ просилъ отмѣтить въ журналѣ, какъ проявленіе частной инициативы въ дѣлѣ оборудованія порта механическими приспособленіями, приобрѣтеніе имъ плавучаго перегрузочнаго элеватора, который уже заказанъ.

Портовое присутствіе, воплотивъ соглашаясь съ высказанными въ частномъ совѣщаніи предположеніями, постановило: „признать необходимымъ въ первую очередь сооруженіе для зерновыхъ хлѣбовъ берегового элеватора на 1.000.000 пуд. и двухъ плавучихъ“.

Всевозможные кустарные промыслы въ Вологодской губерніи развиты довольно широко и ими занимается очень много деревенскихъ жителей разныхъ уѣздовъ губерніи. Во многихъ деревняхъ промыслы эти служатъ главнымъ источникомъ по изысканію средствъ къ существованію крестьянства. Промыслы эти очень разнообразны: токарный, столярный, кружевной, плетеніе разныхъ предметовъ для домашняго обихода изъ древесной коры и т. п.

Между прочимъ, въ селеніи Хрѣновскомъ, Вологодскаго уѣзда, широко развиты столярное и токарное ремесла.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ на это не было обращено земствомъ никакаго вниманія и только въ послѣднее время инспекція народныхъ училищъ возбудила вопросъ объ ассигнованіи изъ средствъ вологодскаго уѣзднаго земства суммы на устройство столярныхъ и токарныхъ мастерскихъ при хрѣновскомъ двухклассномъ училищѣ. Земство отвеслось къ этому ходатайству весьма сочувственно въ виду того, что уѣздное земство недавно получило отъ министерства народнаго просвѣщенія, на развитіе въ Вологодскомъ уѣздѣ школьнаго дѣла, пособие въ размѣрѣ 1,800 рублей, которые и переданы уже министерствомъ въ распоряженіе директора народныхъ училищъ Вологодской губерніи. Оно хочетъ оборудовать мастерскія при хрѣновскомъ училищѣ на широкую ногу. Понятно, для этого потребуется значительная сумма, которая земствомъ на первое время опредѣлена до шести тысячъ рублей.

На собраніи Вологодскаго сельско-хозяйственнаго общества былъ прочитанъ подробный докладъ о состояніи кружевного промысла въ Вологодской губерніи. Оно признается крайне печальнымъ, не двигающимся впередъ, вѣдствие полнѣйшаго отсутствія у кружевницъ средствъ на

усовершенствованіе этого дѣла и совершенной закрѣпощенности ихъ у мѣстныхъ кулаковъ-скупщиковъ кружевныхъ издѣлій.

Единственнымъ выходомъ изъ такого положенія, по мнѣнію доклада принятаго единогласно всѣми членами общества, является организациія кружевницъ въ артели.

Для окончательной выработки устава артели и выясненія формъ центральной организациі по сбыту кружевъ въ Вологодской губерніи, избрана особая комиссія, въ распоряженіе которой ассигновано триста рублей, на подробное изученіе постановки кружевного дѣла, въ которой оно находится въ данное время въ губерніи.

Составленіе устава признано спѣшнымъ и онъ долженъ быть готовъ къ слѣдующему собранію общества, которое предполагается созвать въ началѣ октября текущаго года.

Докладъ на собраніе привлекъ много женщинъ, изъ которыхъ нѣсколько крестьянокъ тутъ же заявили желаніе записаться въ артель кружевницъ. Ихъ заявленіе обществомъ было принято.

Судя по тому горячему сочувствію, съ которымъ отнеслось общество къ поднятію кружевного промысла въ губерніи, слѣдуетъ надѣяться, что вопросъ этотъ въ недалекомъ будущемъ получить желательное для дѣла разрѣшеніе и дастъ благопріятные результаты.

Принимая живое участіе въ поднятіи кружевного промысла, сельско-хозяйственное общество рѣшило ассигновать необходимую сумму на изданіе и распространеніе альбомовъ кружевъ и вообще кружевныхъ издѣлій въ средѣ деревенскихъ жителей, занимающихся плетеніемъ таковыхъ.

Къ этому надо добавить, что экономическій совѣтъ при волог. земствѣ признать необходимымъ самое широкое развитіе артелей кустарей и, главнымъ образомъ, кружевницъ. Постановлено просить земское собраніе пригласить 5 инструкторшъ по кружевному дѣлу. Рѣшено обратить вниманіе губернскаго земскаго собранія на необходимость болѣе широкой организациі сбыта кустарныхъ издѣлій на коммерческихъ основаніяхъ.

Въ Пермской губ. канатно-веревочное производство существуетъ въ 7 уѣздахъ, причѣмъ особенно широко оно развито въ Кунгурскомъ и Ирбитскомъ уѣздахъ. Кунгуръ изстари снабжаетъ всякой снастью камскую лѣсопромышленность, волжско-камское судоходство и сплавы, уральскіе заводы, рудники и прииски. Ирбитскій районъ служитъ поставщикомъ ирбитской ярмарки, судоходной и рыбной промышленности Зап. Сибири. Ирбитская канатная промышленность носитъ характеръ кустарнаго производства, кунгурская, напротивъ, постепенно выродилась въ крупную фабричную. Промышленность кунгурскаго района сгруппировалась около с. Усть-Кинерти, гдѣ находится нѣсколько крупныхъ канатныхъ фабрикъ съ постоянными рабочими; болѣе мелкія заведенія разбросаны по всему уѣзду.

Кунгурская промышленность пользуется исключительно привозной пенькой—уфимской и орловской. Здѣсь вырабатываются буксиры, шеймы, канаты валковые, бѣльные и смольные, веревка всевозможныхъ сортовъ, вязка, зашивка кулевая и мѣшочная, шнуръ, тропка, маты, ремни плоскіе приводные и т. д. Главнымъ потребителемъ канатовъ и веревокъ является камскій лѣсной сплавъ. Сбытъ канатовъ производится

какъ съ фабрикъ, такъ и изъ складовъ въ Перми и во всѣхъ поволожскихъ городахъ.

Въ Ирбитскомъ у. канатно-веревочное дѣло всецѣло связано съ мѣстной культурой конопли. Спросъ въ Сибирь на коноплю, сѣмя, масло и жмыхи все увеличивается и сбытъ ихъ всегда обезпеченъ. За послѣдніе годы пріѣзжаютъ издалека скупщики пеньки, былъ случай отправки ея въ Англію черезъ Обь. Въ качественномъ отношеніи главный продуктъ конопляной культуры—пенька представляетъ много недостатковъ. Урожай сѣмянъ и волокна обыкновенно ниже средняго. Конопля весьма низкаго качества, почему и товаръ изъ нея расцѣпляется ниже товара среднихъ губерній.

Канатная промышленность въ Ирбитскомъ у., какъ тѣсно связанная съ производствомъ мѣстной конопли, вообще нуждается въ с.-х. улучшеніи культуры ея, для чего требуется повысить урожайность, улучшить качество посредствомъ подбора лучшихъ сѣменныхъ матеріаловъ и соответственной обработки пеньки. Съ канатно-веревочнымъ производствомъ въ Ирбитскомъ у. тѣсно связано ручное плетеніе рыболовныхъ сѣтей разныхъ формъ и наименованій. Сѣти кустарной работы находятъ хорошій сбытъ на ирбитской ярмаркѣ, гдѣ онѣ закупаются для потребности обскихъ рѣчныхъ промысловъ.

Въ Осинскомъ у. издавна существуетъ канатно-веревочное производство изъ мочала. По р. Тулвѣ, протекающей по Осинскому у., имѣются обширные липовые лѣса. Но промыселъ этотъ постепенно падаетъ, т. к. мочало становится дорого, да и покупатель отдаетъ предпочтеніе конопляной снасти, хотя и болѣе дорогой, зато болѣе прочной и долговѣчной.

Разныя вѣсти.

Экспедиція къ Сѣв. полюсу. Изъ гавани небольшого норвежскаго города Христианстада недавно тронулся въ долгій путь знаменитый „Фрамъ“. Передѣланный и снаряженный по плану своего новаго хозяина—капитана Амундсена, „Фрамъ“ на этотъ разъ (третій по счету) долженъ совершить, по опредѣленію Нансена, самую большую, по широко задуманному плану и самую важную, по научной цѣли, экспедицію.

Среди многихъ норвежскихъ именъ, запесенныхъ въ исторію полярныхъ изслѣдованій, имя капитана Роальда Амундсена уже давно занимаетъ видное мѣсто. Въ то время какъ организовывались экспедиціи Нансена, Свердрупа и другихъ, начальникъ нынѣшней экспедиціи Амундсенъ уже плавалъ во льдахъ сѣвернаго и южнаго полюсовъ. Въ 1901 г., уже въ званіи капитана, онъ самостоятельно руководилъ промѣрочной экспедиціей въ водахъ между Шпицбергеномъ и Гренландією, а въ 1903—1906 гг. пробылъ въ плаваніи въ такихъ водахъ, гдѣ никогда не было ни одного корабля.

Въ ноябрѣ 1908 г. Амундсенъ въ засѣданіи норвежскаго географическаго общества изложилъ планъ своей новой экспедиціи, основанный на богатыхъ научныхъ результатахъ его прежнихъ изслѣдованій. Правительство тотчасъ же предоставило въ его распоряженіе старый „Фрамъ“, стортингъ ассигновалъ 75,000 кронъ на ремонтъ его, а норвежское общество своими пожертвованіями съ излишкомъ покрыло всѣ необходимые расходы

по снаряженію экспедиціи. Такъ, одни только денежные взносы дали около 200.000 кронъ. Мѣстные фабриканты и купцы безвозмездно снабдили экспедицію всѣмъ необходимымъ: провіантомъ, платьемъ, топливомъ, инструментами и пр. Покупать пришлось только то, чего нельзя получить въ Норвегіи.

Самой важной, а по первоначальному плану Амундсена, единственной цѣлью этой экспедиціи является изученіе расположенія глубины и характера воднаго бассейна приполярнаго моря. Это, такъ сказать,—центральная задача предстоящихъ экспедиціи работъ. Къ ней примыкаютъ многія другія, каковы: опредѣленіе отношенія суши къ морю, изслѣдованіе величины и формы морского дна и т. п.

Если это не удалось Нансену и другимъ за пеимѣніемъ въ то время цѣлесообразныхъ методовъ изслѣдованія, то при настоящемъ положеніи океанографіи можно ждать иныхъ результатовъ. Такъ, измѣренія глубины моря теперь дѣлаются на нѣсколько тысячъ футовъ; изобрѣтены инструменты для полученія пробъ со дна моря (не только съ его поверхности, но и съ глубины въ 2—3 метра основного пласта дна); температура воды, ея соленость опредѣляются съ точностью до $\frac{1}{100}$. Особые приборы имѣются также для опредѣленія силы и направленія морскихъ теченій. Съ океанографическими изслѣдованіями непосредственно связаны метеорологическія, магнетическія наблюденія и изученіе сѣвернаго сіянія.

Въ своемъ докладѣ Амундсенъ прямо заявилъ, что достиженіе Сѣвернаго полюса является для него попутной цѣлью и не входитъ въ планъ его экспедиціи. Но впоследствии оказалось, что ему пришлось считаться съ желаніемъ жертвователей, рассчитывающихъ именно на возможность открытія полюса норвежцемъ. Когда прошлой зимой появилось извѣстіе, что полюсъ уже открытъ, притокъ пожертвованій замѣтно сократился, и только послѣ того, какъ между Кукомъ и Пири начались раздоры и пошли разоблаченія, а Амундсенъ пообѣщалъ попытаться добраться до полюса,—необходимая на снаряженіе экспедиціи сумма вскорѣ была пополнена.

Экспедиція рассчитана на 5—7 лѣтъ. Около года уйдетъ на огибаніе мыса Горна при слѣдованіи къ Санъ-Франциско. Отсюда путь пойдетъ на Беринговъ проливъ до мыса Барро, послѣдняго обитаемаго мѣста—и оттуда въ направленіи къ сѣверо-западу „Фрамъ“ врѣжется во льды, рассчитывая вернуться лишь въ 1915—1916 г. съ другой стороны полюса между Гренландіею и Шпицбергеномъ.

Весь экипажъ состоитъ изъ норвежцевъ. Исключеніе сдѣлано только для одного помора Александра Кучина, родомъ изъ Архангельской губ. Ему—всего 21 годъ. По окончаніи съ отличіемъ архангельскаго мореходнаго училища, онъ посвятилъ себя изученію океанографіи при бергенской биологической станціи, гдѣ своимъ трудолюбіемъ, любознательностью и пытливымъ умомъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе норвежскихъ преподавателей. Они и отрекомендовали его Амундсену, какъ океанографа.

Приводимъ нѣкоторые свѣдѣнія объ Александрѣ Степановичѣ Кучинѣ.

А. С. Кучинъ родился 16 сентября 1888 года; происходитъ изъ крестьянъ Онежскаго уѣзда Архангельской губерніи. Отецъ его—штурманъ 2-го разряда, занимается мореходствомъ.

По окончаніи курса онежскаго городского училища, А. С. Кучинъ въ 1904 году поступилъ во 2 ой общій классъ мореходнаго отдѣленія Архангельскаго торгово-мореходнаго училища.

Въ апрѣлѣ 1909 года г. Кучинъ окончилъ полный курсъ мореходнаго отдѣленія торгово-мореходнаго училища и, въ виду оказанныхъ отличныхъ

успѣховъ, экзаменаціонная коммиссія признала его достойнымъ награжденія золотою медалью.

Получивъ отсрочку по отбыванію воинской повинности, онъ лѣтомъ 1909 года уѣхалъ въ Норвегію для продолженія изученія океанографіи.

— Суда шпицбергенской экспедиціи графа Цеппелина „Майнцъ“, „Фениксъ“ и „Кармень“ на обратномъ пути въ Германію посѣтили на-дняхъ сѣверные портовые города. Эта экспедиція была предпринята графомъ съ цѣлью выясненія, насколько осуществимъ задуманный имъ, совмѣстно съ профессорамъ Гергефеллемъ, планъ полета къ Сѣверному полюсу на воздушномъ кораблѣ.

По словамъ участвовавшихъ, произведенныя ими наблюденія указываютъ на полную возможность осуществленія этого плана. Графъ Цеппелинъ, вмѣстѣ съ принцемъ Генрихомъ Прусскимъ и профессоромъ Гергефеллемъ, совершили нѣсколько удачныхъ подъемовъ на привязныхъ шарахъ, испытывая возможность спуска на землю посредствомъ якорей и наблюдая вліяніе арктической атмосферы на различныя составныя части цеппелиновскаго дирижабля (главнымъ образомъ, на моторы).

Метеорологическія и атмосферическія изслѣдованія, а также измѣренія силы и направленія вѣтровъ производились при помощи двухъ маленькихъ воздушныхъ шаровъ съ различнымъ внутреннимъ напряженіемъ газа; къ нимъ прикрѣпляли ящикъ съ саморегистрирующимъ аппаратомъ. На высотѣ 13,000 метровъ, шаръ съ наибольшимъ внутреннимъ давленіемъ лопался и приборы опускались въ море, на поверхности котораго ихъ удерживалъ уцѣлѣвшій шаръ. Океанографическія изслѣдованія производились на обширномъ пространствѣ. Измѣренія глубины обнаружили у береговъ Шпицбергена большія банки, которыя до сихъ поръ не были нанесены на карту. Свободное отъ научныхъ работъ время члены экспедиціи посвящали всѣмъ видамъ охоты. Но охота за морскими звѣрями оказалась неудачной, вслѣдствіе аварии „Феникса“. Въ Красной бухтѣ, гдѣ предполагалась охота, испортилась машина на суднѣ. Извѣстили по беспроволочному телеграфу „Майнцъ“, стоявшій въ бухтѣ Магдалины; но прежде чѣмъ „Майнцъ“ явился на помощь, машина была уже исправлена опытнымъ механикомъ „Феникса“, принцемъ Генрихомъ, безъ посторонней помощи.

Экспедиція достигла 80° 50' с. ш., и хотя состояніе льдовъ позволяло подниматься выше, но свирѣпствовавшіе западные штормы грозили отнестись суда далеко на востокъ, и потому рѣшено было вернуться.

О томъ, когда именно состоится полетъ, члены экспедиціи высказываются неопредѣленно. Главной цѣлью послѣдней было добыть данныя для рѣшенія вопроса, насколько достиженіе полюса на дирижаблѣ возможно вообще и что именно нужно имѣть въ виду при постройкѣ для этого предпріятія машины и моторовъ.

Суда, однако, по послѣднимъ вѣстямъ изъ Шпицбергена, нѣмецкая экспедиція для подготовленія „воздушнаго“ предпріятія попутно успѣла совершить болѣе реальное дѣло: она успѣшила, до установленія предстоящей конкуренціи правового порядка на Шпицбергенѣ, аннексировать обширную область, премыкающую къ Kings Bay, и дала послѣднему названіе Zepelinshafen, водрузивъ тамъ германскій флагъ.

Вулканъ на Шпицбергенѣ. Корреспондентъ „Aftenposten“, прибывшій въ Гаммерфестъ послѣ поѣздки вокругъ Шпицбергена, сообщилъ норвежскому геологу Гелю о находженіи имъ слѣдovъ вулкана въ Лѣсной бухтѣ (Вудъ-бей). Побережье этой бухты усѣяно пепломъ и покрыто лавой.

Подо льдомъ найденъ гейзеръ или горячій ключъ съ температурой воды въ 24 гр. Это телеграфно е сообщеніе, переданное засѣдающему въ Стокгольмѣ сѣзду геологовъ, вызвало среди нихъ истинную сенсацию. Гель намѣренъ продолжать свои розыски, чтобы найти кратеръ вулкана.

Ломоносовскій музей. Архангельскій губернаторъ И. В. Сосновскій обратился къ мѣстной городской думѣ со слѣдующимъ письмомъ, отправленнымъ на имя городского головы:

„Въ виду предстоящаго въ 1911 г. двухсотлѣтія со дня рожденія Ломоносова, Архангельская городская дума въ засѣданіи своемъ 7 іюля с. г. при обсужденіи предложенія гласнаго А. Е. Суровцева, признавая необходимость достойнаго чествованія въ предстоящій юбилей памяти М. В. Ломоносова, опредѣлила: 1) вопросъ объ открытіи новаго училища въ память Ломоносова передать на обсужденіе особой комиссіи; если же комиссія найдетъ, что по финансовому состоянію городской кассы открытіе новой начальной школы для города будетъ весьма затруднительно, то, въ этомъ случаѣ, дума полагаетъ именовать именемъ Ломоносова одно изъ существующихъ училищъ; 2) переименованіе Троицкаго пр. въ Ломоносовскій дума не считаетъ нужнымъ, а лишь присовѣтъ это званіе той площади, гдѣ стоитъ памятникъ Ломоносова и, кромѣ того, на площади этой слѣдуетъ устроить скверикъ съ правильной распланировкой; 3) вопросъ объ открытіи публичныхъ читаленъ передать всецѣло на обсужденіе комиссіи, 4) составленіе „Ломоносовскаго сборника“ дума не считаетъ необходимымъ, такъ какъ таковой сборникъ къ юбилейнымъ днямъ будетъ изданъ академіей наукъ и городская дума находитъ болѣе цѣлесообразнымъ приобрести этотъ сборникъ въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ для бесплатной раздачі учащимся и 5) предложеніе с. Суровцева объ открытіи подписки на учрежденіе стипендіи имени Ломоносова при Архангельской губернской гимназіи городская дума приняла единогласно“.

Вполнѣ соглашаясь, съ своей стороны, со всѣми приведенными рѣшеніями городской думы, я полагалъ бы желательнымъ дополнить проектируемое чествованіе памяти знаменитаго уроженца Архангельской губ: устройствомъ въ г. Архангельскѣ „Музея Русскаго Сѣвера имени М. В. Ломоносова“. Для этого слѣдовало бы, по моему мнѣнію, объединить и привести въ надлежащій видъ существующіе уже въ Архангельскѣ городской публичный музей, рыбопромышленный музей управленія землѣдѣлія и государственныхъ имуществъ и, быть можетъ, епархіальное древнехранилище. Въ настоящее время названные учрежденія не приносятъ, къ сожалѣнію, вслѣдствіе своей разбросанности, разрозненности, неудобствъ помѣщенія и по другимъ причинамъ, той великой пользы, которую они могли бы приносить въ качествѣ самостоятельныхъ отдѣловъ одного музея, вполнѣ благоустроеннаго, строго систематизированнаго, располагающаго удобнымъ просторнымъ помѣщеніемъ и находящагося въ завѣдываніи спеціального компетентнаго лица,—особаго хранителя, на котораго можно было бы возложить, кромѣ хозяйственнаго управленія музеемъ, реставрацію и пополненіе коллекцій, изданія систематическихъ каталоговъ, сообщеніе посѣтителемъ музея необходимыхъ свѣдѣній, справокъ, разъясненій и т. п.

Гг. гласнымъ городской думы хорошо извѣстно, конечно, въ какомъ печальномъ и неприглядномъ положеніи находится богатый своимъ содержаніемъ городской публичный музей, вслѣдствіе тѣсноты и неудобства помѣщенія. Само собою разумѣется, что для проектируемаго Ломоносовскаго

музея необходимо было бы отвести другое, вполне достаточное и для личных и для будущих коллекцій помѣщеніе, непременно въ каменномъ домѣ, по возможности центрально расположенномъ и изолированномъ отъ другихъ построекъ. Если въ существующихъ домахъ не удастся подыскать такого помѣщенія, то придется соорудить для музея особое, специально приспособленное, зданіе, отчего, разумѣется, дѣло только выиграетъ. Необходимо на это, не малая, конечно, денежные средства можно было бы, мнѣ кажется, собрать въ извѣстный, не слишкомъ продолжительный періодъ времени, напримѣръ, въ теченіе одного года, путемъ полученія нѣкоторыхъ посильныхъ суммъ изъ мѣстныхъ городскихъ и земскихъ ресурсовъ, черезъ исходатайствованіе субсидій отъ центральныхъ ученыхъ учреждений, какъ, напримѣръ, Императорской Академіи Наукъ и, наконецъ, посредствомъ сбора частныхъ пожертвованій. Зная по опыту, съ какою рѣдкою отзывчивостью относятся архангелогородцы ко всякимъ полезнымъ культурнымъ начинаніямъ, я глубоко убѣжденъ въ томъ, что они не оставятъ безъ поддержки дѣло созданія въ Архангельскѣ настоящаго музея, достойнаго великаго имени М. В. Ломоносова. Въ томъ случаѣ, если Архангельское городское общественное управленіе пожелаетъ взять это дѣло въ свои руки, я готовъ оказать ему, съ своей стороны, самое дѣятельное содѣйствіе“.

На ближайшемъ засѣданіи Гор. Думы предложеніе г. губернатора было встрѣчено всеми гласными, безъ исключенія, весьма сочувственно.

Нѣкоторые гласные высказали, что считаютъ необходимымъ, въ виду расширенія дѣятельности Ломоносовской комиссіи, пополнить ее выборомъ новыхъ членовъ съ достаточной научной подготовкой и специалистовъ по тѣмъ отраслямъ науки, которыя будутъ представлены въ проектируемомъ музеѣ.

Однако поиски специалистовъ не увѣнчались успѣхомъ; ихъ въ составѣ гласныхъ думы не оказалось, и дума единогласно, соглашаясь съ предложеніемъ г. губернатора, а также со всеми высказанными въ думѣ по этому вопросу мнѣніями, постановила передать вопросъ объ учрежденіи Ломоносовскаго музея въ существующую уже комиссію, дополнивъ ее выборомъ новыхъ членовъ.

Бактеріологическій кабинетъ. На средства, отпущенныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ распоряженіе архангельскаго ветеринарнаго инспектора Карцелли, при архангельской гор. санитарной станціи устраивается бактеріологическій кабинетъ.

Въ настоящее время производится ремонтъ и расширеніе всѣхъ помѣщеній санитарной станціи.

Ловля жемчуга въ р. Керети, Кемскаго уѣзда, Архангельской губ. Въ рѣкѣ Керети, впадающей около села того же имени въ губу Вѣлаго моря, Кереть, изстари добывается жемчугъ. Мѣстные жители, крестьяне Керетской волости, промысломъ этимъ не занимаются, но сюда являються каждое лѣто для промысла нѣсколько человекъ крестьянъ Вокняволоцкой волости, Кемскаго уѣзда. Рѣка Кереть порожистая, вода въ ней довольно прозрачная, теченіе въ порогахъ сильное, берега и дно каменистые; чтобы пробраться въ лодкѣ вверхъ по рѣкѣ, промышленнику приходится поднимать лодку въ порогахъ при помощи веревки.

Жемчугъ находится въ рѣчныхъ раковинахъ, которыя лежатъ на днѣ рѣки, въ самыхъ порогахъ около камней или въ плесахъ между порогами;

эти раковины поднимаются изъ глубины отъ 1 до 3¹/₂ арш., и даже больше. Для розыска раковинъ устраиваются особаго рода плоты: плотъ собирается изъ 4—5 и даже 6, преимущественно еловыхъ, сухостойныхъ бревенъ, длиною каждое около сажени и толщиною до 5-ти вершковъ, соединяемыхъ вмѣстѣ двумя шпонками, вогнанными въ дерева у концовъ; между бревнами, въ соединеніяхъ ихъ, сверху ложатся дощечки, чтобы вода не проникала на плотъ. Кругомъ плотъ обносится двумя, а иногда и четырьмя досками, дабы не сваливались съ него обратно въ воду поднятыя раковины; къ одному углу плота привязывается тонкая бичева (стойка), достигающая иногда длины до 60 саж., съ привязаннымъ къ одному концу маленькимъ якоремъ, замѣняющимъ его небольшимъ камнемъ, который, при надобности, бросаютъ въ воду и этимъ удерживаютъ плотъ на водѣ; на этой бичевѣ опускаются внизъ по теченію, или же поднимаются потомъ вверхъ. Въ одномъ концѣ плота, по срединѣ его, между бревнами, продѣлано отверстіе, въ діаметрѣ до 4-хъ вершковъ; въ него вставляется берестовая трубка, выдающаяся на поверхность плота до ¹/₂ арш.; на верхнемъ краю трубки лежитъ подушечка, набитая мхомъ или травою, изъ холста, въ видѣ спасательнаго круга. Промышленникъ, взобравшись на плотъ, уѣзжаетъ на немъ, при помощи тонкаго шеста, достигающаго иногда длины до 3-хъ саж., въ предположенное мѣсто, бросаетъ тутъ якорь, укрѣпляетъ на плотѣ бичеву и такимъ образомъ останавливаетъ свой плотъ на водѣ, а затѣмъ, устроившись на немъ, смотритъ черезъ упомянутую выше трубку на дно; подушечка при этомъ ему служить какъ бы изголовьемъ, чтобы трубкой не рѣзало головы. Замѣтивъ въ водѣ раковины, стояція на днѣ или между камнями и прикрѣпившіяся тамъ своимъ тупымъ концомъ, иногда по нѣскольку штукъ вмѣстѣ, промышленникъ поднимаетъ ихъ шестомъ около 2 сажень длиною, съ особыми на концѣ его щипцами, въ видѣ пучка тонкихъ желѣзныхъ прутковъ, иногда до 20 шт., связанныхъ въ одномъ концѣ вмѣстѣ, а въ другомъ раскинувшіеся другъ отъ друга отдѣльно и прикрѣпленныя тоже на шестѣ, длиною до 2 сажень, ударяетъ ими съ верху въ раковины, послѣднія, попадая подъ щипцы, задерживаются въ нихъ и поднимаются на плотъ.

Выбравъ изъ воды раковины, промышленникъ сортируетъ ихъ, и, уже не открывая, по наружному виду, можетъ опредѣлить въ какой раковинѣ есть жемчугъ, черный онъ, или чистый, а равно крупный или мелкій. Примѣты таковы: на внутренней сторонѣ раковины, содержащей жемчугъ, видны бороздочки, которыя на наружной образуютъ выпуклость, по величинѣ которой въ ширину опредѣляютъ крупный или мелкій жемчугъ; если выпуклость—бороздочка прошла отъ крѣпкаго соединенія раковины не далѣе половины ея, то жемчугъ долженъ быть чистый, а если далѣе половины и немного не дошла до конца раковины, то жемчугъ въ раковинѣ черный; если выпуклость—бороздочка прошла до самаго разъединенія раковины, то жемчугъ выкатился, или какъ говорятъ промышленники—„ушелъ“.

Бываетъ, что жемчугъ лежитъ въ раковинѣ довольно крѣпко, а иной разъ чуть держится; случается даже по 2—3 зерна въ одной раковинѣ, но это бываетъ рѣдко, при томъ жемчугъ этотъ очень мелокъ. Каждая раковина, стоящая въ водѣ однимъ концомъ кверху, содержитъ въ себѣ слизня, и жемчугъ держится преимущественно у краевъ раковины.

Какъ уже объяснено выше, при переѣздахъ на плотѣ съ одного мѣста на другое, помощью служитъ длинный шестъ; но этому помогаетъ еще бичева и одна изъ досокъ, которыми обнесень кругомъ плотъ; для этого на доскѣ сдѣланы прорѣзы и, если нужно на одномъ мѣстѣ рѣвки подвигаться

въ стороны, бичева (стоянка) переносится въ прорѣза и плоть двигается немного въ сторону, оставаясь на томъ же мѣстѣ рѣки по теченію.

Описанный способъ единственный на рѣкѣ Керети; другого промышленники не знаютъ; ловъ жемчуга производится только во время мелководья рѣки, въ сухую и ясную погоду, начиная съ конца мая мѣсяца до конца августа. При благоприятной исной погодѣ одинъ промышленникъ, знающій мѣста, гдѣ болѣе держится раковинъ, и обладающій хорошимъ зрѣніемъ, достаетъ жемчуга въ теченіе мѣсяца на сумму отъ 200—300 р. Добытый жемчугъ сбывается частію торговцамъ въ с. Керети и частію въ г. Архангельскѣ.

По заведенному обычаю, промышленникъ, доставшій удачно изъ рѣки раковины съ жемчугомъ, отмѣчаетъ мѣсто нахождения, дѣлая, на стоящей противъ него у рѣки елкѣ, отмѣтку на срединѣ ея и очищая сучья; но такія замѣтки дѣлаются только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ найденъ жемчугъ крупный и цѣнный.

Находка радія. На дняхъ нѣсколько пріѣхавшихъ изъ Нерчинскаго уѣзда крестьянъ обращались къ одному изъ проживающихъ въ Читѣ инженеру съ драгоценной находкой—рудой металла, принадлежащаго къ радіактивнымъ. На вопросъ, гдѣ она находится, они промолчали, заявивъ, что это ихъ тайна.

Письмо въ Редакцію.

М. Г., г. Редакторъ.

Позвольте, черезъ посредство редакціи „Извѣстій Арх. Общ. из. Русск. Сѣв.“, сообщить къ свѣдѣнію, что я, изъ принципа, не возражаю и впредь не буду возражать ни на какія статьи и корреспонденціи, пытающіяся задѣть лично меня, а полагая, что дѣло и время опровергаютъ сами собою появляющіяся въ печати небывлицы *) или искаженія, я буду продолжать свои журнальныя работы въ томъ направленіи, въ какомъ веду ихъ нынѣ, считая дѣло слишкомъ серьезнымъ для того, чтобы отклоняться на путь полемики „по личнымъ вопросамъ“, на что я не имѣю и времени.

Сотрудникъ „Извѣстій“
Андрей Журавскій.

СПБ.
1910 г. 18/VIII.
№ 1201.

Промысловыя телеграммы.

АЛЕКСАНДРОВСКЪ, 17 августа. Траулеръ „Востокъ“ добылъ 1500 пуд. разной рыбы. Камбалу и пикшу не бралъ.

ГАВРИЛОВО. Добыто трески отъ 5 до 25 пуд., цѣна 1 р.

ВАРДЭ. Промыселъ плохъ; цѣна трески 1 р 32к., пикши 55 пуд. Судовъ бѣломорскихъ 10.

*) Безразлично, — „за“ или „противъ“ меня.

РЫНДА. Добыто трески отъ 10 до 50 пуд. Наживка изъ Золотой и Гаврилова. 4 судна съ рыбой вышли въ Архангельскъ.

ХАРЛОВКА. Добыто трески отъ 15 до 50 пуд., цѣна 80—90 к.

ХАРЛОВКА, 18 авг. Добыто трески отъ 10 до 30 пуд.; пикши 3 пуд.

РЫНДА, 18 августа. Добыто трески отъ 20 до 60 пуд., цѣна 1 р. 15 к., воюкса 1 р. 90 к. Наживку доставляетъ Мурманскій моторъ.

ПОНОЙ, 18 августа. Отправлено въ Архангельскъ 260 пуд. семги Съ 18 августа добыто 50 пудовъ.

ГАВРИЛОВО, 18—20 авг. Добыто трески отъ 3 до 40 пуд., цѣна 1 р. воюкса 2 р. 20 к.

ВОСТОЧНАЯ ЛИЦА, 18—20 августа Добыто трески отъ 10 до 40 пуд., цѣна 1 р. 20 к. Недѣлю штормъ.

КОВДА, 20 августа. Выловлено 1500 боченокъ сельдей по 80 к. за боченокъ.

ТЕРИБЕРКА, 20 августа. Добыто трески отъ 5 до 60 пуд., цѣна 1 р. 55 к., воюкса 2 р. 70 к. Промышленники уѣзжаютъ.

ТРИЩИНО, 20 августа. Добыто трески отъ 15 до 55 пуд. Наживка привозная.

АЛЕКСАНДРОВСКЪ, 21 августа 1910 г. Привезено изъ Норвегіи трески соленой 26866, сушеной 1427, сайды соленой 115610, пикши соленой 8820, сушеной 196, палтуса 14554, зубатки 3340, камбалы 50, налимовъ 1665, окуней 7755, сельдей 463 пуда, сала звѣринаго 10 пуд. Изъ Керети, Умбы, Кандалакши, Ковды трески соленой 1000, головъ 50, семги 848, сала звѣринаго 25 пуд., съ Мурмана семги 11 пудовъ. Цѣны трески соленой 90 к.—1 р. 80 к., сушеной 4 р.—5 р., сайды соленой 1 р.—1 р. 50 к., пикши соленой 85 к.—95 к., сушеной 3 р.—3 р. 40 к., палтуса 3 р.—6 р., зубатки 1 р. 40 к.—1 р. 50 к., камбалы 1 р. 35 к., налимовъ 85 к., окуней 1 р. 90 к.—2 р. 5 к. пудъ, сельдей 60 к.—65 к., бочка семги 5 р.—12 р. пудъ.

ПОНОЙ, 21 августа. Добыто семги 7 пуд.

ВАРДЭ, 21 августа. Промыселъ средній, больше пикша, треска 1 р. 35 к., пикша 50 к. пудъ. Судовъ, купающихъ рыбу для Архангельска и Вѣломорскихъ портовъ—7.

ЮКАНЬГА, 22 августа. Добыто за недѣлю разной рыбы 34 пуд., семги 12 пуд.

АРХАНГЕЛЬСКЪ, 24 августа. Привезено изъ Норвегіи трески соленой 7638, сушеной 441, головъ 300, сайды соленой 4365, пикши соленой 9120, сушеной 118, палтуса 1752, зубатки 30, камбалы 54, окуней 2380, сельдей 161 пуд. Изъ Мезени, Печоры, Варнекъ, Мурмана—трески соленой 17370, сушеной 67, головъ 1080, пикши соленой 2855, сушеной 3, палтуса 13, зубатки 1180, камбалы 3, семги 2265, голюдовъ 1 п. 20 ф., омулей 400, жира тресковаго 1432, сала звѣринаго 859, шкуръ 54 пуд.

АЛЕКСАНДРОВСКЪ, 24 августа. Семга осенью ловится средне, цѣна отъ 12 до 14 р. пудъ; продаютъ непосредственно въ Архангельскъ.

РЫНДА, 24 августа. Добыто трески отъ 10 до 25 пуд., пикши 10 пуд. Два судна вышли въ Архангельскъ. Поморы развѣзжаются.

ВОСТОЧНАЯ ЛИЦА, 24 августа. Добыто трески отъ 5 до 35 пуд., пикши 5 пуд.

ГАВРИЛОВО, 25 августа. Добыто трески отъ 10 до 20 пуд., пикши 7 пуд. Треска 1 р., пикша 50 коп.

ХАРЛОВКА, 25 августа. Добыто трески отъ 10 до 30 пуд., пикши 5 пуд. Поморы садятся на „Зосиму“ Буркова и уѣзжаютъ домой.

ТЕРИБЕРКА, 26 августа. Наживки мало; поморы уѣзжаютъ домой.

ПОНОЙ, 26 августа. Добыто семги 3 пуда.

ТЕРИБЕРКА, 27 августа. Судно съ рыбой вышло въ Архангельскъ. На „Сергій Витте“ отбыли 400 поморовъ.

ГАВРИЛОВО, 27 августа. Добыто трески отъ 5 до 24 пуд., пикши 5 пуд. Отбыло около 500 поморовъ. Треска 1 руб., воюкса 1 руб. 20 коп. пудъ.

ВАЙДА-ГУБА, 28 августа. Добыто трески 10 п., пикши 8 пуд.; цѣна трески отъ 90 коп. до 1 руб. пудъ. Судно съ 3750 пуд. разной рыбы вышло въ Архангельскъ.

АРХАНГЕЛЬСКЪ, 28 августа. Привезено изъ Норвегіи трески соленой 31522, сушеной 1736, сайды соленой 61286, пикши соленой 17280, сушеной 440, палтуса 1190, зубатки 2610, камбалы 1232, окуней 220, налимовъ 2395, сельдей 67 пуд.; Печоры, Керети, Мезени, Онеги, Мурмана трески соленой 28668, головъ 20, сельдей 1480, семги 2715, тресковаго жира 95 пудовъ. Цѣна трески соленой 1 р. 30 к.—2 р. 40 к., сушеной—4 р.—5 р. 50 к., головъ 1 р. 30 к.—1 р. 60 к., сайды соленой—1 р.—1 р. 60 к., пикши соленой 1 р.—1 р. 30 к., сушеной 3 р.—8 р. 50 к., палтуса 3 р.—6 р., зубатки синей 1 р. 80 к.—2 р., пестрой 2 р. 80 к.—3 р., камбалы 1 р. 60 к.—1 р. 80 к., окуней 2 р.—2 р. 20 к., налимовъ 90 к.—1 р. 10 к., семги 8 р.—24 р., пудъ сельдей норвежскихъ 12 р. 50 к.—13 р., кандалакшскихъ 1 р. 10 к.—1 р. 30 к. боченокъ. „Сергій Витте“ за поморами вышелъ изъ Архангельска 26 августа.

СВѢДѢНІЯ О СОСТОЯНІИ
Съ 15 по 31
Наблюденія относятся

НАИМЕНОВАНИЕ СТАНЦІИ.	Направленіе и сила вѣтра по Бофорту.	Состояніе моря. I.	Состояніе погоды. II.	Облачность. III.	t наружнаго воздуха. II.
Вайдагубскій мало-маячный огонь.	S-2, SW-8 E-1, W-1 N-2 и штилей 2.	1-12. 2-2. 0-2.	1-3. 5-3. 2-10.	1-3. 4-13.	+9°.
Святоносскій маякъ.	SW-8, W-1 NW-2, NE-1 N-2 и штилей 2.	1-5. 2-6. 3-1. 0-3.	1-6. 5-2. 3-2. 2-6.	2-3. 0-3. 3-1. 4-9.	+7°.
Городецскій маякъ.	NW-5, NE-2 SW-8 и штилей 1.	2-7. 1-5. 0-4.	1-3. 5-3. 3-3. 2-7.	0-2. 3-3. 2-1. 4-10.	-
Орловскій маякъ.	NW-5, W-1 SW-6, N-1 и штилей 3.	2-6. 3-1. 0-3. 1-6.	1-7. 3-3. 5-1. 2-5.	0-2. 3-1. 2-1. 4-12.	+8°.
Мудьюгскій маякъ.	SW-1, E-6 NW-1, W-1 S-2, SE-3 и штиль 1.	1-14. 2-1.	1-13. 5-2.	2-5. 3-6. 1-4.	+9°.
Мудьюгскіи створныя башни.	SW-2, SE-2 NE-1, E-4 S-4, W-1 и N-1.	1-13. 2-1. 0-1.	1-7. 5-1. 2-7.	2-4. 1-3. 0-1. 4-7.	+9°.
Архангельская станція.	SSW-2, S-2 ESE-2 ENE-2 E-4, W-1 N-2 и SSE-1.	-	1-9. 2-6.	3-4. 1-2. 4-10.	+9°.

ПРИМѢЧАНІЕ: Цифры противъ румбовъ означаютъ число вѣтровъ. Цифры въ погоды, облачности и возможность плаванія во льдахъ, обозначаютъ числа дней, а

I Состояніе моря.		II. Состояніе погоды.		III. Облачность.	
Спокойное море	0	Ясно	1	Безоблачное небо	0
Легкое волненіе	1	Пасмурно	2	1/4 неба покрыта облаками	1
Волненіе	2	Туманъ	3	1/2 неба	2
Сильное волненіе	3	Сухой туманъ	4	3/4 —	3
Огромное волненіе	4	Дождь	5	Все небо покрыто облаками	4
Зыбь	5	Снѣгъ	6		
		Градъ	7		
		Гроза	8		

ПОГОДЫ, МОРЯ И ЛЬДОВЪ.
августа 1910 года.
къ 7 часамъ утра.

Высота барометра въ миллиметрахъ.	t воды на поверхности моря.	СОСТОЯНІЕ ЛЬДОВЪ.	IV. ПРИМѢЧАНІЯ. Число штормовъ и возможность плаванія.
770.	+8°.	—	—
764.	+7°.	—	Штормъ SW—1.
—	—	—	—
765.	+7°.	—	Штормовъ SW—3. Всего три шторма.
776.	+9°.	—	За одинъ день—30 августа свѣдѣній не получено.
775.	+10°.	—	Тоже.
774.	+12°.	—	—

графахъ I, II, III и IV съ правой руки отъ чиселъ, показывающихъ состояніе моря, въ графѣ IV цифры, противъ румбовъ, обозначаютъ число штормовъ.

IV. Возможность плаванія во льдахъ мореходныхъ судовъ вблизи маяка.

Плаваніе во льдахъ возможно безъ всякихъ затрудненій	0
— — — сопряжено съ незначительными затрудненіями	1
— — — съ затрудненіемъ возможно, но не опасно	2
— — — опасно	3
— — — совершенно невозможно	4

Контръ-адмиралъ въ отставкѣ А. Новаковскій.

Библиографическій указатель Литературы по Сѣверу.

(Съ 1-го января 1910 года).

(Въ этомъ отдѣлѣ будетъ печататься также и краткое содержаніе тѣхъ книгъ, касающихся Сѣвера, которыя поступаютъ для отзыва въ редакцію „Извѣстій“ или въ бібліотеку О-ва, а потому редакція покорнѣйше проситъ г.г. издателей и авторовъ, присылающихъ свои изданія или труды, дать возможность помѣщать свѣдѣнія о послѣднихъ въ настоящемъ отдѣлѣ, немедленно, по выходѣ ихъ въ свѣтъ. Кроме того, въ отдѣлѣ „Критика и бібліографія“ будутъ помѣщаться рецензіи о книгахъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ задачамъ Арханг. Общества изученія Русскаго Сѣвера).

а) Отдѣльныя сочиненія:

175. *Архангельское Общество* изученія Русскаго Сѣвера. Каталог выставки „Русскій Сѣверъ“. 1910. Отд. I. Художественныя произведенія. Архангельскъ. 1910. 8 стр.

176. *Списокъ* г.г. членовъ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера. Архангельскъ. 1910. 36 стр. 8^о.

177. *Объездъ* финляндскимъ генералъ-губернаторомъ финляндской Карелии въ июнѣ 1910 года. Гельсингфорсъ. 1910. 34 стр. 8^о.

178. *Журналъ* совѣщанія, состоявшагося (12 и 13 июля 1910 г.) въ г. Архангельскѣ для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ сѣверной лѣсной промышленности, связанныхъ съ отпусками лѣса изъ казенныхъ дачъ Сѣвера. 9 стр. въ листѣ.

179. *Waack, C. Von Andree bis Zeppelin. Das Luftschiff im Dienste der Polarforschung.* 8^о. m. 2. Bild u 3 Abbil. 1910. 64 p.

б) Статьи въ періодическихъ изданіяхъ и сборникахъ:

494. *Грюнеръ, С. А.* Финнозъ сѣвернаго оленя. „Арх. вет. наукъ“. 1910. № 8, стр. 952—957.

495. *Каломишъ, А. И.* С. Усолъе, Пермской губ. „Нали Охота“. 1910, июль, стр. 32—38.

496. *Приуральскія* (Вятская и Пермская) и сѣверныя (Архангельская и Вологодская) губернии въ сельско-хозяйств. отношеніи. „1910 годъ въ сел.-хоз. отношеніи“, вып. III, стр. 65—70.

497. *Изъ путешествія* преосвященнаго епископа якутскаго Иннокентія на Видлюю въ зиму 1909 г. „Правосл. благъ“. 1910. № 15, стр. 117—122.

498. *Скитозубовъ, Н.* Культурная помощь переселенцамъ на мѣстахъ водворенія вообще и агрономическая помощь въ частности. „Гр. Вол.-Экон. О-ва“. 1910. № 2—3, стр. 19—34.

499. *Кочергинъ, С. М.* Бесѣды по маслослѣлю. „Сиб. Земл. и Садоводъ“. 1910. № 7 (см. № 6), стр. 303—319.

500. *У. Н.* Какъ относится сибирское населеніе къ лѣсу. Тамъ-же, стр. 319—320.

501. *Дунинъ-Горкавичъ.* Условія судоходства въ Низовомъ краѣ. „Зап. по Гидр.“. 1910. XXXI, стр. 217—230.

502. *Онъ-же.* Географическое описаніе низовья р. Оби. Тамъ-же стр. 232—317.

503. *С. С.* Къ изслѣдованію сѣвернаго полярнаго бассейна. Тамъ-же стр. 317—330.

504. *Метеорологическія* наблюденія шт.-кап. Бѣлугина въ заливѣ св. Лаврентія въ Беринговомъ морѣ въ 1906—1907 г.г. Тамъ-же. (Прилож.) 25 стр.

505. *Вьломорская* съемка. „Отчетъ Гл. Гидр. Упр.“ за 1908 г. Стр. 68.

506. *Мурманская* съемка. Тамъ-же, стр. 79.

507. *Гидрографическія* работы въ Сѣв. Лед. океанѣ. Тамъ-же, стр. 89.

508. *Маячное дѣло* въ Вьломъ морѣ и Сѣв. Лед. океанѣ. Тамъ-же, стр. 139.

509. *Предостерегательныя* и сигнальныя станціи. Сѣв. Лед. океанъ и Вьлое море. Тамъ-же, стр. 148.

510. *Лоцмейстерская* дѣятельность. Вьлое море. Тамъ-же, стр. 152.

511. *Лоцманство.* Вьломорскій лоцманскій округъ. Тамъ-же, стр. 186.

512. *Условія* произрастанія хлѣбовъ и травъ въ Пермск. губ. за 2 полов. іюля, 1910 года. „Пермск. Земск. Недъ“. 1910. № 31, стр. 18—19 и № 32, стр. 22—24.

513. *Трава,* за 1 полов. августа. Тамъ-же, № 33, стр. 23—24.

514. *Противопожарныя* мѣры. Тамъ-же, № 31, стр. 20—23.

515. *С. Лобаново* (Учебно-ремесленная мастерская), Пермск. у. Тамъ-же, № 32, стр. 35—36.

516. *Землякъ, А.* Что сказалъ опытъ? (Сельск. хозяйство). Тамъ-же, № 32, стр. 40—41 и № 33, стр. 33—34.
517. *Мѣропріятія* Пермск. губ. земства по содѣйствию кустарной промышленности. Тамъ-же. №№ 32 и 33.
518. *Зав. Курашимскій*, Пермскаго уѣзда. Объ урожаѣ. Тамъ-же, № 33, стр. 33—34.
519. *Литовцинъ, А.* Кое-что о золотопромышленности. „Сиб. Вопр.“. 1910. № 25—26, стр. 48—53 и № 27, стр. 20—27.
520. *Л. К.* Очерки сибирской жизни. Тамъ-же, № 27, стр. 51—56.
521. *Бадовъ, Н.* Пчеловодство Вятской губ. (оконч.). „Русск. Пчеловодн. Листокъ“. 1910. № 6—7, стр. 197—199.
522. *Леонтьевъ, Т. В.* Обзоръ дѣятельности Олонцакаго губ. земства по народному образованію съ 1867—1909 г. „Вѣстн. Олон. Губ. Зем.“. 1910. № 15, стр. 4—6.
523. *А. К-нъ.* Ледиковская общественная лавка. Тамъ-же, стр. 6—8.
524. *Гербицкій, В.* Хозяйство на пожняхъ и болотахъ (прод.). Тамъ-же, стр. 22—24.
525. *Веберъ, К.* Каргопольская сельско-хозяйственная выставка 23—25 іюня 1910 г. Тамъ-же, стр. 29—32.
526. *Коренной, кр.* О нашемъ сельскомъ хозяйствѣ. Тамъ-же, стр. 32—34.
527. *Н. Н. Дюпельмаиръ*—„Травяныя поля“ и т д. (библ зам). „Сельское хоз. и лѣсов.“. 1910, іюль, стр. 677—679.
528. *Б. Н. Я* Агрономическія мѣропріятія земствъ Приуральскаго района въ 1908 г. Тамъ-же, стр. 607—646.
529. *Солдатовъ, В. В.* Къ вопросу о возможности земледѣлія на р. Витимѣ (окончаніе). „Вѣстн. Сельск. Хоз.“. 1910. № 32, стр. 10—14.
530. *Лемусъ, В. П.* По пермскому краю (продолж.). „Молочное хоз.“. 1910. № 31, стр. 534—538 и № 32, стр. 548—555.
531. *Пири, Р.* Какъ я открылъ сѣв. полюсь. Нед. Совр. Слова“. 1910. №№ 123—124.
532. *Лѣсное дѣло.* „Технико-пром. Вѣстн.“. 1910. № 6, стр. 29—30.
533. *Маломятенковъ, Н.* Молочныя артели Яросл. и Волог. губ. „Нужды деревни“, 1910. № 30, стр. 943—946 и № 31, стр. 978—981.
534. *О нуждахъ лѣсовъ* нашего Сѣвера. „Лѣсо-икъ“. 1910. № 33, стр. 467—469 и № 34, стр. 480—481.
535. *А. Р.* Онежскій портъ и совѣщаніе о его улучшеніи. Тамъ-же, № 33, стр. 465—467.
536. *Попомаревъ, А.* Изъ Перми. (Объ оцѣночн. норм. лѣса). Тамъ-же, № 34, стр. 486.
537. *Правила* сплава по р Кубинѣ и ея притокамъ лѣсныхъ матеріаловъ на судахъ, въ плотахъ и розсыпью. „Лѣсопр. Вѣстникъ“. 1910. № 34, стр. 364—366.
538. *Арс. Никодимъ*. Соловецкій монахъ Зосима. „Прав. Финлянд. Сборн.“. 1910, № 2, стр. 15—18.
539. * * * Къ вопросу о школьномъ просвѣщеніи бѣломорскихъ карель, Кемскаго у. Тамъ-же, стр. 101—103.
540. *Записки* Пермск. бирж. комитета о нуждахъ водяныхъ путей Камскаго бассейна. „Бюлл. междувѣд. комиссіи для улучш. путей сообщенія“. 1910. № 12, стр. 719—734.
541. *Ходатайство* передъ министр. П. С. Вологодскаго губернат., объ устройствѣ Лаче-Кубинскаго сообщ. — Записка Каргопольской у. земск. Управы о томъ же. — Доклады министр. П. С. о томъ же. — Тамъ же, № 12, стр. 745—751.
542. *Максимовъ, В. В.* Водныя пути въ Сибирѣ въ связи съ проектами постройки кн ж. д. въ Алтайскомъ округѣ. Тамъ же. № 14, стр. 882—887.
543. *Родевичъ, В. М.* О дѣятельности М. П. С. на рр. Сибирѣ и программа предстоящихъ работъ. Тамъ же, № 14, стр. 887—904.
544. *Онъ же.* О работахъ по улучшенію судоходныхъ условій водяныхъ путей Сибирѣ. Тамъ же, стр. 904—921.
545. *Онъ же.* О наиболѣе прямомъ соединеніи рр. Оби и Енисея. Тамъ же, № 14, стр. 925—928.
546. *Поповъ, Н. В.* Къ вопросу объ устройствѣ воднаго сообщенія изъ бас. р. Камы въ бас. р. Оби. Тамъ же, № 14, стр. 921—925.
547. *Родевичъ, В. М.* Проектъ постановки работъ по осуществленію воднаго пути Тобольск-Иркутскъ. Тамъ же, № 14, стр. 928—936.
- в) Газетныя статьи.
256. *Pleander.* Лѣсоустройство и хозяйственные заготовки. „С.-Петерб. Вѣд.“. 1910. № 178.

257. *Аренбергъ Л.* Изъ страны тысячи озеръ (Житво въ Финляндіи). Новелла. „Яросл. Зарницы“. 1910. № 32.
258. *Р-ій.* Финская пропаганда въ Карелии. „Нов. Вр.“. 1910. № 12362.
259. *Къ развитію* Сѣвера (естествен. богатства Сѣвера и ихъ эксплуатація.) „Арх-скъ“. 1910. № 188.
260. *Жаковъ К.* Страница изъ жизни Сѣверной деревни. (Беллетрист. очеркъ) „Арх-скъ“. 1910. №№ 190—192.
261. *К-ли С.* О типѣ ружья, наиболее пригоднаго для сѣвернаго промышленника. „Арх. Губ. Вѣд.“. 1910. № 185.
262. *К-въ А.* Кооперация на Сѣверѣ. „Арх. Губ. Вѣд.“. 1910. № 186. „Сельскій Вѣст.“. 1910. № 69.
263. *Сосновскій П.* Арханг. губернаторъ. О русскомъ Сѣверѣ. (Письмо въ редакцію „Нов. Вр.“ По поводу статьи М. О. Меньшикова „Борьба за Сѣверъ“. „Нов. Вр.“ 1910 № 12375. „Арх. Губ. Вѣд.“. 1910. № 186.
264. *Еще къ* колонизаціи Печорскаго края. (По поводу статьи М. Меньшикова „Борьба за Сѣверъ“. „Арх-скъ“. 1910. № 181.
265. *Христианія.* Полярная экспедиція Амундсена на „Фрамъ“. „С.-Петербур. Вѣд.“. 1910. № 184. „Арх. Губ. Вѣд.“. 1910. № 184.
266. *По поводу* конференціи о Шпицбергенѣ. „Русскія Вѣд.“. 1910. № 183.
267. *Ивъ.* Врачебно-санитарный надзоръ за школами въ Архангельскѣ. „Арх-скъ“. 1910. №№ 182, 183.
268. *Врадій, В. П.* Рыбпромышленный музей крайняго Сѣвера. „Арх. Губ. Вѣд.“. 1910. № 183.
269. *Улучшеніе* Архангельскаго порта. Нужды смольной, хлѣбной и рыбной торговли. Нужды Таможни. Другія нужды порта. Арх-скъ“. 1910. №№ 178, 185, 187.
270. *С-ій Н.* На выставкѣ „Русскій Сѣверъ“ (устроенной Арханг. Общ. Изуч. Рус. Сѣв.). „Арх-скъ“. 1910. № 184.
271. *К-въ А. П.* Путевые наброски въ г. Холмогоры (Изъ дорожныхъ впечатлѣній). „Арх. Губ. Вѣд.“. 1910. №№ 174—185. (См. Библ. указ. въ № 16 „Изв.“).
272. *Посторонній.* Къ ликвидаціи Холмогорскаго общества потребителей „Арх-скъ“. 1910. № 188.
273. *А. А.* Народное творчество. I. Пѣсни Поморья. II. Изъ поморскихъ повѣрій. „Ярославъ Зарницы“. 1910. № 31.
274. *Юванинъ.* Свадьба въ Поморьѣ (этнографич. очеркъ изъ жизни крестьянъ Кемек. у Арх. г.). „Ярослав. Зарн.“. 1910. №№ 32—34.
275. *Шеринъ, Н. А.* На Дальнемъ Сѣверѣ. (По Мурманскому побережью). „Моск. Вѣд.“. 1910. № 195.
276. *Рау.* Дѣятельность биологической станиціи въ Александровскѣ на Мурманѣ. „Арх-скъ“. 1910. № 183.
277. *М. С.* Печорскій у. Арханг. г. Нужды лѣсного хозяйства. „Россія“. 1910. № 1461.
278. *Любовъ.* Изъ-за Печоры. Пароходство на Печору и на Печорѣ. „Арх-скъ“. 1910. № 177.
279. *Носиловъ К.* Къ захвату Груманта и Новой Земли. „Моск. Вѣд.“. 1910. № 183. „Арх. Губ. Вѣд.“. 1910. № 176.
280. *Пересъ Б.* Открытіе русской колоніи на Новой Землѣ. „Арх-скъ“. 1910. № 181 (Перепечат. изъ „Изв.“ № 15 1910 г.).
281. *Къ вопросу* о сооруженіи Камско-Печорской ж. д. „Урал. Край“. 1910. № 177.
282. *Швецовъ М.* Очерки изъ исторіи Вологодскаго края. „Вологод. Справ. Лист.“ 1910. № 121 (См. Библ. Указ. въ № 16 „Изв.“).
283. *Вазановъ Н.* Изъ Уральской старообрядческой старины. (Истор. очеркъ). „Урал. Край“. 1910. № 175.
284. *Груздевъ С.* По поводу всероссійской выставки скота и сѣзда по вопросамъ массоваго улучшенія. (Въ статьѣ приведены данныя о положеніи скотоводства въ Пермск. губ.). „Урал. Край“. 1910. № 182.
285. *З. С.* Изъ Перми. Совѣщаніе по лѣсопромышленности. Опыты сухой перегонки дерева. „Торг.-Пром газ.“. 1910. № 189.
286. *Съ Урала.* Новая ж. д. Казань-Екатеринбургъ. „Нов. Вр.“. 1910. № 12357.
287. *М-вичъ В. Д.* Съ Урала. Къ вопросу о сооруженіи у Перми гавани на Камѣ. Ходатайство чернышскаго земства о соединеніи ж. д. Камско-печорскаго водныхъ бассейновъ. Первые показательные хутора на Камѣ. „Торг.-Пр. газ.“. 1910. № 184.
289. Къ вопросу о водныхъ путяхъ сообщенія. (Соединеніе бассейновъ р.р. Камы съ Тоболомъ). Докладъ члена Г. Д. Д. А. Исаева. „Урал. Край“. 1910. № 173.

2) *Карты.*

Отчетныя карты Бѣлаго моря и Сѣв. Лед. океана за 1908 и прежніе годы. Масшт. 75 в. въ 1 д. „Отчетъ Гл. Гидр. Упр.“ за 1908.

Карта Бѣлаго м. и Сѣв. Лед. океана. Съ обозначеніемъ мѣстъ крушеній за 1907-М. 50 в. въ 1 д. „Записки по Гидр.“ 1910. XXXI.

Изданія Главнаго гидр. управленія:

Карта ос-вовъ Кузова. М. 250 с. въ д.

№ 774. *Медвѣнскій* заливъ. М. 200 с. въ д.

№ 761. *Сѣверная* часть Кольскаго залива. М. 500 с. въ д.

Издатель Архангельское Общество изученія Русскаго Сѣвера. Редакторъ В. Ленгауэръ.

Т О Р Г. Д О М Ъ.

Н. Г. Григорьевъ съ С-ми въ Москвѣ.

ФАБРИКА КОЛБАСНО-ГАСТРОНОМИЧЕСКИХЪ ИЗДѢЛІЙ (Существуетъ съ 1861 года).
На Большой Ордынкѣ, свой домъ. Телефонъ № 53—34.

Тригорій Леоктѣевичъ Державицъ

(мѣстоожительство: почтов. станц. Дубровка, Тверской губ.)

дoвѣрeннoй

Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера, для продажи изданій Общества, а также для приѣма объявленій и подписки на „Извѣстія А. О. И. Р. С.“

Акц. О-ва „Брокгаузъ-Ефронъ“, Спб.
Товарищества „Общественная Польза“, Спб.
Худож. издан. „Гросманъ и Кнебель“, Москва.

и
пpедcтавитель

Товарищества механическаго завода В. Г. СТОЛЛЬ и К. Воронежъ.

Правленіе Архангельскаго О-ва изученія Русскаго Сѣвера доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что въ виду могущей быть спекуляціи именемъ Общества при собираніи разными лицами коллекцій и всякихъ матеріаловъ, относящихся къ Сѣверу, для устройства частныхъ коллекцій, музеевъ и проч., не имѣющихъ никакой связи съ Архангельскимъ О-вомъ изученія Р. С., слѣдуетъ просить отъ таковыхъ лицъ предъявленія письменнаго удостовѣренія Правленія, а въ сомнительныхъ случаяхъ — обращаться за справками непосредственно въ Правленіе.

Биржевой залъ

(Зданіе Архангельской Таможни, входъ со стороны Набережной
р. С. Двины).

Архангельскимъ Обществомъ изученія Русскаго Сѣвера
открыта **ВЫСТАВКА**
„Русскій Сѣверъ“.

Картины, рисунки, фотографіи, гравюры, геогра-
фическія и историческія карты и проч.

Выставка открыта съ 10 час. утра до 6 час. вечера.

Цѣна за входъ съ благотворительнымъ сборомъ:

Для взрослыхъ	22 коп.
Для учащихъ въ формѣ, малолѣтнихъ и нижнихъ чиновъ арміи и флота	12 коп.
По четвергамъ — для всѣхъ	55 коп.

Правленіе Архангельскаго Общества
изученія Русскаго Сѣвера.

Р е д а к ц і я

„Извѣстій Архангельскаго
Общества изученія
Русскаго Сѣвера“

помѣщается въ Архангельскѣ, на
углу Оперной ул. и Петербургскаго
просп., въ д. Новосельцева, въ квар-
тирѣ редактора Владиміра Андре-
евича Ленгауэръ, который припи-
маетъ для личныхъ переговоровъ
въ воскресенье отъ 2—2¹/₂ ч. дня
и въ среду отъ 1—1¹/₂ ч. дня.

П р а в л е н і е

„Архангельскаго Общества изу-
ченія Русскаго Сѣвера“ покор-
нѣйше проситъ учрежденія и
лицъ, сочувствующихъ цѣлямъ
Общества, о бесплатномъ пре-
доставленіи библіотекъ Об-
щества по экземпляру своихъ
печатныхъ трудовъ и изданій,
и при взаимномъ обмѣнѣ пе-
риодическими изданіями о при-
сылкѣ ихъ на имя Редакціи
„Извѣстій А. О. П. Р. С.“